

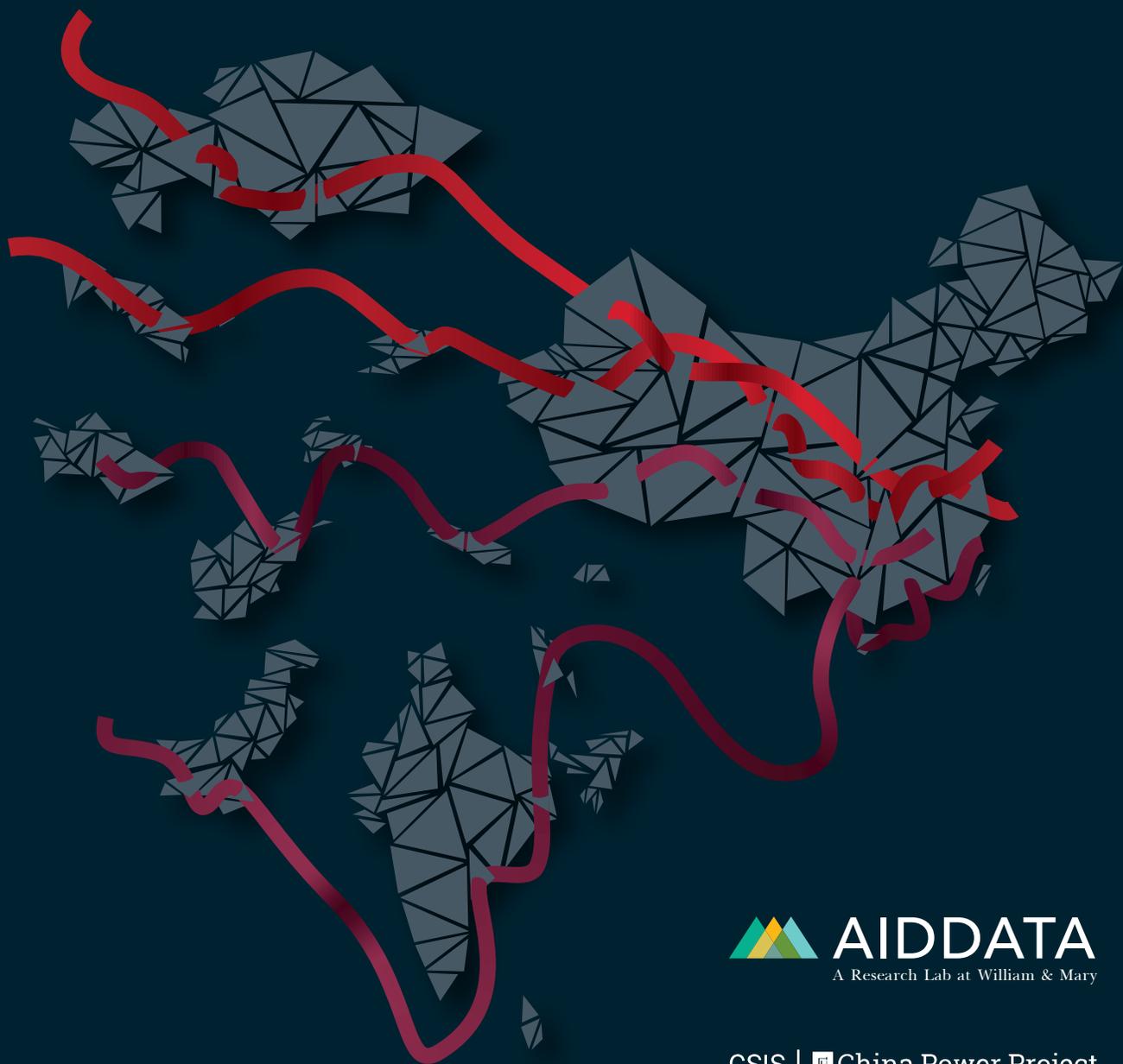
Дипломатия «Шелкового пути»:

анализ комплекса методов влияния Пекина в Центральной и Южной Азии

Саманта Кастер, Таня Сети, Джонатан А. Солис, Джойс Цзяхуэй Лин,
Сиддхартха Гхош, Анабхав Гупта, Родни Найт и Остин Бейер

Опубликовано: декабрь 2019 г.

Переведено: август 2021 г.

 AIDDATA
A Research Lab at William & Mary

CSIS | China Power Project

 Asia POLICY
Society INSTITUTE

Благодарности

Настоящий отчет подготовили Саманта Кастер, Тани Сети, Джонатан А. Солис, Джойс Цзяхуэй Лин, Сиддхартха Гхош, Родни Найт и Остин Бейер (лаборатория AidData колледжа Уильяма и Мэри), а также Анабхав Гупта (Азиатский Институт Общественной Политики (Asia Society Policy Institute, ASPI)). Результаты и выводы, указанные в отчете, представляют точку зрения авторов и не обязательно отражают мнение инвесторов, партнеров и консультантов, которым мы выражаем благодарность ниже.

В целом исследование было проведено совместно с Деброй Айзенман, Линдси Форд и Максом Хиллом (Азиатский Институт Общественной Политики), а также Бонни Глейзером, Мэтью Фунайоле и Келли Флаерти (проект «Могущество Китая» (China Power), Центр Стратегических и Международных Исследований (Center for Strategic and International Studies, CSIS)), которые предоставили исключительно ценные рекомендации по структуре исследования, подготовке отчета и логистической поддержке для проведения опросов в процессе исследования. Авторы также выражают благодарность независимым экспертам, способствовавшим систематизации наших суждений и совершенствованию стиля изложения окончательного отчета, в том числе: Искандеру Акилбаеву (Казахстанский совет по международным отношениям), Сэмьюэлу Бразису (Университетский колледж Дублина), Амрите Яш (Центр исследований боевых действий на суше), Динуше Пандитаратне (Бруклинский институт), Толату Рауфуддину (Мальдивский национальный университет), Бредли Парксу (лаборатория AidData колледжа Уильяма и Мэри), Фархеду Толипову (учреждение «Билим карвони» («Караван знаний»)), Сварниму Уагле (Институт комплексных исследований в области развития) и Лайлуфар Ясмин (Бангладешский институт права и международных отношений).

Мы также благодарны 216 государственным служащим, ведущим представителям общественности и частного сектора, ученым, журналистам и сотрудникам иностранных дипломатических служб, представляющим 145 организаций и ведомств, которые любезно согласились принять участие в опросах, обеспечивших получение основной информации и предоставивших ответы на наши вопросы относительно состояния публичной дипломатии Китая в Бангладеш, Казахстане, на Мальдивах, в Непале, Шри-Ланке и Узбекистане. Полученная от них информация позволила сформировать определенное представление об ограничениях и возможностях превращения инициатив Китая в сфере публичной дипломатии в средство усиления его влияния на иностранных лидеров и общественность.

Авторы выражают особую благодарность указанному далее персоналу лаборатории AidData и научным сотрудникам, которые провели многочасовую работу, помогая исследовательской группе собирать данные и решать вопросы реализации проекта, связанные с данной публикацией: Брук Рассел, Кэтрин Уолш, Молли Чарльз, Стивен Прессендо, Вэнянг Пэн, Пейдж Якобсон, Зайи Фу, Катринн Уайлахер, Каролин Дакворт, Сяофань Хань, Карлос Голден-Вилларс, Ментин Лей, Каролин Морин, Вензи Пэн, Ричард Роблз, Юнджи Ши, Натали Уайт, Фатиа (Фей) Даводу, Карина Билджер, Рауль Де Ла Гуардиа, Синьяо Ван и Линкольн Залески. Джон Кастер, Сорен Паттерсон и Паркер Ким (лаборатория AidData колледжа Уильяма и Мэри) непосредственно занимались редактированием, форматированием, оформлением и визуализацией данных, которые, мы надеемся, сделали данную публикацию более интересной для читателя.

Настоящее исследование было проведено при широкой поддержке Государственного департамента США, а также в сотрудничестве с Азиатским Институтом Общественной Политики и проектом «Могущество Китая» Центра Стратегических и Международных Исследований.

Библиографическая ссылка

Custer, S., Sethi, T., Solis, J., Lin, J., Ghose, S., Gupta, A., Knight, R., and A. Baehr. (2019 г.). Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia. 10 декабря 2019 г. Уильямсберг, шт. Виргиния. Лаборатория AidData колледжа Уильяма и Мэри.

Приложение

Для ознакомления с методическими приложениями данного отчета см. электронную версию, доступную по адресу: <https://aiddata.org/publications/silk-road-diplomacy>.

Содержание

1. Вступление: количественное представление инициатив Пекина в сфере публичной дипломатии и их влияние в Центральной и Южной Азии	1
1.1 Как мы определяем комплекс методов публичной дипломатии Пекина и как понимаем ее цели?	2
1.2 Количественное представление вклада Пекина в мероприятия в сфере публичной дипломатии и их результатов в Центральной и Южной Азии	2
2. Каким образом можно дать количественную оценку мер публичной дипломатии Пекина?	4
2.1 Какие методы использует Пекин в рамках комплекса публичной дипломатии?	4
2.2 Какие методы публичной дипломатии предпочитает Пекин в отношении исследуемых стран?	20
2.3 Заключительные соображения	24
3. Как страны Южной Азии воспринимают инициативы Пекина в сфере публичной дипломатии и его влияние	25
3.1 Региональный лидер: Пекин пытается позиционировать себя как надежного экономического партнера, несмотря на негативную политическую реакцию в Шри-Ланке	26
3.2 Кредитный рай: Пекин нацелился на Мальдивы как ворота в Индийский океан	30
3.3 Баланс сил: Бангладеш приветствует Пекин как инфраструктурного партнера в противовес Нью-Дели	34
3.4 «Батат меж двух валунов»: Непал приветствует попытки Пекина как альтернативу Индии»	37
3.5 Заключительные соображения	42
4. Как страны Южной Азии воспринимают инициативы Пекина в сфере публичной дипломатии и его влияние	43
4.1 Обеспечение безопасности: обретение партнера в лице Казахстана имеет решающее значение для марша Пекина на запад	44
4.2 золотая середина: Ташкент пытается найти баланс между влиянием Пекина и других иностранных держав	48
4.3 Заключительные соображения	53
5. Связана ли деятельность Пекина в сфере публичной дипломатии с результатами, которых он стремится достичь в странах ЦЮА?	54
5.1 Что определяет способы реализации мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина в других странах?	54
5.2 Почему некоторые люди и некоторые страны воспринимают Пекин в более благоприятном свете, чем другие?	59
5.3 Связаны ли инициативы в сфере публичной дипломатии Пекина с более благоприятной для него позицией стран в области внешней политики?	61
5.4 Обуславливает ли деятельность Пекина в сфере публичной дипломатии более выгодный торговый баланс со странами ЦЮА?	63
5.5 Заключительные соображения	65

6. Каково будет будущее публичной дипломатии Пекина в отношении руководства и граждан стран Южной и Центральной Азии?	66
6.1 Основные выводы относительно публичной дипломатии Пекина в регионе ЦЮА	66
6.2 Последствия для стран, принимающих инициативы Пекина	67
6.3 Выводы для стратегических конкурентов Пекина, учитывая увеличение его влияния	68
6.4 Заключительные соображения	69

Графики и карты

Карта 1. Китайские институты и классы Конфуция в странах ЦЮА, 2005–2018 гг.	7
Карта 2. Соглашения о городах-побратимах между Китаем и странами ЦЮА, по состоянию на 2018 год	9
График 1. Студенты стран ЦЮА, обучающиеся в Китае, и получатели китайских стипендий	11
Карта 3. Визиты государственных служащих Китая и стран ЦЮА, 2000–2017 гг.	13
Карта 4. Военная дипломатия Китая в отношении стран ЦЮА, 2003–2016 гг.	14
Карта 5. Работа высшего руководства Китая со СМИ стран ЦЮА, 2002–2017 гг.	17
Карта 6. Финансовая дипломатия Китая в отношении стран ЦЮА, 2000–2017 гг.	18
График 2. Объем и структура мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая по годам, 2002–2017 гг.	22
График 3. Объем и структура мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая по странам, 2002–2017 гг.	23

Дополнения

Дополнение 1. Количественное представление методов публичной дипломатии Китая	5
Дополнение 2. Согласованность голосования на заседаниях ГА ООН: сходство идеальных точек	62

Таблицы

Таблица 1. Косвенные показатели, используемые для количественного анализа публичной дипломатии Китая, 2002–2017 гг.	21
Таблица 2. Анализ определяющих факторов распределения мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина	56
Таблица 3. Определяющие факторы публичной дипломатии Пекина в странах ЦЮА, 2001–2017 гг.	57
Таблица 4. Анализ благоприятного отношения общественности и публичной дипломатии Пекина	58
Таблица 5. Публичная дипломатия Пекина и восприятие общественностью, согласованность внешней политики и чистый объем экспорта	59
Таблица 6. Анализ данных голосования на заседаниях ГА ООН и публичной дипломатии Пекина	62
Таблица 7. Анализ торгового баланса Китая со странами ЦЮА и публичной дипломатии	64

Список аббревиатур

АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
БИМСТЕК	Инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации
ВВП	Валовой внутренний продукт
ГА ООН	Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций
ИКТ	Информационно-коммуникационные технологии
МВФ	Международный валютный фонд
МИД	Министерство иностранных дел
МФУ	Международные финансовые учреждения
НОАК	Народно-освободительная армия Китая
НШП	Новый шёлковый путь
ООН	Организация Объединенных Наций
ОПОП	Инициатива «Один пояс, один путь»
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ПИИ	Прямые иностранные инвестиции
ППМ	Прогрессивная партия Мальдив
СААРК	Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии
СУАР	СУАР - Синьцзян-Уйгурский автономный район
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
AFSA	Комитет МФЦА по регулированию <i>финансовых услуг (Astana Financial Services Authority)</i>
AMIS	Информационная система управления иностранной помощью Министерства финансов Непала
ASPI	Азиатский Институт Общественной Политики (<i>Asia Society Policy Institute</i>)
BNP	Националистическая партия Бангладеш
BSF	Пограничные силы безопасности Индии (<i>Indian Border Security Force</i>)
CCTV	Центральное телевидение Китая CCTV
CCWAEC	Экономический коридор Китай - Центральная Азия - Западная Азия (<i>China-Central Asia-West Asia Economic Corridor</i>)
CGTN	Глобальная телевизионная сеть Китая
CPEC	Китайско-пакистанский экономический коридор (<i>China-Pakistan Economic Corridor</i>)
CRI	Международное радио Китая
CSIS	Центр Стратегических и Международных Исследований (<i>Center for Strategic and International Studies</i>)
GWP	Всемирный опрос Gallup World Poll survey
КННК	Китайская национальная нефтегазовая корпорация
MDP	Мальдивская демократическая партия
MOFCOM	Министерство торговли Китайской Народной Республики
TWAS	Всемирная академия наук (<i>The World Academy of Sciences</i>)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вступление: количественное представление инициатив Пекина в сфере публичной дипломатии и их влияние в Центральной и Южной Азии

Стремление Пекина представить себя в самом выгодном свете для остального мира не является уникальной особенностью Китая: различные страны в течение длительного времени практикуют искусство публичной дипломатии, чтобы добиться одобрения граждан и должностных лиц других стран с целью продвижения своих национальных интересов (Helmets, 2016 г.). В этом отношении лидеры Китая учитывают необходимость расширения возможностей публичной дипломатии правительства для эффективного контроля негативной реакции на возрастающую в течение последних двух десятилетий экономическую и военную мощь Китая, а также приобретения друзей и союзников с целью реализации своих глобальных амбиций (Zhang, 2018 г.; Liu, 2017 г.; Cheng, 2016 г.).

Подписание председателем КНР Си Цзиньпином документов в сфере реализации международных проектов, в том числе широко известной инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), вызвало различные домыслы среди тех, кто рассматривает эти меры как стратегический отход от принципа «скрывай свою силу и ожидай удобного времени», который использовали его предшественники (Esonomu, 2019 г.; Yan, 2014 г.; Nie, 2016 г.). Однако при этом не учитывается тот факт, что заинтересованность Пекина в контроле своего глобального имиджа с середины 2000-х годов в равной мере разделял предшественник Си Цзиньпина — Ху Цзиньтао, и такой подход пользуется широкой поддержкой среди правительственных чиновников и членов Коммунистической партии Китая (КПК) (Fitzgerald, 2018 г.; Shambaugh, 2018 г.).

Амбиции Пекина могут иметь глобальный характер, но особый интерес он проявляет к установлению более тесных связей со своими соседями в регионе,¹ в том числе 13 странами Центральной и Южной Азии (ЦЮА),² которых в основном касается настоящий отчет (Swaine, 2014 г.; Li и Zheng, 2016 г.). Китайские лидеры стремятся избежать нестабильности в соседних странах, которая может привести к волнениям в Китае. Более того, Пекин стремится проецировать силу для сдерживания влияния своих региональных соперников — Индии и России. Наконец, руководство Китая рассматривает многие страны региона как поставщиков сырья, необходимого Китаю для функционирования экономики, как рынки для китайских товаров и инвестиций, а также транзитные узлы для выхода на привлекательные рынки в Европе.

Пекин не имеет достаточные возможности для достижения этих многочисленных целей при помощи обычных военных средств, а западный регион страны имеет низкий уровень экономического развития в сравнении с густонаселенными прибрежными областями. Как указывают Scobell и др. (2014 г.), «оборонная структура правительства Китая сильно смещена на восток», и в целях компенсации Пекин использует «стратегию пустого форта» для проецирования силы в отношении стран ЦЮА, чтобы «замаскировать серьезные недостатки». В связи с этим публичная дипломатия представляет собой критически важную составляющую методов воздействия Пекина для нейтрализации потенциальных угроз, решения внутренних проблем и достижения превосходства в борьбе за влияние над региональными соперниками Китая. Как указал эксперт по международным отношениям Джон Аркилла (Nye, 2014 г.), «в современную эпоху глобальной информации победа может иногда определяться не тем, чья армия одержит победу, а тем, чья история победит».

Целью авторов этого отчета является определение того, какие методы, в отношении каких государств и с какими намерениями использует Пекин в регионе ЦЮА. Для реализации этого исследовательская лаборатория AidData колледжа Уильяма и Мэри совместно с Азиатским Институтом Общественной Политики (ASPI) и проектом «Могущество Китая» Центра Стратегических и Международных Исследований (CSIS) собрали беспрецедентно большой объем качественных и количественных данных относительно публичной дипломатии Пекина в регионе ЦЮА за период с 2000 по 2018 гг. Мы полагаем, что расширение инициатив правительства Китая в сфере публичной дипломатии в странах ЦЮА ведет к более благоприятному восприятию Пекина общественностью стран региона и сближению политических позиций лидеров стран ЦЮА с позицией Пекина.

В последующих главах мы подвергаем эту гипотезу эмпирической проверке посредством количественного анализа объема и структуры мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина в регионе ЦЮА (глава 2), исследования фактического восприятия этих инициатив в шести странах (главы 3 и 4), оценки соответствия вклада Пекина в публичную дипломатию и результатов, которых он стремится достичь (глава 5), а также представления полученных уроков и возможных последствий для региона ЦЮА (глава 6). В остальной части этой главы мы представляем дополнительную информацию относительно формирования концепции (раздел 1.1) и количественного анализа (раздел 1.2) инициатив Пекина в сфере публичной дипломатии.

¹ В работе Li и Zheng (2016 г.) авторы утверждают, что термин «соседние страны» относится к странам, «расположенным к востоку от Уральских гор, пролива Босфор и Суэцкого канала; к югу от Кавказских гор; и к западу от Берингова моря». Примечательно, что 8 из 14 стран, граничащих с Китаем, находятся в регионе Центральной и Южной Азии.

² В этом отчете мы полагаем, что в регионе Центральной и Южной Азии находятся следующие страны: Афганистан, Бангладеш, Бутан, Казахстан, Кыргызстан, Индия, Мальдивы, Непал, Пакистан, Шри-Ланка, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан.

1.1

Как мы определяем комплекс методов публичной дипломатии Пекина и как понимаем ее цели?

В данном исследовании мы намереваемся оценить как вклад Пекина в мероприятия в сфере публичной дипломатии, так и влияние этой деятельности на страны ЦЮА. С этой целью мы в качестве основы используем концептуальные и методологические положения, использованные в предшествующей работе, проведенной Custer и др. (2018 г.) для системного анализа инициатив Китая в сфере публичной дипломатии в 25 странах региона Восточной Азии и Тихого океана (ВАТ). В частности, мы расширили исходное определение, предложенное авторами, теорию изменений и таксономию публичной дипломатии на основании исчерпывающего обзора 40 академических исследований и опросов девяти известных экспертов в области теории и практики публичной дипломатии. Все эти данные применены при исследовании нового региона мира.

Пекин реализует стратегию публичной дипломатии — комплекс мер, используемых для влияния на взгляды, выбор и действия граждан и лидеров других стран, — с целью привлечения на свою сторону общественности этих стран и продвижения своих национальных интересов. В процессе реализации этой стратегии китайское руководство использует пять методов публичной дипломатии: 1) информационную дипломатию; 2) культурную дипломатию; 3) дипломатию обмена; 4) финансовую дипломатию; и 5) дипломатию элит (см. дополнение 1). Однако процесс превращения мер публичной дипломатии в поддающиеся измерению результаты не является простым или быстрым как для Пекина, так и любой другой страны (см. Приложение, чтобы ознакомиться с теорией изменений).

В лучшем случае иностранное государство, реализующее инициативы в сфере публичной дипломатии (передающая страна), может надеяться на инициирование цепной реакции, в результате которой граждане и лидеры другой страны (получающая страна) изменяются в положительном направлении — от повышения информированности и привлекательности до более широкой согласованности и солидарности, — так что они готовы придерживаться точки зрения передающей страны и предпринимать действия, соответствующие ее интересам. Хотя мы считаем, что общие контуры теоретического подхода Пекина к трансформации мер публичной дипломатии в продвижение своих интересов не зависят от региона, по нашему мнению, руководство Китая в своих отношениях с 13 странами региона ЦЮА, по всей видимости, преследует конкретные цели в области экономики, внешней политики и репутационных факторов, указанные ниже.

В части экономики китайское руководство стремится достичь в регионе ЦЮА нескольких целей: продуктивное использование избыточных резервов иностранной

валюты, преференциальные двусторонние торговые и инвестиционные сделки, эффективные транспортные маршруты для китайского экспорта и доступ к новым источникам энергии и сырья. Что касается внешней политики, Пекин стремится заручиться поддержкой «принципа единого Китая», обеспечить безопасную транспортировку экспортных и импортных товаров, стабильность в неспокойных западных регионах Китая, противодействие влиянию стратегических конкурентов Пекина и минимизировать осуждение внутренней политики Пекина. Поскольку Пекин имеет не только региональные, но и глобальные амбиции, склонение лидеров стран ЦЮА к согласованным с Китаем действиям в международных организациях, принимающих решения, также является исключительно важным фактором для проецирования силы правительством Китая при необходимости получения решающего голоса в процессе голосования по приоритетным для него вопросам.

Кроме развития связей с политической элитой и ведущими представителями бизнеса, правительство Китая глубоко заинтересовано в формировании идеологических установок СМИ и общественности, стимулирующих одобрение, а не опасения в связи с ростом экономической и военной мощи Китая. Китайские лидеры стремятся устранить предполагаемые различия с гражданами стран ЦЮА, которые часто ощущают более тесную культурную и языковую близость к Индии в Южной Азии или к России в Центральной Азии. Такое «управление публичным образом на базовом уровне» (Brazys и Dukalskis, 2019 г.) также предусматривает побуждение граждан стран ЦЮА к преодолению ранее существовавшего негативного восприятия Пекина в связи с прошлыми историческими событиями или недоверия, связанного с его амбициями в будущем.

1.2

Количественное представление вклада Пекина в мероприятия в сфере публичной дипломатии и их результатов в Центральной и Южной Азии

Авторы совместно с группой, включающей персонал лаборатории AidData и научных сотрудников, собрали первичные и вторичные данные о деятельности Китая в сфере публичной дипломатии в 13 странах ЦЮА в течение 2000–2018 гг. Группа использовала лучшие из доступных комплексных источников, в том числе: ежегодники внешней политики, публикуемые правительством Китая, метод отслеживания финансовых потоков с недостаточной отчетностью (TUFF) лаборатории AidData,³ а также агрегирование большого объема открытых наборов данных, данные государственных органов и предшествующие исследования. В главе 2 мы используем вышеуказанные данные для определения того, каким образом Пекин развертывает конкретные средства для реализации

³ Метод TUFF разработан лабораторией AidData в сотрудничестве с экспертами Гарвардского университета, Университета Бригама Янга, Гейдельбергского университета и Кейптаунского университета. Вышеуказанные данные использовались в более чем 120 рабочих документах и публикациях.

комплекса мер публичной дипломатии в динамике по времени в различных странах ЦЮА. Для упрощения анализа мы используем косвенные показатели для каждой из пяти категорий публичной дипломатии: институты и классы Конфуция (культурная дипломатия), города-побратимы (дипломатия обмена), визиты государственных служащих (дипломатия элит), использование средств массовой информации (СМИ) высшим руководством (информационная дипломатия) и официальное финансирование Китая инфраструктуры, бюджетной поддержки, списания долгов и гуманитарной помощи (финансовая дипломатия). Дополнительная информация об источниках данных и методах, использованных для формирования этих косвенных показателей, содержится в Приложении.

Затем мы совместили сбор количественных данных с практическими исследованиями, проведенными лабораторией AidData совместно с ASPI и CSIS, чтобы лучше понять, как публичная дипломатия Пекина воспринимается в получающих странах. С марта по август 2019 года исследовательская группа провела полуструктурированные интервью с 216 участниками опроса из 145 организаций и ведомств в шести исследуемых странах ЦЮА: Бангладеш, Казахстан, Мальдивы, Непал, Шри-Ланка и Узбекистан. Участниками опроса были государственные служащие, ведущие представители частного сектора, представители общественности, журналисты, ученые, иностранные дипломаты и представители международных организаций, которые в силу своей текущей или предшествующей деятельности имели возможность наблюдать за тем, как Пекин применяет публичную дипломатию для достижения своих целей в этих представляющих для него интерес странах.

Интервьюируемые представили свою точку зрения относительно объема и стимулов реализации мер публичной дипломатии Пекина, восприятия материкового Китая гражданами и элитой конкретной страны и результатов действий Пекина в сфере публичной дипломатии. В главах 3 и 4 мы использовали информацию, полученную в процессе опроса, в серии практических исследований в отношении четырех стран Южной Азии и двух стран Центральной Азии. Руководство по проведению опроса и структура интервьюируемых по странам и группам участников представлены в Приложении.

В главе 5 мы подвергли несколько гипотез, касающихся того, какие методы использует Пекин, в отношении каких государств и с какой целью, эмпирической проверке

с использованием серии эконометрических моделей. Прежде всего, мы проверяем, существуют ли какие-либо специфические особенности стран, определяющие способ реализации мер публичной дипломатии Пекина с целью наиболее эффективного продвижения национальных интересов Китая. Далее мы оцениваем, обуславливает ли со временем воздействие на страны ЦЮА различных методов публичной дипломатии более благоприятное восприятие китайского руководства, более сильную ориентацию на Китай при голосовании на международных форумах, принимающих решения, и более выгодный торговый баланс с этими странами.

Для упрощения анализа мы определили косвенные показатели, поддающиеся количественной оценке, для трех интересующих нас результатов. В качестве показателя восприятия гражданами мы использовали данные ежегодного опроса общественного мнения — всемирного опроса Gallup World Poll (GWP) за период 2009–2017 гг., в котором респонденты из стран ЦЮА (за исключением Мальдив) отвечали на вопрос, одобряют ли они или не одобряют деятельность руководства Китая. В качестве косвенного показателя ориентации внешней политики на позицию Китая мы использовали данные голосования на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН). Наконец, для оценки потенциальных экономических выгод мы использовали соотношение торгового баланса между Китаем и странами ЦЮА в разрезе четырех различных групп товаров — товары промышленного назначения, потребительские товары, полуфабрикаты и сырье. Дополнительная информация об источниках данных, методах и принципах формирования этих косвенных показателей содержится в Приложении.

В главе 6 представлены выводы с обзором того, что мы узнали о подходах Пекина к публичной дипломатии в рамках региона (сторона предложения) и степени возможной связи его инициатив с желательной реакцией со стороны граждан и лидеров стран ЦЮА (сторона спроса). Мы анализируем, являются ли эти тенденции подобными или отличаются от тенденций, которые наблюдались в отношении мер публичной дипломатии Пекина в других регионах мира, в частности, странах региона Восточной Азии и Тихого океана. Наконец, мы оцениваем влияние этих тенденций на объем, распределение и эффективность мер публичной дипломатии Пекина в отношении целевых категорий в странах ЦЮА, его стратегических конкурентов, а также самого Пекина.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Каким образом можно дать количественную оценку мер публичной дипломатии Пекина?

Основные выводы, представленные в этой главе:

- с течением времени Пекин наращивал объем и сложность своих инициатив в сфере публичной дипломатии в регионе ЦЮА, достигнув наивысшего уровня в 2014 и 2016 гг.;
- Пекин использует в странах ЦЮА разнообразные методы, а основные получатели — ведущие субрегиональные государства Казахстан, Индия и Пакистан.

Публичная дипломатия используется Пекином в качестве средства представления миру своего видения и формирования более положительного имиджа Китая на глобальном уровне (Zhao, 2015 г.). Председатели КНР Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин утверждали, что Китай должен использовать свои ресурсы — культуру, язык, СМИ, людей и денежные средства — для приобретения друзей и распространения влияния на другие страны. Это достаточно хорошо финансируемое утверждение: в течение шести лет председатель КНР Си Цзиньпин в два раза увеличил бюджет Министерства иностранных дел (МИД) Китая с 30 до 60 млрд. юаней (9,5 млрд долл. США), включая увеличение бюджета на 15 % в 2018 году для поддержки деятельности МИД с целью проецирования китайской дипломатии и «мягкой силы» по всему миру (Le Corre, 2018 г.).

В этой главе мы исследуем, как Пекин реализует пять категорий публичной дипломатии для распространения влияния на лидеров и общественность 13 стран Центральной и Южной Азии в течение периода 2000–2018 гг. Мы проводим количественную оценку диапазона и объема мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина в регионе ЦЮА (раздел 2.1) и определяем, предпочитает ли правительство Китая определенные методы относительно других методов, как этот процесс изменяется во времени, и каким странам уделяется наибольшее и наименьшее внимание (раздел 2.2).

2.1

Какие методы использует Пекин в рамках комплекса публичной дипломатии?

Лидеры Китая могут иметь глобальные амбиции, но они понимают важность поддержания хороших отношений с

ближайшими соседями Китая, значительное число которых находится в регионе ЦЮА (Swaine, 2014 г.). Используя определение и таксономию публичной дипломатии, представленные в работе Custer и др. (2018 г.), мы выделили направления деятельности, соответствующие пяти категориям публичной дипломатии, составляющих комплекс мер Пекина: культурная дипломатия, дипломатия обмена, дипломатия элит, информационная и финансовая дипломатия. Далее мы собрали наиболее полную доступную информацию из первичных и вторичных источников данных за период 2000–2018 гг. (диапазон дат меняется в зависимости от наличия данных). Во вставке 1 указаны показатели, для которых удалось получить данные, сравнимые во времени и в разрезе стран.⁴

2.1.1

Пекин меняет культурную дипломатию в зависимости от региона: в Центральной Азии внимание концентрируется на институтах и классах Конфуция, а в Южной Азии — на культурных мероприятиях и Годах Дружбы

Председатели КНР Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин публично подчеркивали важность продвижения культуры в рамках стремления Пекина оказывать на другие государства влияние с использованием «мягкой силы» (Economist, 2017 г.; Zhou и Luk, 2016 г.). В данном исследовании мы рассматриваем три метода, используемых Пекином для экспорта своей культуры за границу: (i) институты и классы Конфуция; (ii) культурные мероприятия; и (iii) Годы Дружбы (т. е. выделение определенных годов в ознаменование дружбы, культурного обмена или установления дипломатических отношений).

Институты Конфуция (ИК), рекламируемые как «центральный элемент» (Hubbert, 2019 г.) и «самый яркий бренд» (Zhou и Luk, 2016 г.) глобальных инициатив Пекина в области «мягкой силы», — это финансируемые китайским правительством образовательные учреждения, в которых при сотрудничестве с местными высшими учебными заведениями (на территории) стран пребывания обучают китайскому языку, культуре и истории Китая.⁵ Ханьбань — учреждение, реализующее программу создания институтов Конфуция, обеспечивало функционирование 548 институтов Конфуция и почти 1 200 классов Конфуция (КК) в начальных и средних школах по всему миру в период с 2004 по 2018 гг.⁶ Школы и университеты должны обратиться к правительству

⁴ Хотя Пекин, по всей видимости, классифицирует показатели, представленные в дополнении 1, по различным уровням важности, мы не используем каких-либо предварительных допущений в этом отношении. На основании результатов описательного анализа, проведенного в этой главе, и информации, полученной в процессе проведения опросов, мы представили в главе 5 некоторые гипотезы, касающиеся экономических выгод и преимуществ внешней политики, которые могут быть связаны с конкретными направлениями публичной дипломатии Китая.

⁵ Официальная миссия институтов Конфуция состоит в содействии лучшему пониманию Китая во всем мире, продвижении плюрализма и поддержке формирования гармоничного общества (Nogayeva, 2015 г.). Институты Конфуция функционируют в сотрудничестве с высшими учебными заведениями, и их финансирование осуществляется совместно учреждением Ханьбань и местными учебными заведениями. Аналогичная программа классов Конфуция осуществляется в партнерстве с местными средними школами или департаментами образования для преподавателей и методических материалов (CGTN, 2018 г.).

⁶ В публикации Hartig (2015 г.) на основе данных существующих источников представлено описание трех принципов реализации институтов Конфуция, которые использовались до настоящего времени: (1) в качестве инструмента «мягкой силы» Китая; (2) в качестве инструмента публичной и (или) культурной дипломатии Китая; и (3) в качестве «пропагандистского проекта» руководства Китая.

Китай с просьбой о создании классов Конфуция или институтов Конфуция, поэтому наличие этих учреждений в равной степени зависит от спроса и выбора стран ЦЮА, а также от намерений Пекина.

В соответствии с глобальной картиной процесса в течение периода с 2004 по 2018 гг. Пекин открывал все возрастающее число институтов Конфуция и классов Конфуция в регионе ЦЮА (карта 1). Тем не менее, по всей видимости, существуют два важных различия методов осуществления деятельности правительства Китая в этом регионе в сравнении с другими регионами мира. Во-первых, Пекин открыл значительно меньшее число институтов Конфуция и классов Конфуция в регионе ЦЮА (58 по состоянию на 2016 год), чем 248 подобных учреждений, указанных в работе Custer и др. (2018 г.), которые были открыты в регионе Восточной Азии и Тихого океана в течение этого же периода. Пекин может столкнуться с возрастающей конкуренцией со стороны России (в Центральной Азии) и Индии (в Южной Азии), пытаясь привлечь иностранных студентов к изучению китайского языка и культуры.

Во-вторых, хотя СМИ уделяли значительное внимание институтам Конфуция на уровне высших учебных заведений в других странах, 58 % учреждений Конфуция в регионе ЦЮА в период с 2005 по 2018 гг. были представлены классами Конфуция на уровне начальной и средней школы. Подавляющее большинство этих учреждений было открыто в одной стране: Кыргызстане — 21 из 24 классов Конфуция в этом субрегионе. Поскольку инициатива ОПОП создала дополнительные возможности для трудоустройства в Кыргызстане, учащиеся стали интересоваться изучением

китайского языка как средства получения рабочего места в китайской компании или обучения в Китае (Liu, 2019 г.).

Пекин занимается продвижением своей культуры в регионе различными способами. Институты и классы Конфуция чаще открываются в странах Центральной Азии (58 %) по сравнению с Южной Азией (42 %). Фактически, первый институт Конфуция в регионе ЦЮА был открыт в Ташкенте (Узбекистан). Китай, возможно, рассматривает Центральную Азию как рынок, на который выйти сравнительно проще, чем на рынок Южной Азии с его языковым разнообразием (Kugiel, 2012 г.).⁷ Эта тенденция может также указывать на усиливающуюся конкуренцию с Россией с целью ограничения ее традиционной «сферы влияния» (Peugouse, 2016 г.).⁸

В Южной Азии Пекин в большей степени концентрируется на культурных мероприятиях и торжествах в рамках Годов Дружбы. Эти мероприятия могут предусматривать визиты делегаций представителей культуры из Китая в страны ЦЮА, а также социально-культурные мероприятия, организованные Китаем в стране ЦЮА⁹ для демонстрации китайского искусства, культуры, обычаев или ценностей, расширяя тем самым знакомство с культурой, которая в противном случае была бы чуждой для местных жителей. Неясно, рассматривает ли Пекин продвижение таких культурных мероприятий и торжеств как альтернативу учреждениям Конфуция или просто как предварительное средство стимулирования среди молодежи стран Южной Азии желаний изучать китайский язык и поиска местных партнеров, готовых участвовать в создании институтов Конфуция и классов Конфуция в будущем.

Дополнение 1. Количественное представление методов публичной дипломатии Китая

Культурная дипломатия

- Институты Конфуция (ИК) и классы Конфуция (КК) (2004–2018 гг.). Первый институт Конфуция был открыт в Сеуле в 2004 году, и, соответственно, данные относятся к периоду 2004–2018 гг. В регионе ЦЮА первый институт Конфуция был открыт в Узбекистане в 2005 году.
- Культурные мероприятия (2000–2017 гг.). Охватывают (i) визиты в страны ЦЮА представителей культурных организаций и групп исполнителей из Китая и (ii) социальные и культурные мероприятия, организованные Китаем в странах ЦЮА.
- Годы Дружбы (2000–2017 гг.). Правительства двух стран объявляют конкретный год годом культурного обмена, Годом Дружбы или отмечают годовщину установления дипломатических отношений.

Источники: ежегодные отчеты учреждения Ханьбань; веб-сайт Ханьбань; ежегодники внешней политики Китая.

Дипломатия обмена

- Города-побратимы (2000–2018 гг.). Число городов-побратимов или породненных городов, которым присваивается данный статус в результате подписания официальных соглашений. Китай заключил первое соглашение о городе-побратиме в регионе ЦЮА в Пакистане в 1984 году. Мы относим все соглашения о городах-побратимах, подписанные в период с 1984 по 1999 гг., к 2000 году (как исторической точке отсчета).
- Студенты (2002–2017 гг.). Общее число студентов из стран ЦЮА, обучавшихся в Китае (исключая Гонконг и Макао). Данные до 2016 года распределены по категориям — кратковременное пребывание (менее шести месяцев) и длительное пребывание (более шести месяцев).
- Стипендии (2000–2018 гг., хотя данные многих годовых периодов отсутствуют). Количество государственных стипендий (общенациональных и местных), назначаемых китайским правительством студентам из стран ЦЮА. Мы

⁷ Кроме того, как указано в работе Kugiel (2012 г.), Индия имеет «общее культурное..., языковое наследие..., религиозные и этнические связи со многими странами Южной Азии», которые могут означать более жесткую конкуренцию для Китая, пытающегося выйти на этот рынок с предложением альтернативного языка.

⁸ Русский язык остается наиболее распространенным языком международного общения в регионе Центральной Азии. Как указано в работе Peugouse (2016 г.), Россия может все еще оставаться для Китая сильным конкурентом в сфере «мягкой силы», с которым ему придется считаться в Центральной Азии, поскольку сезонная миграция рабочей силы из Центральной Азии в Россию в течение последних десяти лет позволила России восстановить несколько сниженное культурное и языковое влияние.

⁹ Например, мероприятие, совместно организованное Министерством культуры Китая и Кыргызстана, предусматривало выступление оркестра национального радио Китая, исполнителей народной музыки Кыргызстана и демонстрацию выставки китайской росписи по фарфору.

также собрали данные по стипендиям, предоставляемым в институтах Конфуция по всему миру. Предоставление таких стипендий началось в 2009 году.

Источники: Китайская международная ассоциация городов-побратимов (CIFCA); ежегодники внешней политики Китая; ежегодные отчеты о развитии институтов Конфуция; веб-сайты посольств.

Дипломатия элит

- *Государственная дипломатия* (2000–2017 гг.) представляет собой комбинацию трех категорий визитов.
  - **Визиты политических лидеров.** Встречи или визиты политических лидеров национального или провинциального уровня из Китая в страны ЦЮА (исходящие) и из стран ЦЮА в Китай (входящие). Мы учли визиты и встречи, которые проводились на территории третьих сторон, такие как встречи в кулуарах саммитов (например, председатель КНР Си Цзиньпин провел встречу с президентом Афганистана Карзаем во время проведения Олимпийских игр в Сочи). Мы также учитываем встречи лидеров более чем двух стран ЦЮА в любом месте (например, в рамках первого трехстороннего диалога министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана в Пекине).
  - **Визиты представителей партий.** Визиты политиков стран ЦЮА в Китай в качестве представителей политических партий стран ЦЮА, а не назначенных политических деятелей (входящие) и визиты политиков Китая в страны ЦЮА в качестве непосредственных представителей Коммунистической партии Китая, а не назначенных политических деятелей (исходящие).
  - **Прочие правительственные визиты.** Участие широкого круга официальных лиц Китая в саммитах, круглых столах, конференциях, программах межправительственного диалога, церемониях закладки первого камня, проводимых странами ЦЮА (исходящие) или Китаем (входящие) с целью поддержания дружественных отношений между двумя правительствами. Эта категория охватывает встречи, которые проводятся на территории третьих сторон. Обычно отдельные лица не упоминаются, если встречи не проводятся с конкретной целью (например, гендерное равенство, сотрудничество в сфере образования, туризм, культурный обмен и т. д.).
- *Военная дипломатия (2003–2016 гг.), реализуемая народно-освободительной армией Китая (НОАК).*
  - **Встречи на высшем уровне.** Эти встречи охватывают визиты и встречи между высшим командованием НОАК и их коллегами в странах ЦЮА.
  - **Совместные военные учения.** Двусторонние и многосторонние учения или маневры, в процессе которых НОАК взаимодействовала с военнослужащими стран ЦЮА, в том числе учения, в которых Китай участвовал и не участвовал на этапе планирования.
  - **Заходы кораблей в военно-морские порты.** Визиты кораблей военно-морского флота НОАК в иностранные порты или визиты иностранных военных кораблей в порты НОАК в Китае.

Источники: ежегодники внешней политики Китая; Allen и др. (2017 г.).

Информационная дипломатия

- Интервью иностранным СМИ (2002–2017 гг.). Количество интервью иностранным СМИ председателя КНР, заместителя председателя, премьер-министра и вице-премьера. Большинство этих интервью проводилось для печатных СМИ и очень редко для телевидения и радио.

- Пресс-конференции (2002–2017 гг.). Количество встреч руководства Китая и прессы при участии лидера страны ЦЮА.
- Обзорные статьи, опубликованные в иностранных СМИ (2013–2017 гг.): количество обзорных статей, написанных председателем КНР и премьер-министром.
- Визиты журналистов (2004–2017 гг.): количество визитов журналистов из стран ЦЮА в Китай, организованных МИД Китая или проведенных при содействии посольств Китая.
- Присутствие традиционных государственных СМИ Китая в конкретной стране.
  - Радиовещание: наличие радиостанции CRI в УКВ-диапазоне или вещание по кабельным каналам или в КВ-диапазоне в странах ЦЮА (только в крупнейших городах); и число языков вещания.
  - Печатные СМИ: функционирование представительства или распространение в конкретной стране публикаций следующих шести агентств: Xinhua, China Daily, People's Daily, China Youth Daily, Global Times и PLA Daily.
  - Телевидение: наличие вещания в стране на каналах CCTV или CGTN.

Источники: ежегодники внешней политики Китая; веб-сайты посольств; мировая карта радиостанций (World Radio Map).

Финансовая дипломатия

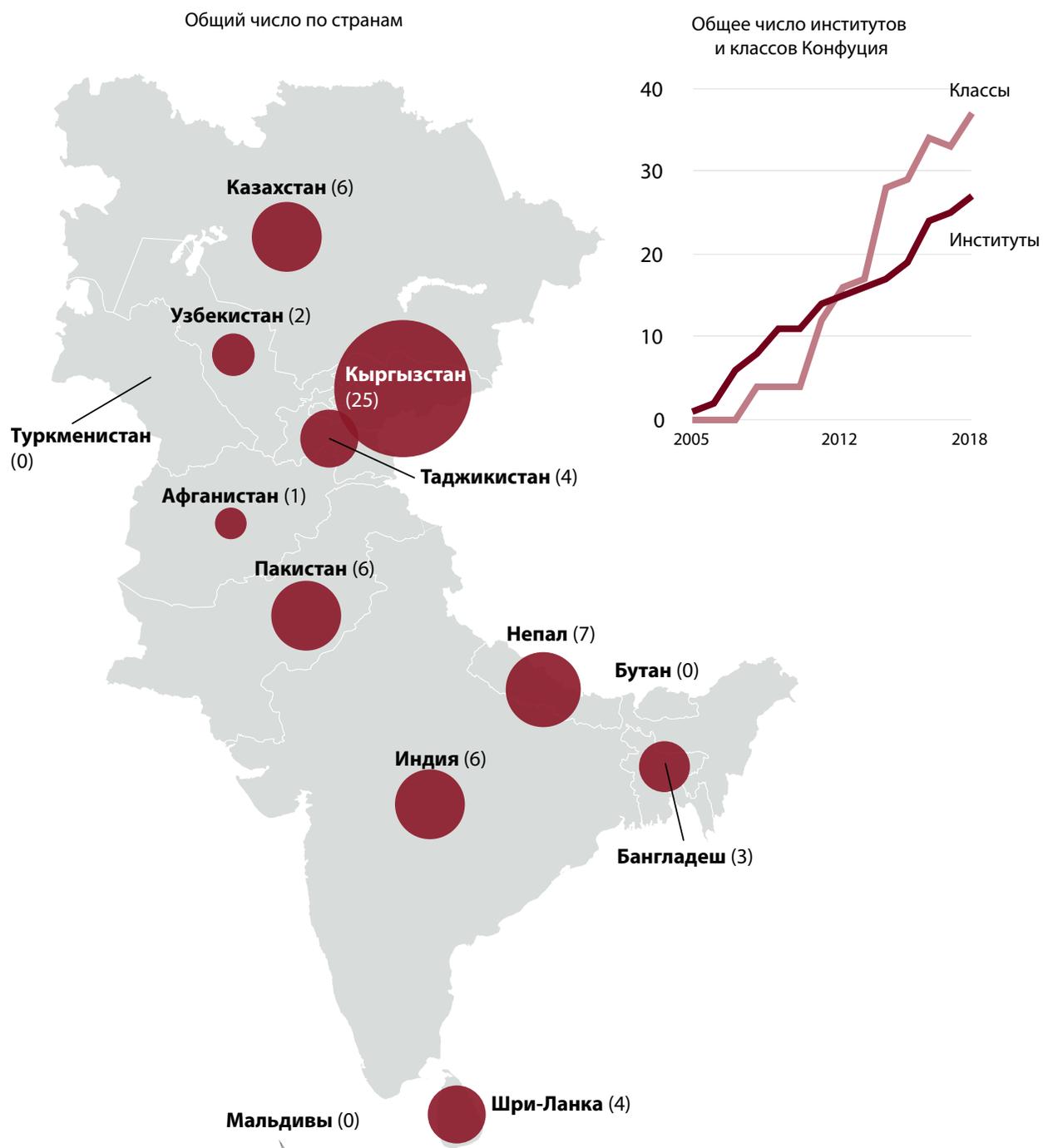
Официальные финансовые потоки из Китая включают гранты, кредиты на льготных условиях, кредиты на коммерческих условиях, предоставляемые государственными учреждениями, государственно-частными банками, государственными коммерческими банками или инвестиционными фондами. Сюда также включаются техническая помощь и списание долгов. В этом отчете мы рассматриваем четыре категории официального финансирования, тесно связанные с целями публичной дипломатии Китая.

- **Инфраструктура:** мы учитываем как финансирование новых инфраструктурных проектов, так и финансирование модернизации, обновления или реконструкции объектов и поставку товаров.
- **Бюджетная поддержка:** непосредственная финансовая поддержка государственного бюджета для содействия выполнению страной программы политических и институциональных реформ (Глоссарий статистических терминов ОЭСР, 2007 г.).
- **Списание долгов:** любая форма реструктуризации долга, снижающая общую нагрузку, связанную с официальным внешним долгом страны-получателя (Глоссарий статистических терминов ОЭСР, 2013 г.).
- **Гуманитарная помощь:** финансовая или материальная помощь, «предоставленная с целью удовлетворения насущных потребностей жертв стихийных бедствий или насильственных действий» (например, продукты питания, вода, медицинские средства, палатки).

Источник: AidData.

Примечание: учет финансирования существующей инфраструктуры представляет собой новый элемент данного отчета, в то время как в работе Custer и др. (2018 г.) анализ ограничен только новыми инфраструктурными проектами. Данные финансовой дипломатии включают запланированные, реализуемые и завершенные проекты. Для ознакомления с более подробной информацией см. Приложение.

Карта 1. Китайские институты и классы Конфуция в странах ЦЮА, 2005–2018 гг.

Примечания: наличие институтов или классов Конфуция в Бутане, на Мальдивах и в Туркменистане не зарегистрировано. В главе 4 мы обсудим Мальдивы более подробно.

Источники: ежегодные отчеты учреждения Ханьбань (2004–2018 гг.).

2.1.2

Пекин уделяет непропорционально значительное внимание двум странам — Казахстану и Кыргызстану, пытаясь привлечь их на свою сторону с использованием дипломатии обмена в форме городов-побратимов и назначения стипендий студентам

Традиционно Пекин уделял меньше внимания народной дипломатии, чем его стратегические конкуренты (Goble, 2018 г.), но эта ситуация меняется, поскольку китайские лидеры стремятся трансформировать популярную концепцию «китайской угрозы» в «мирное возвышение Китая» (Economist, 2017 г.). В этом исследовании мы анализируем три метода использования Пекином дипломатии обмена для усиления связей между народами в регионе ЦЮА: (i) соглашения о городах-побратимах; (ii) обучение студентов из стран ЦЮА в Китае; и (iii) стипендии, назначаемые китайским правительством для студентов из стран региона ЦЮА, желающих получить образование в Китае.

С 1973 года Пекин использовал соглашения о городах-побратимах, которые «породняют» китайские города, поселки или провинции с аналогичными иностранными субъектами (CIFCA, без даты; Acuto и др., 2016 г.) с целью усиления коммерческих, культурных и общественных связей с официальными представителями местной власти и ведущими представителями бизнеса в других странах (Pluijm и Melissen, 2007 г.).¹⁰ В сравнении с ситуацией, которая наблюдается в отношении учреждений Конфуция, соглашения о городах-побратимах, заключенные правительством Китая, более равномерно распределены между странами Южной и Центральной Азии, хотя и в этом случае наибольшее внимание уделяется Кыргызстану, за которым с небольшим отрывом следует Казахстан (**карта 2**).

Китайское правительство подписало первое соглашение о городах-побратимах в регионе ЦЮА с Пакистаном в 1984 году, а новые соглашения были в основном подписаны в период с 2013 по 2016 гг. (**карта 2**). Возможно, председатель КНР Си Цзиньпин рассматривает соглашения о городах-побратимах как составляющую более широкого пакета побуждающих стимулов совместно с новыми торговыми и инвестиционными сделками, чтобы привлечь страны к участию в инициативе ОПОП. Примечательно, что рост числа соглашений о городах-побратимах наблюдается, начиная с 2013 года, когда Си Цзиньпин занял пост председателя КНР и объявил о реализации инициативы ОПОП как стратегически важного пункта внешнеполитической повестки дня. По истечении пяти лет из примерно 2 600 соглашений о городах-побратимах и провинциях-побратимах, заключенных Китаем по всему миру, более 700 городов находятся в странах, участвующих в инициативе ОПОП (Li, 2019 г.).¹¹

Хотя в течение последних двух десятилетий Пекин увеличил количество соглашений о городах-побратимах в странах ЦЮА, эти инициативы значительно отстают от объема инициатив, направленных на остальные части Азиатско-Тихоокеанского региона. В 2018 году количество соглашений о городах-побратимах Китая со странами региона Восточной Азии и Тихого океана (1 000) в десять раз превышало соответствующее количество соглашений в регионе ЦЮА (100). В представленной ранее работе Custer и др. (2018 г.) указана одна возможная причина, поясняющая такую ситуацию: авторы установили, что города-побратимы Пекина в основном сконцентрированы в странах региона Восточной Азии и Тихого океана с высоким уровнем дохода, а в регионе ЦЮА такие страны отсутствуют.

Что касается обмена студентами, Пекин развернул программу значительной финансовой помощи, чтобы привлечь студентов из Азии и Африки (Li и Yang, 2018 г.).¹² В период между 2000 и 2018 гг. число иностранных студентов в Китае выросло примерно до 500 000, что соответствует десятикратному увеличению. Аналогичным образом количество получателей стипендий, назначаемых правительством Китая по всему миру, в течение этого периода увеличилось в 12 раз. Наиболее популярными предметами, которые изучают иностранные студенты в Китае, являются медицина, технические дисциплины, искусство, менеджмент, экономика и китайский язык (Latief и Lefen, 2018 г.). Две трети иностранных студентов, получающих образование в Китае, являются выходцами из стран-участниц инициативы ОПОП, и 61 % стипендий, назначенных правительством Китая в 2016 году, были предназначены для студентов из стран-участниц этой инициативы (McCarthy, 2018 г.; Li и Yang, 2018 г.).¹³

Эта тенденция может частично определяться стороной предложения, поскольку Пекин может рассматривать стипендии как средство смягчения возможных протестов против инициативы ОПОП, частично обусловленных обвинениями в коррупции, нарушении экологических норм и лишении местного населения рабочих мест. Однако, также возможно, что масштабные инвестиции правительства Китая в инфраструктуру стран ЦЮА в рамках инициативы ОПОП стимулируют спрос на возможности образования за рубежом, поскольку экономическая мощь Китая производит сильное впечатление на молодежь, которая рассматривает обучение в Китае с точки зрения получения новых экономических возможностей как в своей стране, так и за рубежом (CCG, 2018 г.).

В таком случае Пекин может использовать методы публичной дипломатии как взаимодополняющие элементы: финансовая дипломатия способствует формированию имиджа Китая как привлекательной страны для получения образования, а предоставляемые Китаем стипендии могут сдерживать критику его инфраструктурных проектов в

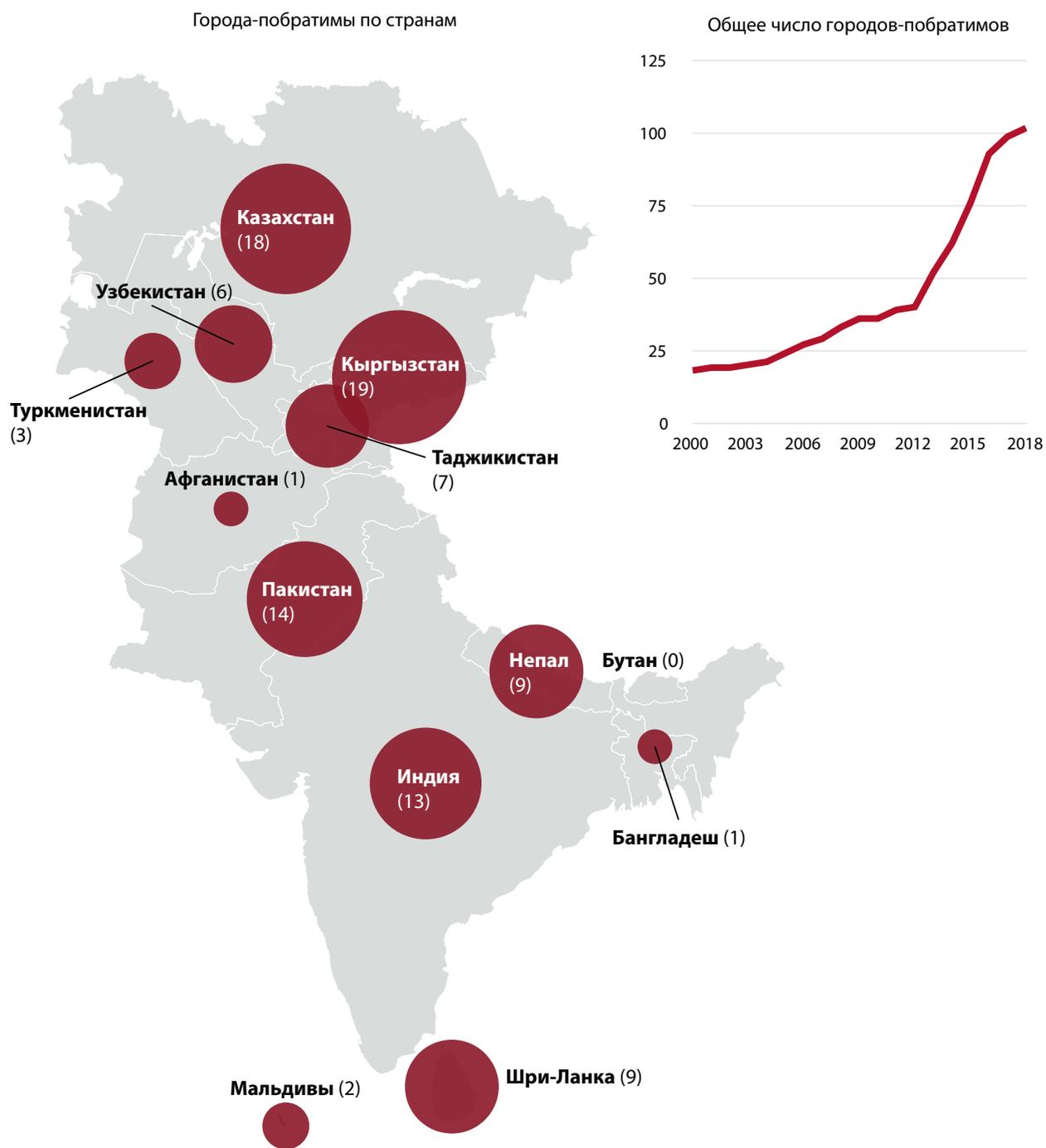
¹⁰ Статус городов-побратимов официально признается после подписания соглашения высшими избранными или назначенными официальными лицами обоих сообществ (веб-сайт SCI).

¹¹ Согласно информации, полученной от мэра Пекина, столица Китая имеет в других странах 21 город-побратим, являющиеся столицами стран, участвующих в инициативе ОПОП (Jing, 2019 г.).

¹² По состоянию на 2017 год иностранные студенты, получившие степень магистра или более высокую степень в китайском или иностранном высшем учебном заведении в течение одного года могут получить разрешение на работу в Китае сроком до пяти лет (CCG, 2018 г.).

¹³ Восемь из десяти стран, на которые приходится большая часть получателей стипендий, назначенных правительством Китая в 2016 году, были партнерами по инициативе ОПОП (Li и Yang, 2018 г.).

Карта 2. Соглашения о городах-побратимах между Китаем и странами ЦЮА, по состоянию на 2018 год

Примечания: Китай заключил первое соглашение о городе-побратиме в регионе в 1984 году. Мы относим все соглашения о городах-побратимах, подписанные в период с 1984 по 1999 гг., к 2000 году.

Источник: CIFCA (2000–2018 гг.).

рамках инициативы ОПОП. В главах 3 и 4 мы исследуем, реализуется ли эта концепция, и каким образом она реализуется в шести исследуемых странах, в том числе определяем, как Пекин осуществляет стратегическое предоставление стипендий детям элиты в некоторых странах ЦЮА.

В абсолютном выражении в 2017 году на Южную Азию приходилось 70 % всех студентов из стран ЦЮА, получающих образование в Китае.¹⁴ Однако после корректировки с учетом соответствующих групп населения в возрасте 15–44 лет получается другая картина: число студентов из Центральной Азии на 100 000 человек в 12 раз превышает соответствующее число студентов из стран Южной Азии.¹⁵ Для восьми стран ЦЮА, по которым у нас имеются сравнимые данные во времени, количество стипендий, ежегодно назначаемых правительством Китая,¹⁶ увеличилось более чем в три раза за период с 2010 по 2018 гг. (**график 1**).

Граждане стран ЦЮА, которые получают образование в Китае, подвергаются влиянию китайских культурных ценностей, норм и политических принципов, что может быть выгодным для Пекина в двух аспектах. Во-первых, возвратившиеся в свою страну студенты могут делиться своими впечатлениями с окружающими и отстаивать «дружественную в отношении Китая» позицию и политические принципы (McClogh, 2018 г.). Это может привести к общему улучшению отношения к Китаю и его восприятия в целом. Во-вторых, сегодняшние студенты могут стать завтрашними лидерами, и, соответственно, симпатии или привязанность к Китаю могут оказывать более глубокое воздействие на ключевые политические решения, касающиеся Китая.

Пекин наращивает усилия, пытаясь укрепить связи с народами Казахстана и Кыргызстана, представляющих две из трех стран, граничащих с Китаем в Центральной Азии, возможно, осознавая, что распространенные опасения о «нашествии» китайских мигрантов или захвате земли китайскими компаниями могут препятствовать реализации его интересов в регионе (Laruelle, 2018 г.). На эти две страны приходится 40 % общего числа соглашений о городах-побратимах,¹⁷ чрезмерно высокая доля студентов (в сравнении с их численностью населения), обучающихся в Китае,¹⁸ и они входят в число трех крупнейших получателей стипендий, назначаемых правительством Китая в регионе.¹⁹

В этом случае Пекин, возможно, рассматривает соглашения о городах-побратимах и обмен студентами как средство снижения напряженности, кардинального изменения негативных стереотипов и формирования более благоприятного отношения к Китаю в регионах, расположенных вблизи его границ (Laruelle, 2018 г.).

2.1.3

Пекин обращает особое внимание на развитие связей с элитой стран Южной Азии и предпочитает принимать лидеров на своей территории, а не за пределами Китая

Гражданское и военное руководство Китая определило в качестве первоочередной задачи содействие установлению прочных связей со своими коллегами в других странах, «приглашая» высокопоставленных представителей иностранных государств посетить Китай или «проводя визиты» в другие страны для подписания контрактов, соглашений о сотрудничестве или продвижения инвестиций за рубежом (Panda, 2018 г.). В этом исследовании мы проводим оценку двух категорий дипломатии элит: (i) государственной дипломатии (т. е. визиты политических лидеров, визиты представителей партий, прочие визиты государственных деятелей); и (ii) военной дипломатии (т. е. визиты высшего военного руководства, совместные военные учения, заходы кораблей в порты).

Пекин уделяет значительно больше внимания развитию государственной дипломатии в отношении стран Южной Азии. В период между 2000 и 2017 гг. китайские государственные служащие встречались со своими коллегами из стран Южной Азии чаще (1 039 раз), чем с коллегами из стран Центральной Азии (722 раза) Это может быть обусловлено большим числом политических элит, руководящих населением стран Южной Азии, которое в 25 раз превышает численность населения стран Центральной Азии. Казахстан, который по общему числу визитов государственных служащих находится на втором месте после Индии,²⁰ представляет собой существенное исключение из этой преимущественной концентрации усилий на Южной Азии (**карта 3**). По всей видимости, Пекин осознает стратегическую ценность Казахстана и Индии как ведущих региональных государств, лидеры которых задают тон во внешней политике и дипломатических отношениях для меньших стран, расположенных в их соответствующих субрегионах.

¹⁴ Мы учитываем как студентов, кратковременно пребывающих (менее шести месяцев), так и длительно пребывающих в Китае (более шести месяцев). Более 85 % студентов из любой конкретной страны ЦЮА, обучающихся в Китае, находятся в стране длительное время.

¹⁵ Из стран Южной Азии в Китай прибыли семь студентов на 100 000 человек в возрасте 15–44 лет, а из стран Центральной Азии — почти 85 студентов.

¹⁶ Сюда включены стипендии, назначенные правительством Китая и местными органами власти.

¹⁷ Если ограничить рассмотрение только странами Центральной Азии, на Казахстан и Кыргызстан приходится 77 % соглашений о городах-побратимах, заключенных в течение периода с 2000 по 2018 гг.

¹⁸ По состоянию на 2016 год Казахстан — единственная страна Центральной Азии, вошедшая в первую десятку стран по числу студентов конкретной страны, обучающихся в Китае (Министерство образования КНР, 2017 г.).

¹⁹ Одна треть из 10 000 стипендий, назначенных правительством Китая для студентов из восьми стран ЦЮА в течение периода с 2010 по 2018 гг., приходится на Казахстан и Кыргызстан.

²⁰ На Южную Азию также приходится 78 % прочих визитов государственных деятелей в регионе ЦЮА в целом, в процессе которых официальные представители посещают саммиты, круглые столы и важные церемонии. За исключением одного случая (когда такой визит предпринял вице-президент Непала), в эту категорию не включены визиты глав государств. Наибольшая доля таких визитов приходится на Индию.

График 1. Студенты стран ЦЮА, обучающиеся в Китае, и получатели китайских стипендий

Примечания: в верхней левой части графика указано общее число студентов из стран ЦЮА, получающих образование в Китае. Мы откорректировали эти данные с учетом численности соответствующей возрастной категории населения и представили их в верхней правой части графика. На этом графике указано число студентов из стран ЦЮА, обучающихся в Китае, на 100 000 человек в возрасте 15–44 лет. Данные по назначенным стипендиям для Бутана, Индии, Мальдив, Шри-Ланки и Таджикистана полностью отсутствуют. Учитывая отсутствие данных, мы представляем информацию по назначенным стипендиям для студентов из восьми стран ЦЮА в течение периода 2010–2018 гг.

Источники: ежегодники внешней политики Китая

На Южную Азию приходится 85 % проведенных Пекином визитов представителей партий,²¹ во время которых члены делегации посещают другие государства исключительно как представители Коммунистической партии Китая (а не назначенные политические деятели). Партийная дипломатия может быть особенно важной для Пекина в отношении южно-азиатских демократий, таких как Непал, Бангладеш и Шри-Ланка, на которые приходится наибольшее число таких визитов²², поскольку она укрепляет связи по всему политическому спектру, обеспечивая поддержание дружественных отношений с высшим руководством, независимо от того, кто находится у власти (Bing, 2017 г.).

Визиты между лидерами Китая и стран ЦЮА в основном представлены посещением Китая высшим руководством стран ЦЮА, а не наоборот (карта 3).²³ Одной из причин этого может быть то, что официальные лица стран ЦЮА в большей степени стремятся добиться расположения Пекина, чем наоборот. Возможно также, что Пекин в большей степени стремится оплатить расходы иностранных официальных лиц на щедрые увеселительные мероприятия, которые создают благоприятное впечатление о Китае и его развитии. Такая асимметрия отношений является наиболее выраженной для Пакистана, руководство которого в значительной степени зависит от экономической, дипломатической и военной поддержки Китая (Pant, 2018 г.).

Военная дипломатия представляет собой еще одну важную составляющую комплекса методов публичной дипломатии Китая (Ebitz, 2019 г.; Allen и др., 2017 г.). Связи между военнослужащими часто являются более прочными, чем связи между представителями гражданского руководства, которое получает и теряет власть в результате голосования. Кроме того, лидеры Китая осознают, что установление связей между Народно-освободительной армией Китая

(НОАК) и военным руководством стран ЦЮА является выгодным с точки зрения достижения целей Китая в сфере безопасности. Как указывают Allen и др. (2017 г.), Пекин исторически в значительной степени ориентировал свою военную дипломатию на ведущие державы, такие как Россия и США, а также другие страны Азии, расположенные по периферии Китая.²⁴

Визиты между высшим руководством НОАК и их коллегами из стран ЦЮА составили 70 % объема инициатив Китая в сфере военной дипломатии, направленных на эти страны в период с 2003 по 2016 гг. (карта 4).²⁵ Вместе с тем НОАК расширила военную дипломатию по всем направлениям, особенно во время пребывания в должности председателя КНР Си Цзиньпина, при этом совместные военные учения стали заслуживающим внимания направлением развития связей. Почти треть этих учений проводилась с Пакистаном (например, серия китайско-пакистанских учений «Шахин»)²⁶ Индия входит в пятерку наиболее близких партнеров НОАК во всем мире, участвующих в подобных учениях (Allen и др., 2017 г.). В то же время Шри-Ланка и Пакистан входили в пятерку основных партнеров во всем мире по визитам военных кораблей в порты, охватывающих заходы кораблей военно-морских сил НОАК в иностранные порты и заходы иностранных военных кораблей в порты НОАК в Китае.²⁷

Пекин признает роль России как основного субъекта, обеспечивающего региональную безопасность в Центральной Азии, и, в свою очередь, в основном концентрируется на действиях, проецирующих его экономическую «мягкую силу» (Stronski и NG, 2018 г.). В связи с этим неудивительно, что на страны Южной Азии направлено значительно больше инициатив НОАК в сфере военной дипломатии (68 %), чем на страны Центральной Азии. Тем не менее, внимание Пекина не

²¹ Для ознакомления с информативной классификацией партийной дипломатии КПК см. работу Bing (2017 г.). Представленные нами данные получены из ежегодников внешней политики Китая, и основываясь на результатах более детального поиска информации, мы считаем, что эти показатели соответствуют нижнему пределу значений. Однако у нас нет никаких причин полагать, что существует системный перекоп в предполагаемом занижении отчетных показателей по визитам партийных деятелей в Центральную и Южную Азию, так что, по всей видимости, показанная ситуация соответствует действительности.

²² Общее число визитов государственных официальных лиц между Китаем и странами ЦЮА, по всей видимости, не зависит от конкретного вида политического режима. Наибольшее число визитов государственных официальных лиц приходится на три следующие страны: Индия (несовершенная демократия), Казахстан (авторитарный режим) и Пакистан (переходный режим). Однако если рассмотреть визиты партийных деятелей отдельно, то четыре страны, на которые приходится наибольшее число визитов, представляют собой несовершенные демократии (Шри-Ланка и Индия) или переходные режимы (Непал и Бангладеш). Для авторитарных режимов, вероятно, характерно ограниченное число оппозиционных партий, и, соответственно, они не предоставляют подобных возможностей взаимодействия с широким спектром политических партий. Виды политических режимов определены на основе значения индекса демократии в соответствии с данными аналитического отдела журнала The Economist (2016 г.).

²³ С 2010 года число визитов лидеров стран ЦЮА в Китай постоянно превышало число визитов лидеров Китая в эти страны.

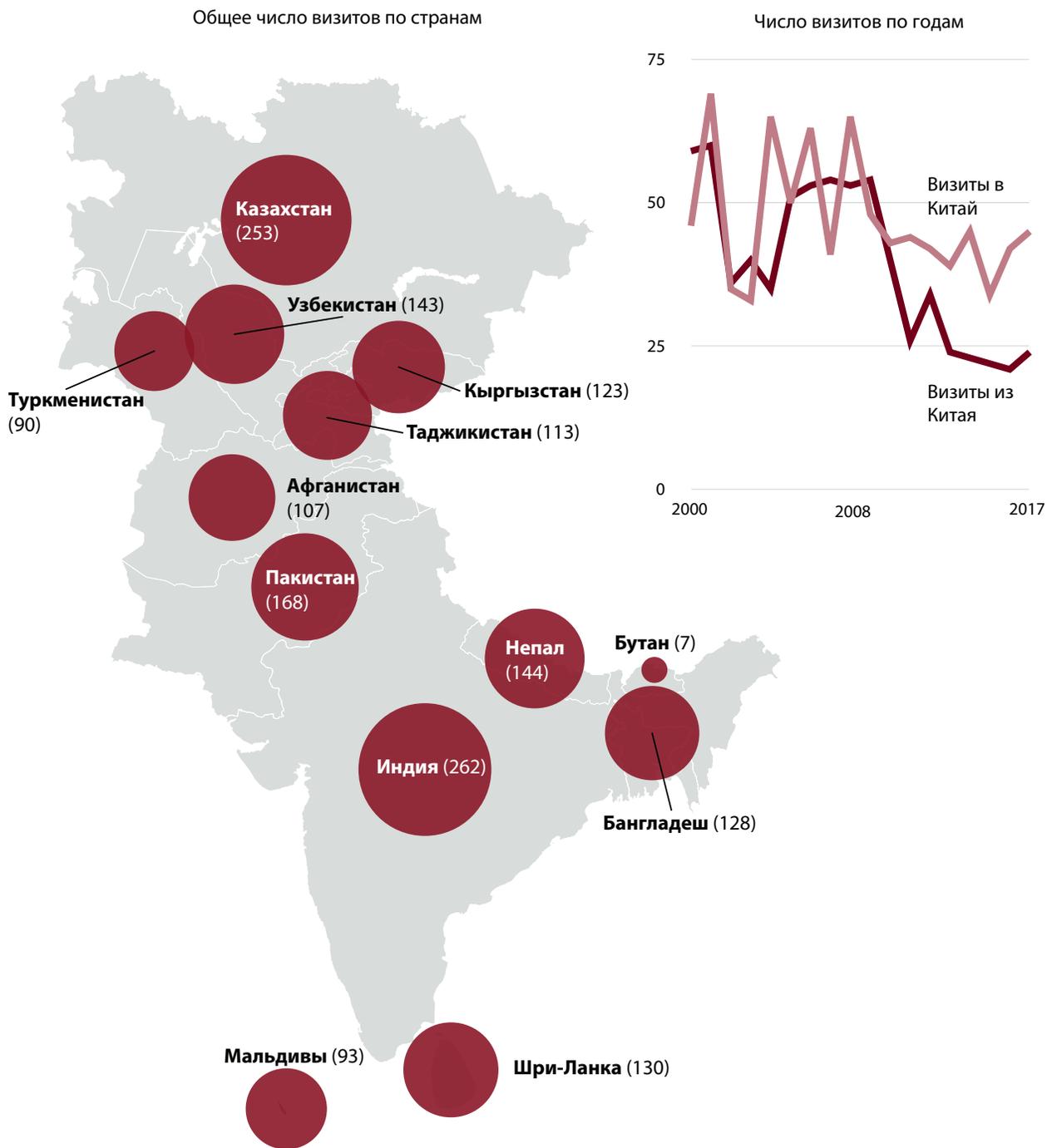
²⁴ На Азию приходится 41 % мероприятий в сфере военной дипломатии Китая, осуществляемых по всему миру. Юго-Восточная и Южная Азия представляют собой более приоритетные для Китая субрегионы, чем Северо-Восточная и Центральная Азия (Allen и др., 2017 г.).

²⁵ Ежегодно с 2003 по 2016 гг. количество визитов в Китай превышало количество поездок высшего руководства НОАК в другие страны. Это может быть обусловлено сравнительно высокими альтернативными издержками, связанными с поездками за границу высших офицеров НОАК. Кроме того, нормативные положения НОАК обычно предусматривают ограничение командировок одной поездкой за границу в год (Allen и др., 2017 г.).

²⁶ Серия учений «Шахин», реализация которой началась с 2011 года, предусматривает проведение совместных учений военно-воздушных сил Пакистана и НОАК. До настоящего момента было проведено шесть таких учений.

²⁷ Сюда включены многосторонние инициативы, такие как организованные Пакистаном в марте 2013 года многонациональные военно-морские учения «Мир-13» (和平-13), в которых принимали участие военные корабли 14 стран и подразделения специального назначения из 7 стран, в том числе китайское подразделение ETF-14. Страны, не имеющие выхода к морю, и страны Центральной Азии, расположенные на побережье Каспийского моря — внутреннего водного бассейна, — не участвуют в заходах военных кораблей.

Карта 3. Визиты государственных служащих Китая и стран ЦЮА, 2000–2017 гг.

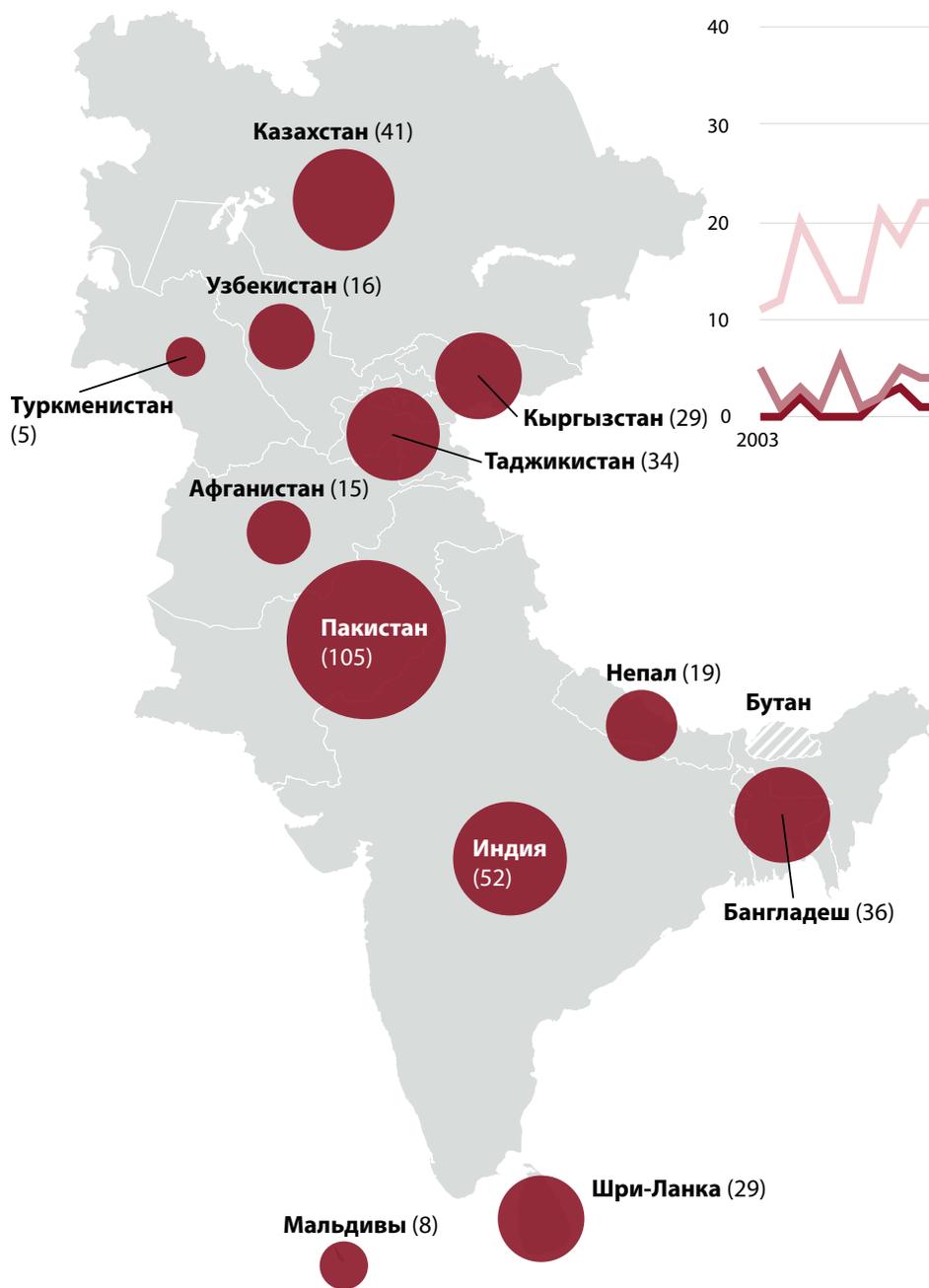

Примечания: на карте (сверху-слева) указано общее число визитов государственных служащих Китая и каждой страны ЦЮА без учета направления. Сюда включены визиты политических лидеров общенационального и провинциального уровней, визиты представителей партий и прочие визиты государственных деятелей. Для Бутана имеются только данные на 2000 и 2001 гг. На линейном графике (сверху-справа) представлено сравнение общего числа визитов государственных служащих Китая во все страны ЦЮА (исходящие), а также визитов государственных служащих всех стран ЦЮА в Китай (входящие) в течение периода с 2000 по 2017 гг.

Источники: ежегодники внешней политики Китая (2000–2017 гг.)

Карта 4. Военная дипломатия Китая в отношении стран ЦЮА, 2003–2016 гг.

Общий объем мероприятий в сфере военной дипломатии

Структура мероприятий в сфере военной дипломатии

Примечания: на карте (сверху-слева) указан общий объем мероприятий в сфере военной дипломатии, проведенных НОАК и вооруженными силами всех стран ЦЮА в динамике по времени без учета направления. На линейном графике (сверху-справа) представлена структура мероприятий в сфере военной дипломатии, проведенных в отношении стран ЦЮА в течение периода с 2003 по 2016 гг. с распределением по категориям. Данные по Бутану отсутствуют.

Источники: Allen и др. (2017 г.).

распределено равномерно между странами Южной Азии. На Пакистан, являющийся близким союзником Китая в сфере безопасности, приходится 40 % всего объема мероприятий в сфере дипломатии НОАК, реализованных в течение указанного периода.²⁸ Как утверждает Gady (2017 г.), укрепление связей с Пакистаном в военной области отражает стремление Пекина к региональной стабильности и взаимную заинтересованность стран в обеспечении безопасности «Китайско-пакистанского экономического коридора» (China-Pakistan Economic Corridor, CPEC).²⁹

2.1.4

Пекин расширил охват вещательными и другими СМИ аудитории почти всех стран ЦЮА, однако особое внимание руководство Китая уделяет двум странам — Казахстану и Индии

Пекин увеличил свои инвестиции в информационную дипломатию с намерением «представления своей истории в выгодном свете» (Economist, 2017 г.). В этом исследовании мы рассматриваем две стратегии, используемые правительством Китая для формирования идеологических установок СМИ: (i) расширение международной вещательной деятельности государственных СМИ Китая; и (ii) формирование плодотворных отношений с журналистами и местными СМИ в странах ЦЮА, чтобы способствовать прокитайскому освещению событий и противодействовать критике.

Инициативы Пекина в сфере информационной дипломатии направлены на представление его как надежного и перспективного партнера стран ЦЮА, а также обеспечение поддержки его политической позиции в отношении Тибета, Тайваня и других вопросов, представляющих национальный интерес (Farah and Mosher, 2010 г.). В эпоху инициативы ОПОП хорошая реклама инвестиций в странах ЦЮА, привлекающих широкое внимание и получивших противоречивую оценку, становится еще более важной. Лидеры Китая стремятся минимизировать негативную информацию, такую как обвинения в коррупции, непрозрачности и «дипломатии долговых ловушек» в проектах инициативы ОПОП, которые могут препятствовать реализации его усилий по формированию имиджа ответственной экономически развитой державы (Shah, 2018 г.; Lindberg and Lahiri, 2018 г.; Hurley и др., 2018 г.). Мы рассматриваем динамику этих процессов в контексте шести исследуемых стран в главах 3 и 4.

Правительство Китая потратило почти 9 млрд долл. США на международное вещание и информационную поддержку в течение одного года (2009 года), при этом большая часть этой суммы была предоставлена Международному радио Китая (CRI), Центральному телевидению Китая (CCTV), официальному новостному агентству Xinhua и выходящей на английском языке газете China Daily (Kalathil 2017 г., со ссылкой на Craig Hayden). Агентство Xinhua открыло почти 40 новых иностранных бюро в течение периода с 2009 по 2011 гг., когда другие СМИ, испытывающие нехватку финансовых средств, закрывали их (Economist, 2017 г.).³⁰

В настоящий момент почти во всех странах ЦЮА, за исключением Таджикистана и Бутана, функционирует как минимум один вид государственных СМИ Китая, будь то радио (CRI), телевидение (CCTV-4, Глобальная телевизионная сеть Китая (CGTN)) или печатные издания (Xinhua, China Daily и People's Daily).³¹ Поддерживаемые компанией CRI радиостанции ведут вещание на английском и местных языках, предлагая комплекс новостей, музыки и культурных программ. Новостные агентства, такие как Xinhua, China Daily и People's Daily, могут фактически иметь бюро в конкретной стране или иным образом сотрудничать с местными СМИ в соответствии с брокерскими соглашениями для распространения своего контента, например, четырех- или восьмистраничных вкладок из China Daily, предлагаемых под названием China Watch (Lim и Bergin, 2018 г.).³² В Пакистане китайское телевидение совместно с пакистанским телевидением выпускают программу «CPEC Time», посвященную различным аспектам «Китайско-пакистанского экономического коридора» и дружбы между Китаем и Пакистаном (Ahmed, 2018 г.).

Пекин также стремится формировать хорошие отношения с другими каналами коммуникаций, как то журналисты и местные СМИ в странах ЦЮА, чтобы представлять свою версию событий с целью противодействия негативному освещению Китая в западных СМИ.³³ В период между 2004 и 2017 гг. информационный департамент МИД Китая и посольства Китая организовали 61 поездку в Китай по программам обмена для журналистов стран ЦЮА. Как мы указываем в главах 3 и 4, эти поездки популярны среди журналистов, которые рассматривают их в качестве «туристической поездки», поскольку принимающая китайская сторона расстилает перед ними хрестоматийную красную ковровую дорожку, приглашая посетить известные компании, медиацентры, экологические парки-заповедники и другие объекты основных проектов.³⁴

²⁸ Интересно, что значительную часть этих связей составляют визиты представителей высшего военного руководства Пакистана в Китай: в течение периода 2003–2016 гг. было проведено 53 визита в Китай, в то время как члены высшего руководства НОАК посетили Пакистан лишь 14 раз.

²⁹ Проект CPEC, инициированный в 2013 году, реализация которого начата в 2015 году, предназначен для укрепления двустороннего экономического сотрудничества вдоль маршрута длиной 2 700 км, начинающегося в порту Гвадар (на побережье Аравийского моря) и заканчивающегося в городе Кашгар на западе Китая (IRI, 2019 г.).

³⁰ Целью Китая является создание 200 бюро Xinhua за пределами Китая к 2020 году (Economist, 2017 г.).

³¹ Что касается печатных СМИ, мы учитывали два показателя: (1) фактическое наличие бюро в стране ЦЮА; и (2) распространение китайскими печатными СМИ своих публикаций в данной стране. В отношении CRI мы учитываем только УКВ-станции, однако если учитывать радиостанции диапазонов СВ и КВ, то во всех странах в какой-то форме присутствуют государственные СМИ Китая.

³² Например, новостное агентство Xinhua и Национальное информационное агентство Таджикистана в 2006 году подписали соглашение о совместном использовании контента (посольство Китая, 2006 г.).

³³ В работе Kalathil (2017 г.) также указано, что Китай стремится способствовать развитию «конструктивной журналистики», которая «должна быть направлена на поиск решений, а не акцентировать внимание на отрицательной информации, касающейся правительств различных стран, в том числе Китая».

³⁴ Количественные данные не дают окончательного ответа, была ли 61 документально подтвержденная поездка по программам обмена «турами с оплатой всех расходов», однако опрошенные журналисты, которые принимали участие или имели возможность наблюдать за проведением таких поездок, многократно указывали, что принимающая китайская сторона оплачивала все расходы (или как минимум оплачивала значительную их часть).

Китай провел примерно равное число таких визитов журналистов из Южной и Центральной Азии, несмотря на существенные различия в степени свободы СМИ в этих двух субрегионах. В Южной Азии СМИ, как правило, в меньшей степени подвергаются контролю и характеризуются большим разнообразием и диапазоном организаций, функционирующих в этой сфере, а в Центральной Азии эта среда более ограничена.³⁵ Возможно, правительство Китая рассматривает эти механизмы как одинаково действенные в любом контексте или считает, что нет необходимости фокусироваться на странах с большей свободой СМИ, поскольку журналисты таких стран в меньшей степени склонны придерживаться официальной линии и с большей вероятностью могут занять критическую позицию в отношении Пекина.

Высшее руководство — в том числе Председатель КНР, заместитель председателя и вице-премьер — представляют еще одно важное средство из арсенала информационной дипломатии Пекина. В течение периода с 2002 по 2017 гг. эти официальные лица дали 27 интервью СМИ стран ЦЮА, а председатель и премьер-министр дополнительно провели 32 пресс-конференции с этими СМИ, в том числе восемь региональных пресс-конференций совместно с лидерами стран-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).³⁶ Половина этих мероприятий, которые проводит высшее руководство Китая для СМИ, были ориентированы только на две страны ЦЮА: Индию и Казахстан (карта 5). В течение периода с 2013 по 2017 гг. представители высшего руководства Китая также написали и опубликовали в центральных СМИ региона ЦЮА 12 обзорных статей; однако это число представляет лишь 16 % от 75 таких обзорных статей, опубликованных ими по всему миру.

2.1.5

Крупные инфраструктурные проекты — основной элемент финансовой дипломатии Пекина, служащий в качестве напоминания странам ЦЮА о предоставляемой Китаем поддержке, — тем не менее эти проекты не обходятся без дискуссий

Владея огромными резервами иностранной валюты, которые по состоянию на август 2019 года оцениваются суммой 3,1 трлн долл. США (Reuters, 2019 г.), правительство Китая имеет достаточные средства для финансирования региональных проектов в сфере транспорта и развития (Doshi, 2019 г.; Wong, 2019 г.) с целью «усиления

периферийной дипломатии и укрепления дружественных связей» (Swaine, 2014 г.). В этом исследовании мы рассматриваем четыре составляющие финансовой дипломатии Пекина в регионе ЦЮА в течение периода с 2000 по 2017 гг.: инфраструктурные инвестиции (120 млрд долл. США), гуманитарная помощь (1,4 млрд долл. США), бюджетная поддержка (2,7 млрд долл. США) и списание долгов (1,9 млрд долл. США).

Финансовая дипломатия Пекина, которая оценивается суммой 126 млрд долл. США, инвестированных в запланированные, реализуемые и завершенные проекты в регионе ЦЮА, оставляет далеко позади другие его методы публичной дипломатии как по самим масштабам, так и по освещению в СМИ. Финансирование китайским правительством проектов развития в других странах не является новым направлением в рамках инициативы ОПОП или периода пребывания Си Цзиньпина в должности председателя КНР. Финансовая дипломатия Пекина, поначалу предусматривавшая низкий уровень поддержки, резко усилилась, начиная уже с 2008 года (карта 6). Вместе с тем объем инвестиций в регионе ЦЮА увеличился после анонсирования инициативы ОПОП, поскольку вскоре после этого лидеры Китая объявили о реализации крупных проектов в сфере транспорта.

Половина суммы инвестиций Пекина в рамках финансовой дипломатии в регионе приходится на две страны: Пакистан (30 %) и Казахстан (26 %).³⁷ Первая страна, присоединившаяся к инициативе ОПОП (Пакистан), получила львиную долю средств в рамках финансовой дипломатии правительства Китая, направленных на один проект: 60 млрд долл. США на строительство «Китайско-пакистанского экономического коридора» — сети дорог, трубопроводов, электростанций, промышленных парков и порта на побережье Аравийского моря (Торра, 2018 г.).³⁸ Казахстан также был самым активным участником инициативы ОПОП среди стран Центральной Азии (Laruelle, 2018 г.).

Инфраструктурные проекты составляют 95 % мероприятий в сфере финансовой дипломатии Пекина, и только 5 % расходуются на другие категории: финансирование общей бюджетной поддержки, гуманитарной помощи и списания долгов.⁴⁰ Распределение инвестиций Пекина в инфраструктуру стран региона ЦЮА показывает, что основное внимание (85 % инфраструктурных инвестиций)

³⁵ Во Всемирном индексе свободы прессы за 2017 год представлен рейтинг 180 стран; у четырех из пяти стран Центральной Азии рейтинг ниже, чем у всех стран Южной Азии. Для ознакомления с подробными данными о методе оценки см. <https://rsf.org/en/detailed-methodology>.

³⁶ Для представления общей перспективы следует отметить, что соответствующее число интервью и пресс-конференций, проведенных по всему миру, составило 385 мероприятий. В качестве местных СМИ в данном случае подразумеваются печатные издания, телевидение и радио, хотя по большей части они представлены именно печатными СМИ.

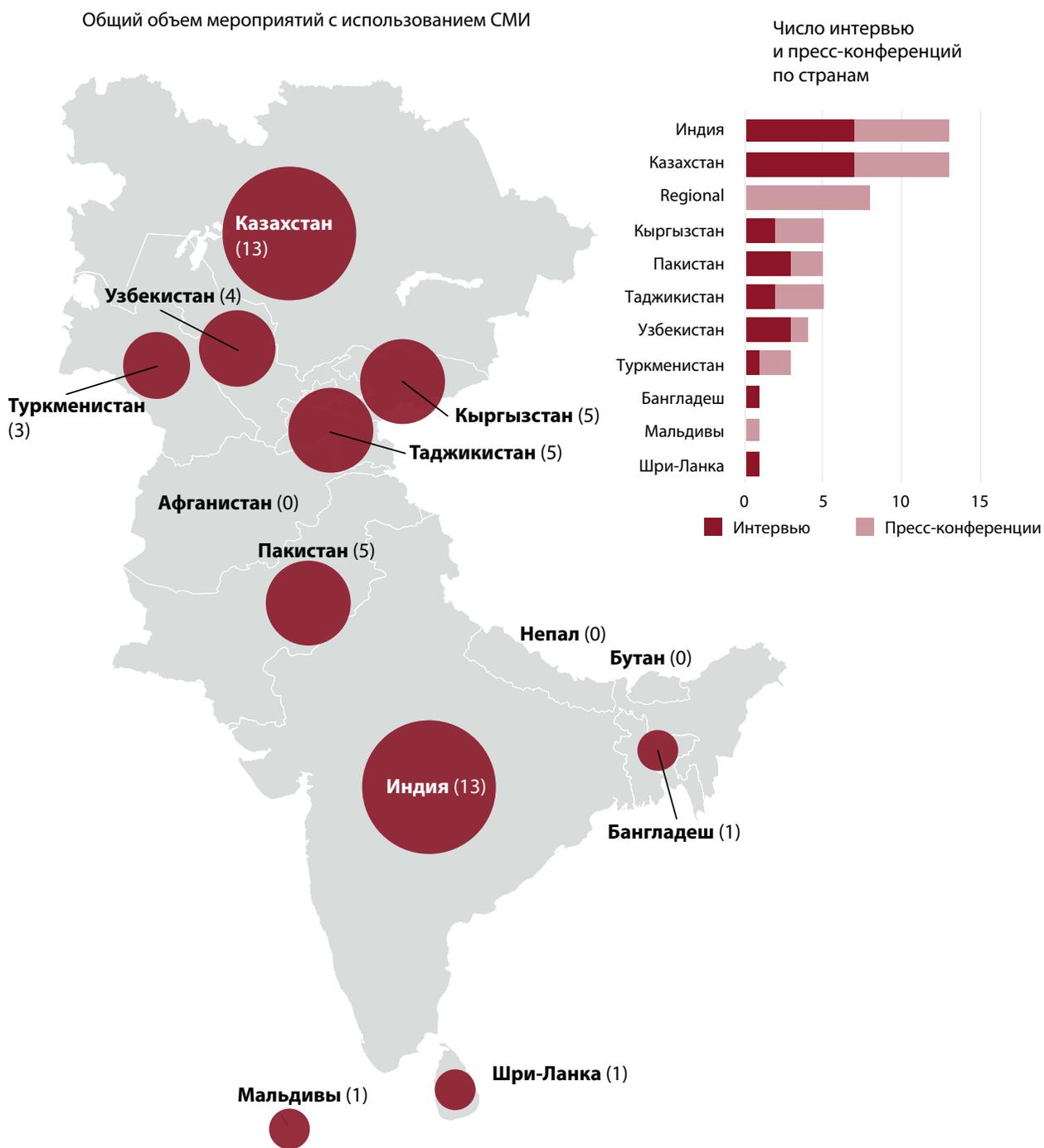
³⁷ В Южную Азию были направлены 57 % инвестиций в рамках финансовой дипломатии Китая, а остальную сумму получили страны Центральной Азии.

³⁸ Портал СПЕС, содержащий перечень всех проектов, реализуемых в рамках этой инициативы, в том числе данные об их выполнении и финансировании, был совместно разработан Пакистано-китайским институтом и CRI (Hurley и др., 2018 г.).

³⁹ Гуманитарная помощь составляет лишь 1 % от общей стоимости мероприятий в сфере финансовой дипломатии, а по количеству проектов — 21 %.

⁴⁰ Существует категория проектов, которые не полностью соответствуют нашему определению финансовой дипломатии, но могут повышать популярность Китая и влиять на отношение к нему. Примеры таких проектов охватывают предоставление помощи с целью развития систем социального страхования и пенсионной реформы или укрепления сотрудничества в области управления водными ресурсами.

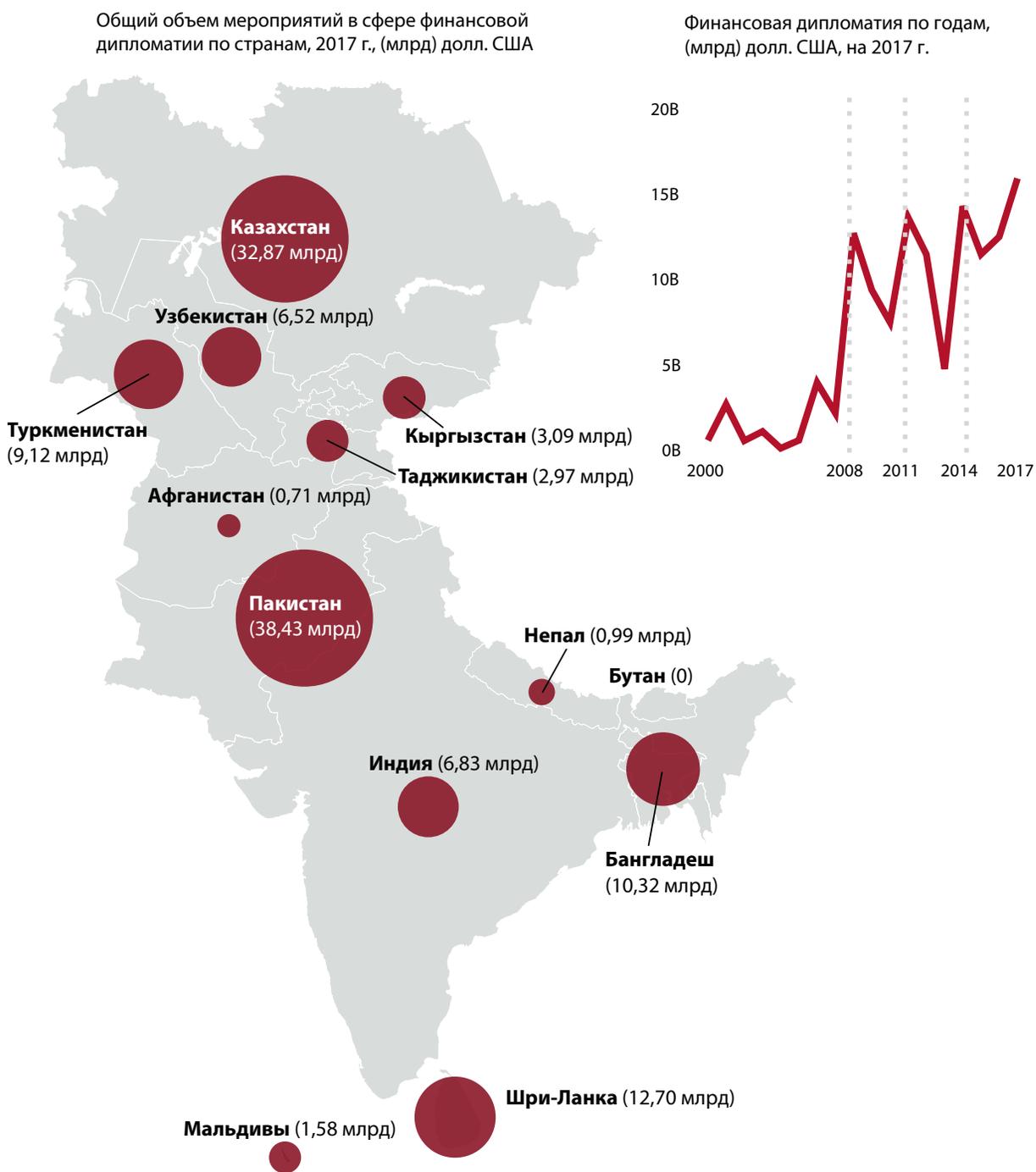
Карта 5. Работа высшего руководства Китая со СМИ стран ЦЮА, 2002–2017 гг.

Примечания: на этой карте представлено общее число интервью и (или) пресс-конференций, проведенных высшим руководством Китая для местных СМИ стран ЦЮА в течение периода с 2002 по 2017 гг. Интервью проводились с председателем КНР, премьер-министром, заместителем председателя и вице-премьером, а пресс-конференции включают только мероприятия с участием председателя и премьер-министра. Для СМИ Афганистана, Бутана и Непала интервью и пресс-конференции не проводились. Пресс-конференции в региональном формате включают совместные мероприятия с лидерами стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества.

Источники: ежегодники внешней политики Китая (2002–2017 гг.)

Карта 6. Финансовая дипломатия Китая в отношении стран ЦЮА, 2000–2017 гг.

Примечания: на карте (сверху-слева) представлен общий объем мероприятий в сфере финансовой дипломатии Китая во всех странах ЦЮА за период с 2000 по 2017 гг., в том числе финансирование инфраструктуры, бюджетной поддержки, списания долга и гуманитарной помощи. На линейном графике (сверху-справа) указан объем мероприятий в сфере финансовой дипломатии Китая по годам с 2000 по 2017 гг.

Источник: AidData (2019 г.).

уделяется новым проектам строительства.⁴¹ Пекин также финансировал модернизацию, расширение и реконструкцию существующей инфраструктуры (например, модернизацию телефонных сетей, линий передачи электроэнергии, больниц). 37 % инфраструктурных проектов Пекина предусматривают поставку товаров или оборудования (например, тракторов, сельскохозяйственного или медицинского оборудования, лекарственных средств).

Финансируемые правительством Китая инфраструктурные проекты не обходятся без дискуссий. Пекин поддерживал проекты, которые не пользовались бы поддержкой других доноров или компаний, действующих на коммерческом рынке, вследствие сомнений в способности заемщика возратить долг в будущем. Это вызывало критику Китая по причине того, что он склоняет страны брать кредиты, которые они не способны погасить (Ruta, 2018 г.; Hurley и др., 2018 г.; Horn и др., 2019 г.).⁴² Хотя Пекин, вероятно, готов предоставлять кредиты странам с повышенным риском неплатежеспособности, часто это осуществляется на более жестких условиях (например, повышенные процентные ставки, обеспечение кредитов залогом, премии за коммерческий риск), чем у других доноров, стремящихся предоставлять гранты и кредиты на менее жестких условиях (Horn и др., 2019 г.).

Используемая Пекином практика «кругового кредитования» (Horn и др., 2019 г.) — финансирования при условии использования китайских компаний и рабочей силы — может способствовать снижению риска Пекина, но также вызывает критику со стороны некоторых представителей стран ЦЮА, не усматривающих при таком подходе выгод для местной экономики (см. главы 3 и 4). Согласно одной из оценок, доля китайских государственных предприятий, реализующих

проекты в рамках инициативы ОПОП, составляет 89 % (Hurley и др., 2018 г.). Объективности ради следует отметить, что такая практика «связанной помощи» не является для Пекина уникальной, однако ограниченная прозрачность процесса поставок для проектов инициативы ОПОП⁴³ (Custer и Tierney, 2019 г.) и политика Пекина, предусматривающая предоставление своим государственным предприятиям доступа к финансированию с низкими процентными ставками, дают китайским компаниям возможность предлагать более выгодные условия, чем их конкуренты (группа проекта «Могущество Китая», 2017 г.; Wuthnow, 2019 г.).⁴⁴

В условиях отсутствия прозрачности возникает больше возможностей для политического контроля и коррупции, и это вызывает недоверие (Dreher и др., 2016 г.; Isakson и др., 2018 г.; Brazys и др., 2017 г.).⁴⁵ На выборах в Шри-Ланке и на Мальдивах победили оппозиционные политики, использовавшие антикоррупционные лозунги и волну недовольства общественности непрозрачными инвестициями, предоставляемыми правительством Китая (см. главу 3). Страны ЦЮА начали применять больше ограничений при заключении соглашений в отношении новых проектов в рамках инициативы ОПОП, а также осуществлять аннулирование сделок или проводить повторные переговоры по существующим сделкам (Kratz и др., 2019 г.),⁴⁶ учитывая предостережения о долговом кризисе (например, в Шри-Ланке) и не оправдывающих свою слишком высокую стоимость проектах (так называемых «белых слонах») (например, в Кыргызстане).⁴⁷ К примеру, правительство Пакистана аннулировало соглашение с Пекином в отношении проекта плотины на сумму 14 млрд долл. США, указав, что условия финансирования «неосуществимы и противоречат интересам [Пакистана]» (Zhen, 2017 г.).

⁴¹ Хотя мы понимаем, что новая инфраструктура в пределах развитого региона с существующей инфраструктурой и новая инфраструктура в слаборазвитом регионе могут оказывать различное воздействие, имеющиеся у нас данные не позволяют провести классификацию проектов по этому признаку.

⁴² Как указывают Horn и др. (2019 г.), некоторые эксперты сравнивают текущую подверженную риску сумму кредитов стран с низким уровнем дохода, участвующих в инициативе ОПОП, с 1970-ми гг., когда испытывавшие нехватку финансовых средств богатые ресурсами страны брали крупные займы в период повышенного уровня цен на сырьевые товары и в последующем оказались неспособными возратить долг после резкого падения цен. Тот факт, что несколько крупнейших получателей кредитов Китая по всему миру ранее были получателями льгот в форме аннулирования долгов в рамках инициативы в отношении долга бедных стран с крупной задолженностью (БСКЗ), повышает риск того, что Пекин может непреднамеренно вызвать еще одну волну непосильных долгов, которая приведет к дефолту или необходимости пересмотра условий кредитования.

⁴³ В сравнении с другими донорами, предоставляющими отчетность в соответствии с международными нормами, например, в рамках Международной инициативы по обеспечению прозрачности помощи или Системы представления отчетности кредиторов Организации экономического сотрудничества и развития, практика кредитования Китая остается относительно непрозрачными. Эта ситуация усугубляется тем фактом, что страны-партнеры Пекина часто публично не раскрывают даже основные положения официальных финансовых инвестиций Китая — от суммы и периода выплаты до процентных ставок и правил поставки.

⁴⁴ Китай обеспечивает дешевое финансирование китайских компаний (в основном государственных), участвующих в проектах инициативы ОПОП (группа проекта «Могущество Китая», 2017 г.), и китайские предприятия предусмотрели избыточную производительность в сфере строительных материалов, таких как сталь и алюминий (Wuthnow, 2019 г.).

⁴⁵ Например, Dreher и др. (2016 г.) установили, что в Африке китайские проекты были непропорционально часто расположены в регионах, являющихся родиной президентов и премьер-министров, а Brazys и др. (2017 г.) отметили, что граждане, живущие вблизи объектов, реализуемых в рамках текущих проектов, сталкивались с повышением уровня коррупции.

⁴⁶ Например, компания Rhodium Group выявила 40 известных примеров проведения повторных переговоров по внешним кредитам Китая, включая несколько случаев в регионе ЦЮА: Казахстан (в 2018 году), Мальдивы (в 2019 году), Шри-Ланка (в 2012 году, 2016–2018 гг. и 2019 году) и Таджикистан (2011 г.). Данные компании Rhodium Group касаются случаев проведения повторных переговоров на уровне кредита, а не на уровне проекта. См. работу Kratz и др. (2019 г.).

⁴⁷ Например, согласно имеющейся информации Кара-Балтинский нефтеперерабатывающий завод в Кыргызстане функционирует на уровне лишь 6 % производительности (группа проекта «Могущество Китая», 2017 г.).

2.2

Какие методы публичной дипломатии предпочитает Пекин в отношении исследуемых стран?

Используя данные, приведенные в предшествующем обзоре, мы представляем в этом разделе количественную оценку мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина во времени и пространстве, уделяя особое внимание тому, какие методы он, по всей видимости, предпочитает, и изменяются ли эти методы в зависимости от географических факторов в пределах региона ЦЮА. Другими словами, является ли подход Пекина однородным, или существуют вариации методов применения средств публичной дипломатии в зависимости от условий в различных странах.

С этой целью мы определили косвенные показатели, поддающиеся количественной оценке, для каждой категории публичной дипломатии, рассмотренной ранее: 1) институты и классы Конфуция (культурная дипломатия); 2) города-побратимы (дипломатия обмена); 3) визиты государственных служащих (дипломатия элит); 4) использование СМИ высшим руководством (информационная дипломатия); и 5) официальное финансирование Китая инфраструктуры, бюджетной поддержки, списания долгов и гуманитарной помощи. Мы определили эти косвенные показатели на основании двух критериев: (а) наличие данных для максимального числа годовых периодов и стран с 2000 по 2017 гг.; и (б) более широкое воздействие на граждан и элиту, чем методы, касающиеся конкретных лиц или направленные на них.

Эти пять косвенных показателей представляют собой примерный индикатор мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина во времени и по отдельным странам (**таблица 1**). Поскольку проводится анализ различных параметров (например, количество городов-побратимов, выделенные суммы в долларах США), мы нормировали эти разнородные значения с использованием общей шкалы,⁴⁸ а затем оценили объем мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина, направленных на конкретную страну (активность) и состав этих мероприятий (структура) в течение периода с 2002 по 2017 гг.⁴⁹

2.2.1

С течением времени Пекин наращивал объем и сложность своих инициатив в сфере публичной дипломатии в регионе ЦЮА, достигнув наивысшего уровня в 2014 и 2016 гг.

Общий объем мероприятий Пекина в сфере публичной дипломатии в регионе ЦЮА (по пяти косвенным показателям) в целом увеличивался в течение рассмотренного периода, достигнув наивысшего уровня в 2014 и 2016 гг. (**график 2, сверху**). На начальном этапе публичная дипломатия Пекина была в значительной мере смещена в сторону мероприятий, которые он мог в большей степени контролировать: коммуникации высшего руководства с использованием интервью и пресс-конференций, а также визитов и встреч между представителями правительства Китая или официальными представителями КПК и их коллегами в странах ЦЮА. Внедрение председателем КНР Ху Цзиньтао в 2007 году концепции «мягкой силы» в национальную политику и проведение пекинской Олимпиады 2008 года, которую некоторые эксперты считают поворотной точкой в области действий Пекина по «формированию имиджа» (Le Corre, 2018 г.), совпадают с началом развертывания экспериментирования Пекина с расширенным комплексом методов. С 2013 года председатель КНР Си Цзиньпин продолжил реализацию и масштабное расширение этого диверсифицированного подхода (**график 2, снизу**).

Наибольшими источниками изменений комплекса методов публичной дипломатии Пекина от года к году являются используемая им информационная дипломатия и культурная дипломатия, которые, возможно, в большей степени реагируют на внешние факторы. Например, Пекин может в определенные годы открыть больше институтов Конфуция в ответ на запросы высших учебных заведений или увеличить число мероприятий для СМИ при участии высшего руководства с целью противодействия появляющейся в СМИ негативной информации.

⁴⁸ Начиная с общего количества городов-побратимов, институтов и классов Конфуция, визитов государственных служащих, интервью и пресс-конференций для СМИ, а также финансовой дипломатии, выраженной суммой в долларах США, ежегодно для всего региона ЦЮА, мы нормировали каждую категорию мероприятий в сфере публичной дипломатии (ПД) по максимальному значению для данной категории. Например, если в 2010 году было подписано 3 соглашения о городах-побратимах, а максимальное количество соглашений о городах-побратимах, подписанных в течение года в период с 2002 по 2017 гг., составляет 20, то нормированное значение для 2010 года равно 3/20. Мы выполнили такую процедуру в отношении каждой из пяти категорий мероприятий в сфере публичной дипломатии и затем просуммировали полученные значения для каждого заданного года и представили результат на **графике 2**. Для указания данных на **графике 3** были проведены аналогичные операции, за исключением того, что мы также учли максимальное значение конкретной категории мероприятий в сфере публичной дипломатии по каждой из стран. Мы равноценно рассмотрели все пять категорий мероприятий в сфере публичной дипломатии. Следует отметить, что нормирование не предусматривало учет ВВП или численности населения страны.

⁴⁹ Мы выбрали период с 2002 по 2017 гг. для обеспечения сопоставимости, поскольку для этого периода имелись данные по всем косвенным показателям.

Таблица 1. Косвенные показатели, используемые для количественного анализа публичной дипломатии Китая, 2002–2017 гг.

Информационная дипломатия	Общее число интервью, проведенных высшим руководством Китая в местных СМИ стран ЦЮА, и пресс-конференций, проведенных высшим руководством Китая вместе с лидерами стран ЦЮА и местными СМИ
Культурная дипломатия	Число классов и институтов Конфуция в странах ЦЮА
Дипломатия обмена	Число соглашений о городах-побратимах между Китаем и городами или провинциями стран ЦЮА
Финансовая дипломатия	Общий объем официального финансирования, выделенного Китаем во всех странах ЦЮА на финансирование инфраструктуры (улучшение существующей или создание новой), бюджетной поддержки, списания долга и гуманитарной помощи
Дипломатия элит	Число визитов государственных служащих Китая и каждой страны ЦЮА (включая визиты политических лидеров общенационального и провинциального уровней, визиты представителей партий и прочие визиты государственных деятелей)

2.2.2

Пекин использует в странах ЦЮА разнообразные методы, а основные получатели — ведущие субрегиональные государства: Казахстан, Индия и Пакистан

На каком основании Пекин осуществляет распределение мер дипломатии среди стран ЦЮА и выбор среди разнообразных методов? Одно из предположений заключается в том, что правительство Китая концентрируется на приоритетных странах, в отношении которых у него имеются интересы, связанные с экономикой или безопасностью, а также тех странах, которые могут влиять на другие страны своего субрегиона.⁵⁰ Три из четырех крупнейших получателей инициатив в сфере публичной дипломатии Пекина — Казахстан, Индия, Пакистан — фактически представляют собой не только самые богатые страны региона с точки зрения общего валового внутреннего продукта (ВВП), но они также обладают значительным влиянием в пределах соответствующих субрегионов. Кыргызстан является интересным исключением: на него приходится исключительно большой объем мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина (в общем находится на третьем месте) в сравнении с тем, что можно было бы ожидать, учитывая экономическое значение или доминирование в регионе (**график 3, сверху**).⁵¹ При определении направлений концентрации своих усилий правительство Китая может принимать во внимание дополнительные факторы, к которым мы возвратимся в главе 5.

Общий объем мероприятий в сфере публичной дипломатии в отношении конкретной страны может в основном определяться интересами Пекина, однако мы

полагаем, что структура таких инициатив корректируется в зависимости от местных реалий. Например, Пекин может концентрироваться на дипломатии элит в условиях авторитарных режимов, где принятие решений централизовано, а смена лидеров происходит редко, и в то же время использовать более широкий комплекс методов в демократических странах, где граждане в большей степени участвуют в принятии решений вследствие наличия института выборов и свободы волеизъявления. Примечательно, что полученные данные противоречат ожиданиям. Из двух стран, на которые приходится наиболее разнообразный комплекс действий в сфере публичной дипломатии Пекина, одна классифицируется как автократия (Казахстан), а вторая — как демократия (Пакистан) (**график 3, снизу**).

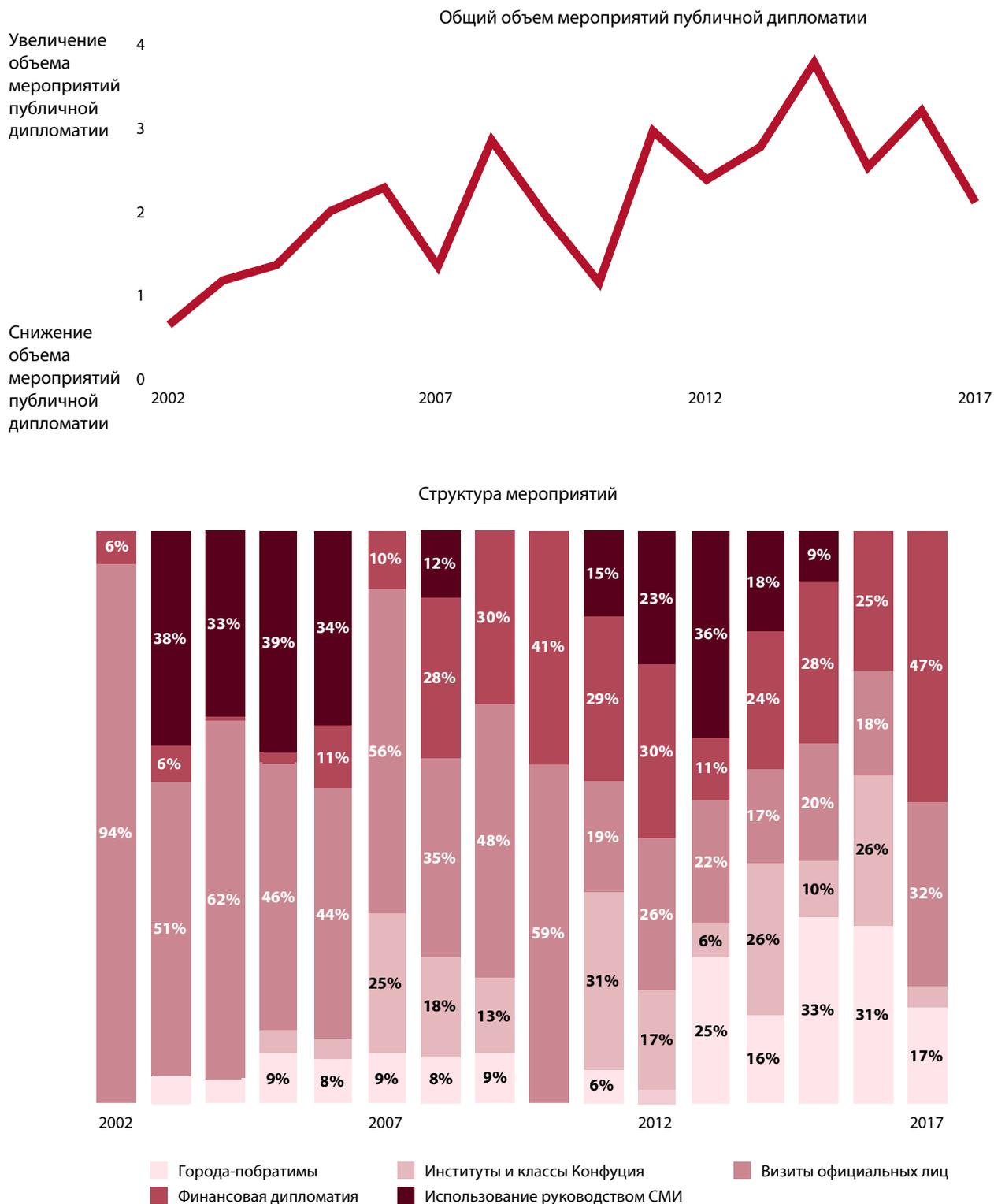
Пример Казахстана иллюстрирует, как Пекин может получить выгоду в результате развития связей между народами даже в условиях автократии. Большая протяженность границы Казахстана с Китаем приходится на беспокойный регион Синьцзян, в котором проживают 75 % уйгуров Центральной Азии.⁵² Сочетание сильных антикитайских настроений элиты и значительная численность уйгуров в Казахстане могут служить объяснением того, почему политические лидеры терпимо относятся к деятельности уйгурских организаций, несмотря на подписание с Пекином соглашений о противодействии сепаратистским движениям (Goble, 2018 г.; Niquet, 2006 г.). Если Пекин желает сохранить внутреннюю стабильность на основе партнерства в сфере безопасности с другими странами, ему, по всей видимости, потребуется взаимодействовать не только с политической элитой, но и с казахской общественностью, которая может быть склонной поддержать своих уйгурских собратьев в Синьцзяне.

⁵⁰ Например, в работе Li и Zheng (2016 г.) представлен определенный порядок распределения соседних стран Китая на четыре группы по мере убывания их стратегической важности: (i) субрегиональные державы, расположенные в непосредственной близости к Китаю (Индия и Казахстан); (ii) субрегиональные державы второго уровня (Пакистан и Узбекистан); (iii) субрегиональные малые и средние страны, поддерживающие тесные связи с Китаем (Туркменистан и Бангладеш); и (iv) прочие субрегиональные малые и средние страны (Афганистан, Мальдивы, Таджикистан, Кыргызстан, Бутан, Шри-Ланка и Непал).

⁵¹ Хотя не так явно как Кыргызстан, Шри-Ланка также выглядит как исключение с точки зрения объема проведенных в отношении нее мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая в сравнении с ее положением в иерархии согласно Li и Zheng (2016 г.). Хотя Шри-Ланка, возможно, представляет собой сравнительно небольшое государство в этом регионе, она находится на втором месте среди всех стран ЦЮА по величине ВВП на душу населения (и на пятом месте по общему ВВП) и представляет стратегическую важность вследствие своего расположения. В главе 3 этот аспект рассмотрен более подробно.

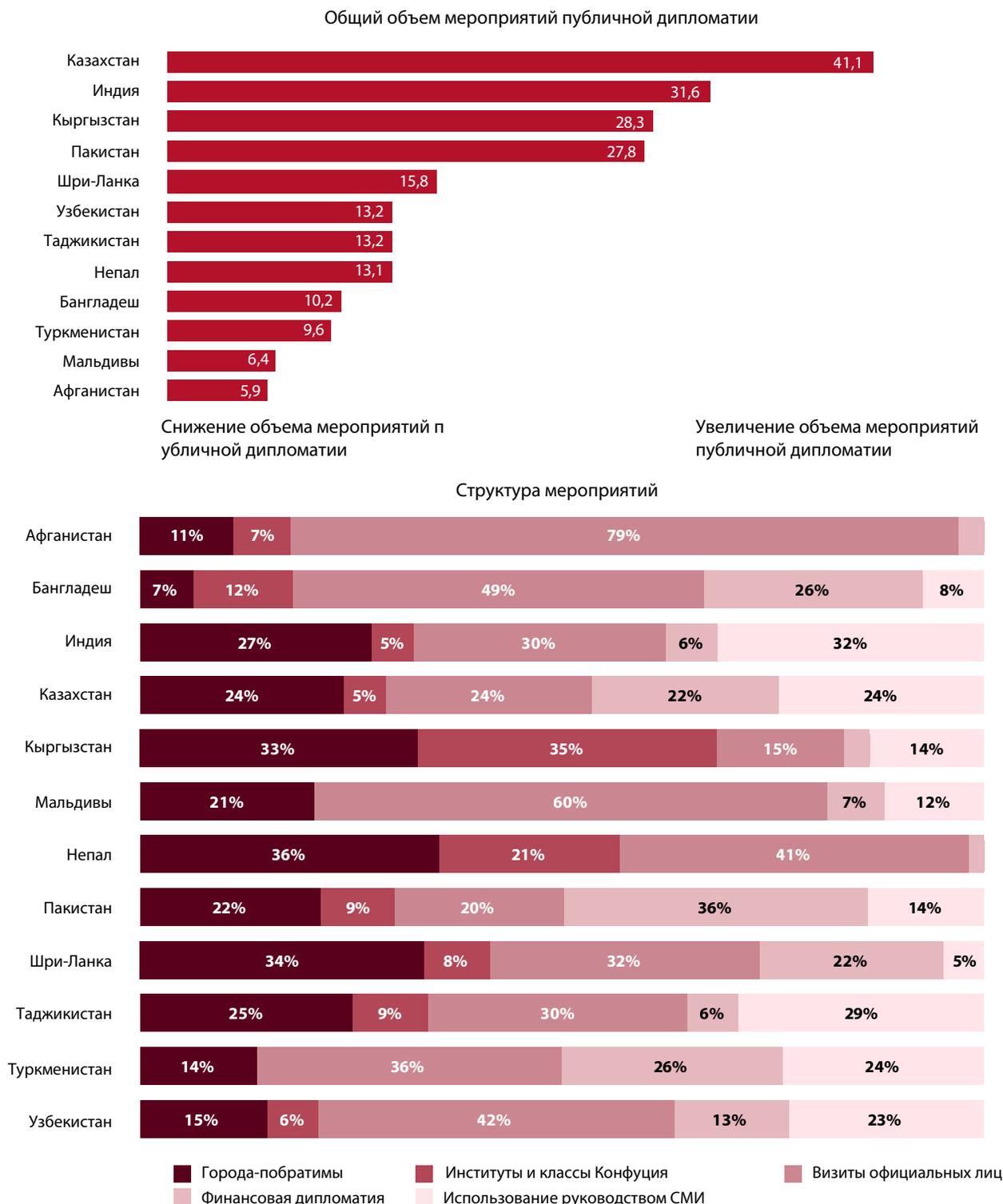
⁵² В Центральной Азии проживают 400 000 уйгуров, из которых 300 000 живут в Казахстане.

График 2. Объем и структура мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая по годам, 2002–2017 гг.

Примечания: на линейном графике (сверху) представлен расчетный показатель общего объема мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая по всем странам ЦЮА с 2002 по 2017 гг. Этот показатель общего объема охватывает пять категорий публичной дипломатии (города-побратимы, институты и классы Конфуция, визиты официальных лиц, финансовую дипломатию, а также пресс-конференции и интервью высших руководителей). Мы нормировали каждую категорию публичной дипломатии, используя максимальное значение для всего исследованного периода. По оси Y указана сумма этих пяти значений для каждого года. На составной столбчатой диаграмме (снизу) представлена изменяющаяся структура мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая во времени.

График 3. Объем и структура мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая по странам, 2002–2017 гг.

Примечания: на графике 3 представлены нормированные значения объема и структуры мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая по каждой стране ЦЮА в течение периода с 2002 по 2017 гг. для всех пяти категорий публичной дипломатии (города-побратимы, институты и классы Конфуция, визиты официальных лиц, финансовая дипломатия, пресс-конференции и интервью высших руководителей). По оси X указана сумма этих пяти значений для каждой страны.

2.3

Заключительные соображения

Информация, содержащаяся в этой главе, позволила нам глубже ознакомиться с методами комплекса публичной дипломатии Пекина, а также тем, как и когда он применяет эти методы для достижения своих целей в регионе Центральной и Южной Азии. Мы установили, что правительство Китая не использует стратегию единого подхода, а, по всей видимости, меняет объем и структуру мероприятий в отношении стран ЦЮА в зависимости от своих целей. В главах 3 и 4 мы переходим от анализа мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина в рамках региона на макроуровне к исследованию того, как эти инициативы реализуются в четырех странах Южной Азии (Шри-Ланка, Мальдивы, Бангладеш, Непал) и двух странах Центральной Азии (Казахстан и Узбекистан) на основе опроса 216 государственных служащих, ведущих представителей частного сектора и общественности. Мы дополнили и увязали с контекстом информацию, полученную в процессе опроса, с использованием дополнительной литературы и количественных данных по публичной дипломатии Пекина в каждой стране, собранных нами, чтобы провести обсуждение с учетом позиции тех, на кого Пекин пытается оказать влияние.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Как страны Южной Азии воспринимают инициативы Пекина в сфере публичной дипломатии и его влияние

Основные выводы, представленные в этой главе:

- элита Шри-Ланки с энтузиазмом восприняла финансирование инфраструктуры со стороны Пекина, однако общественность в значительной степени не осведомлена об инициативах Китая по налаживанию отношений между этими странами;
- у населения Мальдив Пекин ассоциируется с созданием инфраструктуры в их стране, однако существуют определенные сомнения относительно необходимости данных затрат;
- политические элиты Бангладеш ценят тесное сотрудничество с Пекином в условиях отсутствия более выгодного предложения, в то время как неоднозначное отношение среди общественности может в итоге склониться в сторону поддержки инициатив Китая;
- последние впечатления непальцев о Нью-Дели во многом сформировались под влиянием тяжелых последствий экономической блокады Индии, в то время как Пекин сумел позиционировать себя в выгодном свете, притом минимальными усилиями.

Южная Азия, самый быстрорастущий в экономическом отношении регион (Всемирный банк, 2019 г.), является привлекательным местом для продуктивного использования избыточных валютных резервов и строительных мощностей Пекина, а также развития экспорта для китайских товаров. Этот регион имеет решающее значение для реализации стремления председателя КНР Си Цзиньпина развивать экономическое сотрудничество

вдоль Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути. Однако, помимо экономических целей, интерес Пекина к Южной Азии в равной степени связан с защитой его интересов безопасности: обеспечением безопасного пути для импорта сырья, сдерживанием тибетских активистов, демонстрацией силы в Индийском океане и противодействием потенциальной угрозе терроризма (Stratfor, 2013 г.; Scobell и др., 2014 г.).

Пекин геостратегически заинтересован в развитии отношений со странами Южной Азии, которые опасаются влияния Индии на их внутреннюю политику и установления региональной гегемонии. Напряженные отношения Индии с этими странами дают Пекину возможность завоевать доверие местного общества и элиты как противовеса влиянию Нью-Дели (Wagner, 2016 г.; Mourdoukoutas, 2019 г.). Тем не менее, стремление Пекина добиться расположения стран Южной Азии натывается на определенные сложности в этом регионе, где Индия имеет преимущество в виде более тесных языковых, культурных и исторических контактов (Paradise, 2017 г., со ссылкой на Jain, 2017 г.). Лидеры Китая также стремятся повлиять на более мелкие страны, которые обладают правом голоса на международных форумах, и чье нежелание критиковать Пекин легитимизирует его политику в отношении Тайваня, Тибета и Синьцзяна.

Эта глава основана на информации, полученной в ходе интервью со 152 правительственными чиновниками, лидерами частного сектора, представителями гражданского общества, журналистами, учеными и иностранными дипломатами из 104 организаций/агентств в четырех странах мира. Данные интервью были проведены, чтобы понять, как Пекин использует публичную дипломатию для

Южная Азия: в цифрах

достижения своих целей в Южной Азии.⁵³ Участники опроса поделились своим мнением о масштабах и предполагаемых результатах деятельности Пекина в сфере публичной дипломатии, а также о восприятии КНР в их стране. Мы обобщили мнения участников интервью в серии из четырех тематических исследований по странам: Шри-Ланка (раздел 3.1), Мальдивы (раздел 3.2), Бангладеш (раздел 3.3) и Непал (раздел 3.4).

3.1 Региональный лидер: Пекин пытается позиционировать себя как надежного экономического партнера, несмотря на негативную политическую реакцию в Шри-Ланке

Источник: всемирный опрос Gallup World Poll

12,70 млрд долл. США Финансовая дипломатия	130 Количество визитов официальных лиц
4 Количество институтов и классов Конфуция	1 Количество интервью
29 Количество военных визитов, учений и заходов в порты	9 Количество подписанных соглашений с городами-побратимами

Благодаря своему расположению Шри-Ланка является ценным стратегическим партнером для Пекина, а дружественное правительство в Коломбо позволяет Китаю противостоять влиянию Индии через порты «двойного назначения», в которые разрешен заход китайскому военно-морскому флоту для отражения морских угроз в Индийском океане (Lo, 2018 г.; Turton, 2019 г.; Ford и Hill, 2019 г.). В эпоху инициативы «Один пояс, один путь» Шри-Ланка также является важным экономическим узлом Морского шелкового пути, примером чего может служить финансирование правительством КНР инфраструктурных проектов, таких как порт Хамбантота, ставший поучительной иллюстрацией к «долговой дипломатии» Пекина (Hurley и др., 2018 г.; Abi-Habib, 2018 г.; Safi, Perera, 2018 г.). Вместе с тем некоторые исследования показали, что конфискация порта произошла в результате общего долгового бремени правительства Шри-Ланки, а не его неспособности выплатить долг китайскому правительству (Weerakoon и Jayasuriya, 2019 г.; Brautigam, 2019 г.). Тем не менее, участие Пекина в Шри-Ланке имело свои последствия далеко за пределами страны.

3.1.1 Пекин позиционирует себя как экономический партнер Шри-Ланки после гражданской войны. Данная позиция Пекина произвела неизгладимое впечатление на политическую элиту страны

Китайское правительство поддерживает дружеские отношения со Шри-Ланкой с 1950-х годов, однако Пекин стал ключевым стратегическим партнером Коломбо сравнительно недавно. На протяжении большей части предыдущей истории Шри-Ланки тесные языковые и культурные связи с Индией⁵⁴ и общие демократические идеалы с Западом ставили китайских лидеров в относительно невыгодное положение при попытках наладить связь и установить уровень комфортного взаимодействия со своими шри-ланкийскими коллегами. Коломбо и Пекин достигли новых высот в период президентства Махинды Раджапаксы (2005–2015 гг.), когда окончание гражданской войны в Шри-Ланке (2007–2009 гг.) стало переломным моментом.

Ближе к концу гражданской войны Пекин поставлял правительству Шри-Ланки оружие и военную технику на миллионы долларов США, а к 2008 году увеличил объем своей финансовой помощи до 1 млрд долл. США (Smith, 2016 г.; Porham, 2010 г.). Китайское правительство также предоставило Коломбо дипломатическое прикрытие от осуждения международного сообщества за нарушения прав человека (ООН, 2011 г.).⁵⁵ Участники интервью указывают на увеличение поддержки со стороны Пекина в то трудное время в отличие от традиционных партнеров Шри-Ланки,

⁵³ Интервью были проведены профессорско-преподавательским составом исследовательской лаборатории AidData глобального научно-исследовательского института Уильяма и Мэри (все страны) и Азиатского института общественной политики (Шри-Ланка). В их число входят интервью 49 представителей из 28 организаций/агентств в Бангладеш, 34 представителей из 23 организаций/агентств на Мальдивах, 48 представителей из 35 организаций/агентств в Непале и 21 представитель из 18 организаций/агентств в Шри-Ланке. В Приложении представлен обзор того, как были выбраны страны и опрошенные, а также полное руководство по проведению интервью и разбивка опрошенных по группам участников и странам. Данное исследование было одобрено Комитетом по защите человеческих субъектов (PHSC) института Уильяма и Мэри в соответствии с протоколом PHSC-2019-03-06-13489-sjcluster под названием «Исследование китайской публичной дипломатии в Южной и Центральной Азии».

⁵⁴ Две основные этнические группы Шри-Ланки (сингалы и тамилы) и две основные религии (буддизм и индуизм) берут свое начало на Индийском субконтиненте. Тамильское меньшинство в Шри-Ланке имеет глубокие этнолингвистические связи с тамилами в индийском штате Тамилнад.

⁵⁵ Пекин неоднократно вмешивался в попытках помешать Совету Безопасности ООН расследовать гуманитарный кризис.

которые сокращали военную и финансовую помощь в свете нарушений прав человека правительством Раджапаксы. Данная ситуация послужила катализатором партнерства между двумя странами, которое существует сегодня. Когда администрация отказалась от военных действий и сосредоточилась на экономическом развитии, президент Раджапакса «начал масштабную инфраструктурную кампанию, чтобы преодолеть разрыв между городом и деревней и поддержать реконструкцию» (Институт политических исследований Шри-Ланки, 2010 г.). По словам респондентов, способность Пекина направлять инвестиции своих государственных предприятий дает ему сравнительное преимущество в выполнении инвестиционных обязательств с такой скоростью, с которой не могут сравниться другие страны.⁵⁶

Поражение Раджапаксы на президентских выборах 2015 года стало еще одним критическим моментом. Тогда к власти неожиданно пришла Партия свободы Шри-Ланки (SLFP) во главе с Майтрипалой Сирисеной. В ходе предвыборной кампании Сирисена раскритиковал связи Раджапаксы с Пекином, утверждая, что инфраструктурные проекты, финансируемые Китаем, приносят мало пользы, особенно в контексте банкротства страны (Sullivan, 2015 г.).⁵⁷ По оценкам, за время пребывания Раджапаксы у власти государственный долг Шри-Ланки увеличился втрое — до 44,8 млрд долл. США, что составляет почти 6 % ВВП страны в 2015 году (Abi-Habib, 2018 г.). Более того, респонденты сообщили, что среди общественности и политической оппозиции растет осознание того, что некоторые из проектов, финансируемых правительством Китая, не являлись экономически обоснованными. Застигнутый врасплох, Китай, как сообщается, направил деньги на кампанию Раджапакса (Abi-Habib, 2018 г.).⁵⁸

3.1.2

Провал на выборах 2015 года стал решающим испытанием для способности Пекина справиться с негативной политической и общественной реакцией в отношении дорогостоящих инфраструктурных инвестиций

Выборы 2015 года стали тревожным сигналом для китайских лидеров, т. к. им пришлось вложить немалый дипломатический и финансовый капитал для получения благосклонности нового правительства Шри-Ланки. По словам респондентов,

после выборов Пекин заверил президента Сирисена, что финансовая поддержка будет продолжена и что он готов пересмотреть проблемные проекты. В качестве подарка Шри-Ланке правительство КНР согласилось построить больницу в Полоннаруве, откуда родом Сирисена (Daily FT, 2017 г.). Участники интервью также отметили активизацию взаимодействия китайских официальных лиц со шри-ланкийской прессой и научными кругами с целью противодействия негативному восприятию общественностью финансовой помощи Пекина. Хотя респонденты в основном считают администрацию Раджапаксы ответственной за данные убыточные проекты, они отмечают, что репутация Пекина так же пострадала, при этом в отношении китайских кредитов возникла крайняя настороженность среди населения Шри-Ланки. Сначала новое правительство Сирисены приостановило выполнение ряда финансируемых правительством КНР проектов, в том числе проект Портового города Коломбо, и попыталось пересмотреть свои долги (Kunze и Wildau, 2015 г.; Chowdhury, 2015 г.). Однако после переговоров администрация Сирисены/Викрамасингхе вновь запустила все крупные проекты, финансируемые китайским правительством, включая Портовый город Коломбо (Annez, 2016 г.).⁵⁹

Попытки нового правительства справиться с тяжелым бременем внешнего долга Шри-Ланки закончились печально известной сделкой, по которой Китаю был предоставлен в аренду порт Хамбантота сроком на 99 лет (Lim и Mukherjee, 2018 г.; Kratz и др., 2019 г.). Этот эпизод вызвал рост возмущения относительно того, что китайское правительство намеренно стремилось к такому результату — получить стратегический порт в Индийском океане в ущерб суверенитету Шри-Ланки (Chellaney, 2017 г.; Schultz, 2017 г.).

Как было отмечено респондентами и подтверждено Kratz и др. (2019 г.), Пекин позволил Шри-Ланке пересмотреть условия и рефинансировать часть государственного долга в период с 2016 по 2018 гг., а затем снова в 2019 году.⁶⁰ Некоторые респонденты говорили, что этот процесс ослабил общественное беспокойство по поводу проектов, финансируемых правительством Китая; однако столь же вероятно, что правительство Сирисены обнаружило, что у него мало альтернатив для финансирования развития Шри-Ланки (Annez, 2016 г.; Lim и Mukherjee, 2018 г.).⁶¹

⁵⁶ Участники интервью отмечали, что даже при наличии средств и желании инвесторов мало какие страны могут предоставлять займы или инвестиции так же быстро, как правительство Китая, из-за существующих в них стандартов комплексной проверки и бюрократических процедур.

⁵⁷ Проекты, которые считались дорогими и ненужными, стали символом коррупции в правительстве, выставив Пекин в негативном свете.

⁵⁸ Согласно Abi-Habib (2018 г.), «крупные суммы из Китайского фонда строительства портов шли напрямую на помощь агентам и деятельности г-на Раджапаксы...», при этом сторонника его кампании было переведено «не менее 7,6 млн долл. США со счета China Harbor».

⁵⁹ В этом конкретном случае правительство Шри-Ланки также заменило положения, по которым Пекину отходила часть земли в собственность, на аренду с ограниченным сроком.

⁶⁰ В проведенном для Rhodium Group глобальном обзоре поддерживаемых правительством Китая переговоров по пересмотру условий предоставления кредита Kratz и др. (2019 г.) обнаружили доказательства определенного сочетания списания долга и рефинансирования в дополнение к аресту порта Хамбантота для Шри-Ланки в период с 2016 по 2018 гг. на сумму не менее 1,1 млрд долл. США, а затем дополнительного рефинансирования на сумму 1 млрд долл. США.

⁶¹ ПИИ из других стран по-прежнему не могут сравниться с предложением китайского правительства: только в 2017 году Китай и Гонконг вложили 924 долл. США в прямые иностранные инвестиции в Шри-Ланку, что более чем вдвое превышает приток из США, Великобритании, Индии и Японии вместе взятых (Kamardeen и Panditaratne, 2019 г.). Данные, представленные в отчете Kamardeen и Panditaratne, изначально были получены от Совета по инвестициям Шри-Ланки.

3.1.3

Финансирование инфраструктуры и интересы элиты — основные стратегии Пекина в Шри-Ланке; Китай также пытается развивать связи между двумя народами, хоть и в меньших масштабах

Финансирование проектов государственной инфраструктуры было важной частью инициатив Пекина в отношении Шри-Ланки. В период с 2000 по 2017 гг. Китай выделил 12,7 млрд долл. США по четырем категориям финансовой дипломатии,⁶² при этом львиная доля (94 %) была связана с новыми или текущими инфраструктурными проектами. По оценкам, 70 % инфраструктурных проектов Шри-Ланки — строительство автомагистралей, крупнейшего водохранилища страны, угольной электростанции и др. — были профинансированы и построены Пекином в период с 2005 по 2015 гг. (Smith, 2016 г.).⁶³ Помимо порта Хамбантота, респонденты упоминали такие проекты, как проект Портового города Коломбо, театр Нелум Покуна Махинда Раджапакса в Коломбо, Башня Лотоса (которая станет самым высоким зданием Шри-Ланки) и реконструкция Южного контейнерного терминала Коломбо.⁶⁴

Однако эти проекты не обошлись без разногласий. В рамках амбициозного проекта Китай построил стадион для крикета, аэропорт и шоссе, а также порт Хамбантота в рекордно короткие сроки ко дню рождения президента Раджапаксы в 2010 году. Однако, по словам респондентов, к 2012 году порт и связанные с ним проекты использовались крайне мало и были нерентабельны, в то время как правительство изо всех сил пыталось выплатить свои долги и в конечном итоге было вынуждено отдать Пекину 269 гектаров земли в аренду на 99 лет (Chowdhury, 2015 г.; Daily FT, 2019 г.). В связи с непрозрачностью условий кредитов и заключения контрактов возник вопрос о коррупции. Так, на торжественном открытии Башни Лотоса в сентябре 2019 года президент Сирисеня заявил, что китайская фирма, заключившая контракт на реализацию проекта, исчезла с 11 млн долл. США государственных средств, что в настоящее время расследуется парламентом Шри-Ланки (Annez, 2019 г.; AsiaNews.it, 2019 г.).

Помимо финансирования, китайские лидеры делали упор на установление личных отношений с официальными лицами Шри-Ланки. Председатель Китая Си принял президента Шри-Ланки Раджапаксу с государственным визитом в 2013 году, а в сентябре следующего года сам посетил Шри-Ланку и использовал многосторонние встречи для взаимодействия с президентом Сирисеней. В период с 2000 по 2017 гг. были проведены 102 таких политических визита между руководителями китайского и шри-ланкийского правительств на федеральном и региональном уровнях. Один из респондентов рассказал, что Пекин предлагал

членам парламента «сотовые телефоны и туры» и обещал местным и региональным лидерам проекты развития, чтобы вернуться к ним в доверие.

Кроме того, Пекин поддерживает контакты с оппозиционными партиями и молодыми, перспективными лидерами, а также приглашает официальных лиц Шри-Ланки посетить Китай. Некоторые респонденты положительно отзываются об этих визитах, говоря, что китайское правительство относилось к своим шри-ланкийским гостям с уважением и вниманием как к ценному партнеру.

Пекин часто приглашает ученых из Шри-Ланки на конференции, отправляет своих ученых в Шри-Ланку и использует любые возможности для установления партнерских отношений с местными научно-исследовательскими институтами для реализации программ, направленных на развитие отношений между двумя народами.⁶⁵ В рамках своей цивилизационной дипломатии Пекин подчеркивает общее наследие (т. е. коммерческие, культурные и образовательные связи) между Китаем и другими азиатскими цивилизациями. Например, в мае 2019 года Китай организовал конференцию «Диалог между цивилизациями Азии». Помимо визитов ученых и групп гражданского общества, Пекин организует бесплатные поездки для шри-ланкийских журналистов в Китай.

Респонденты отмечают, что Пекин активизировал свое взаимодействие с общественностью после выборов 2015 года, что отражает его готовность адаптировать и расширять свой подход к публичной дипломатии в ответ на существующие политические реалии. Например, китайское правительство сделало своих чиновников более доступными для местной прессы и расширило международное вещание. Жители Шри-Ланки теперь имеют доступ к China Radio International на английском и сингалском языках, а также к CGTN, Xinhua, Asia Pacific Daily и China Times открыли представительства в Шри-Ланке и создают контент, ориентированный на шри-ланкийскую публику с прокитайскими взглядами (LankaNewsPapers.com, 2018 г.). Хотя аудитория таких инициатив весьма невелика, по словам респондентов, эти каналы позволили Пекину охватить больше шри-ланкийской публики, чем они могли бы в противном случае.

Пекин также расширил предложения для жителей Шри-Ланки по изучению мандаринского языка и обучению за границей в Китае с получением государственных стипендий.⁶⁶ Он создал два института и два класса Конфуция для повышения осведомленности о языке, культуре и истории Китая (ежегодные отчеты учреждения Ханьбань, 2004–2017 гг.). По словам респондентов, молодые люди

⁶² Разбивка участия Пекина в Шри-Ланке в период с 2000 по 2017 гг. по четырем категориям финансовой дипломатии включает: инфраструктуру (98 %), гуманитарную помощь (2 %), поддержку государственного бюджета (0 %) и облегчение долгового бремени (0 %). Данные получены исследователями лаборатории AidData с использованием методологии TUFF.

⁶³ Большинство этих проектов выполняется китайскими фирмами, которые привлекают в основном китайскую рабочую силу.

⁶⁴ Исследователи лаборатории AidData подтвердили готовность Китая финансировать эти проекты с использованием методологии TUFF.

⁶⁵ Например, Pathfinder Foundation, местный научно-исследовательский центр в Шри-Ланке, сотрудничает с Китайской народной ассоциацией за мир и разоружение в части организации делегаций и поездок между двумя странами. См. Pathfinder Foundation (2012 г.).

⁶⁶ К сожалению, из-за ограниченного количества данных мы не смогли подтвердить, сколько стипендий, поддерживаемых правительством Китая, было выдано в этот период для шри-ланкийцев.

более открыты для обучения в Китае, особенно для получения медицинского образования, из-за растущего экономического влияния КНР за последние годы. Хотя общее количество студентов все еще довольно невелико — чуть менее 3 000 шри-ланкийских студентов обучались за границей в Китае в 2017 году — оно неуклонно растет с 2002 года (ежегодники внешней политики Китая, 2002–2017 гг.).⁶⁷

Посольство Китая и Китайский культурный центр в Коломбо также организуют культурные выставки и спортивные мероприятия для повышения осведомленности общественности о Китае. С 2017 года посольство организует ежегодную «Китайскую культурную ярмарку» для ознакомления с китайскими традициями (Colombo Gazette, 2019 г.). В период с 2000 по 2017 гг. правительство Китая провело в Шри-Ланке 29 культурных мероприятий (ежегодники внешней политики Китая, 2000–2017 гг.). По наблюдениям респондентов, в последние годы возрос интерес Пекина к взаимодействию с общественностью: 22 из этих мероприятий были проведены за трехлетний период, начиная с 2015 года (ежегодники внешней политики Китая, 2000–2017 гг.). Тем не менее, некоторые респонденты отмечают, что другие страны по-прежнему имеют более сильную и длительную историю таких государственных программ.

Шри-Ланка и Китай имеют общую древнюю буддийскую традицию, что используется Пекином в рамках широких инициатив в сфере публичной дипломатии. Это включает в себя строительство Башни Лотоса (названной в честь Лotosовой сутры из буддизма) и содействие обмену между буддийскими монахами. Участники опроса отметили, что молчание Китая, в отличие от активной критики со стороны Индии и западных держав, по вопросу прав человека, примирения и политической автономии меньшинств в Шри-Ланке позволило Китаю создать хорошие отношения с сингалским большинством. Однако представители гражданского общества, с которыми мы беседовали, не оценивают молчание Пекина по этим вопросам в положительном ключе.

3.1.4

Элита Шри-Ланки с энтузиазмом восприняла финансирование инфраструктуры со стороны Пекина, однако общественность в значительной степени не осведомлена об инициативах Китая по налаживанию отношений между этими странами

В целом респонденты положительно отзываются о Пекине, указывая на его финансовую помощь и поддержку в период гражданской войны и послевоенного восстановления. Они скорее обвиняли собственное правительство в проблемных

инфраструктурных проектах или непрозрачных финансовых сделках, нежели Пекин. Эта дихотомия может частично объяснить, почему доля шри-ланкийцев, которые заявили, что они одобряют высшее руководство Китая, согласно всемирному опросу Gallup World Poll (2006–2018 гг.), увеличилась после 2015 года, в то время как одобрение эффективности работы собственного правительства снизилось.⁶⁸ Между тем, некоторые респонденты утверждали, что государственный долг Шри-Ланки был преувеличен международными СМИ и что задолженность перед Пекином, хотя и значительная, но ничем не отличается от долговых обязательств Шри-Ланки перед любыми другими донорами (Sautman, 2019 г.).

Тем не менее, опрошенные опровергают предположение о том, что политики Шри-Ланки поддерживают глобальные цели Пекина или переняли его ценности, нормы и точку зрения. Более того, официальные лица Шри-Ланки утверждают, что проводимая ими внешняя политика не зависит от какой-либо конкретной внешней силы. Респонденты отмечают, что правительство поддерживает прочные связи со всеми крупными державами, чтобы сохранить свободу действий. Тот факт, что в правительство Сирисены входит президент, который публично раскритиковал китайское правительство во время предвыборной кампании, и премьер-министр, который часто рассматривается как сторонник Запада и Индии, лишний раз подтверждает эту точку зрения (Sullivan, 2015 г.).

Несмотря на инициативы Пекина в сфере публичной дипломатии, среди шри-ланкийской общественности по-прежнему отсутствует культурная близость и взаимопонимание с Китаем. Участники опроса считают маловероятным, что значительное число граждан Шри-Ланки воспользовались финансируемыми китайским правительством стипендиями на обучение, турами, культурными программами и языковыми классами. Более того, они утверждают, что широкая общественность до сих пор малознакома с китайской культурой и не заинтересована в ней. Несколько респондентов также отметили некоторое общественное недовольство использованием китайской рабочей силы при реализации инфраструктурных проектов в Шри-Ланке, а также поведением китайских туристов и рабочих. Возможно, Пекин все еще находится в начальной стадии экспериментов, и потребуется время, чтобы его инициативы нашли отклик у общественности Шри-Ланки.

⁶⁷ В 2002 году в Китае обучались 117 шри-ланкийских студентов по сравнению с 2 829 в 2017 году (ежегодные отчеты учреждения Ханьбань и ежегодники внешней политики Китая, 2002–2017).

⁶⁸ Точно так же доля респондентов из Шри-Ланки, которые не одобряют руководство Китая, уменьшилась после 2015 года. Учитывая все аспекты, рост одобрения в восприятии граждан (повышение уровня одобрения, снижение уровня неодобрения) по отношению к Китаю произошел после достижения крайней точки в предыдущий период (2012–2015 гг.). Однако следует отметить, что эта тенденция не является уникальной для Китая. Доля одобрения России и США также увеличилась за тот же период. Участников всемирного опроса Gallup World Poll спрашивали: «Одобряете ли вы или не одобряете работу руководства [страны]»? Дополнительную информацию об этом источнике данных см. в Приложении.

3.2

Кредитный рай: Пекин нацелился на Мальдивы как ворота в Индийский океан

1,58 млрд долл. США Финансовая дипломатия	93 Количество визитов официальных лиц
0 Количество институтов и классов Конфуция	1 Количество проведенных брифингов
8 Количество военных визитов, учений и заходов в порты	2 Количество подписанных соглашений с городами-побратимами

Рост Китая зависит от доступа к сырьевым потокам через загруженные судоходные пути между Индией и Мальдивами (Lee, 2018 г.; Patel и др., 2018 г.). Налаживание дружеских отношений с Мальдивами повышает способность Пекина не только обеспечивать безопасность своей морской торговли, но и оказывать влияние за спиной Индии (Brewster, 2018 г.). Мальдивы еще не уступили интересу Пекина в создании порта или военной базы, но некоторые утверждают, что готовность государства сдавать острова в аренду Пекину дает последнему негласное согласие на присутствие с целью безопасности для расширения его «нити жемчуга» в Индийском океане (Agence France Presse, 2018 г.; Parashar, 2018 г.). Между тем интерес Мальдивских островов к финансированию Китаем проектов строительства общественной инфраструктуры позволяет Пекину продвигать свои экономические интересы и приобретать политических союзников (Miglani и Junaud, 2018 г.; Mundy и Hille, 2019 г.).

3.2.1

Влияние Пекина на политические элиты Мальдив возросло в результате двух переломных моментов: цунами 2004 года и планы президента Ямина относительно роста за счет инфраструктуры

Мальдивы имеют давнюю историю с Китаем, уходящую корнями в 1970-е гг. Участники опроса охарактеризовали

китайско-мальдивские отношения во время правления президента Момуна Абдулы Гаюма как «сердечные, но сдержанные» из-за выбранного им курса «контролируемого развития» и желания сохранить страну «закрытой от внешнего влияния». Однако Пекин получил возможность для влияния в результате цунами 2004 года, когда, как отмечают респонденты, президент Гаюм «был вынужден открыть страну», т. к. он искал партнеров для восстановления разрушенной экономики Мальдивской Республики (МИД Китая, 2005 г.; Pettifer, 2005 г.; BBC, 2005 г.). Тогда в 2005 году фактически впервые началось официальное финансирование Мальдивских островов китайским правительством в виде грантов для оказания помощи в ликвидации последствий цунами и восстановлении.⁶⁹

В 2008 году на первых демократических выборах на Мальдивах победил президент Мохамед Нашид, который пообещал улучшить доступное жилье в Мале, а также качество базовых услуг для 200 населенных островов республики и транспортное сообщение между ними. Тщетно пытаясь собрать деньги среди традиционных доноров после мирового финансового кризиса, президент Нашид, по словам респондентов, обратился к Пекину за помощью в выполнении предвыборных обещаний его Мальдивской демократической партии (MDP), в первую очередь в реализации проектов государственного жилья.⁷⁰ Тем не менее, влияние Пекина в этот период сдерживалось желанием Нашида поддерживать баланс в связях с другими иностранными державами, особенно с Индией. Однако в результате политических беспорядков в 2012 году ситуация поменялась, и в феврале того же года президент Нашид ушел в отставку (Al Jazeera, 2012 г.).⁷¹

Победа на выборах в 2013 году Прогрессивной партии Мальдив во главе с Абдулой Ямин Абдул Гаюмом ознаменовала собой новый курс на модернизацию Мальдивских островов. Президент Ямин стремился создать атоллы-спутники рядом с перегруженной столицей — конгломерация «Большого Мале», — чтобы дать толчок экономике и уменьшить перенаселенность (Mundy и Hille, 2018 г.; AAGLA, 2018 г.). Международное сообщество раскритиковало администрацию Ямина, а несколько доноров сократили финансовую поддержку Мальдивской Республики. Так, МВФ (2017 г.) ограничил доступ Мальдив к льготному финансированию из-за нерациональной практики заимствования, а США и ЕС даже рассматривали возможность введения санкций за нарушение прав человека (AP, 2018 г.; Reuters, 2018 г.; McKenzie, 2019 г.).

В лице Пекина Ямин нашел союзника с «толстым кошельком» для финансирования знаковых проектов — мост Синамале, вторая взлетно-посадочная полоса для международного

⁶⁹ Например, в 2005 году Китай выделил 1,375 млн долл. США Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, 100 тыс. долл. США Фонду ООН в области народонаселения и более 670 тыс. долл. США Всемирной организации здравоохранения на программы, связанные с цунами на Мальдивах. Исследователи лаборатории AidData подтвердили финансирование Китаем этих проектов с использованием методологии TUFF.

⁷⁰ Например, в 2010 году Китай предоставил Мальдивам льготный кредит на 86 млн долл. США на строительство 1 000 единиц жилья в Хулхумале и еще 158 млн долл. США в 2012 году на поддержку строительства дополнительного жилья на 1 500 единиц. Исследователи лаборатории AidData подтвердили готовность Китая финансировать эти проекты с использованием методологии TUFF.

⁷¹ Оппозиция воспользовалась недовольством в отношении роста цен на продукты питания, ареста главного судьи страны и заключения контракта с индийской компанией (Grandh Mallikarjuna Rao, GMR) на реконструкцию международного аэропорта Мале. После массовых протестов и мятежа полиции президент Нашид ушел в отставку, а вице-президент аннулировал контракт (Al Jazeera, 2012 г.; Robinson, 2012 г.).

аэропорта Мале и жилой комплекс на восстановленном острове Хулхумале (Maldives Independent, 2019 г.; PSM, 2019 г.).⁷² Некоторые респонденты охарактеризовали Ямина как «прокитайски-настроенного и выступающего против всех остальных», однако другие утверждали, что он прагматично рассматривал Пекин как шанс выполнить обещания, заявленные в ходе кампании. Вместе с тем, поскольку администрация все более активно заимствовала у Пекина, президент Ямин стал уязвим перед давлением Китая в пользу ускоренного заключения сделки, не отвечающих интересам Мальдив, а также из-за обвинений в проектах с завышенными ценами для сокрытия коррупции со стороны старших должностных лиц Мальдивской Республики (Avas, 2018 г.; Mundy и Hille, 2019 г.).

Ямин завершил строительство моста Синамали к выборам 2018 года в надежде, что это убедит мальдивскую общественность в выполнении данных предвыборных обещаний. Однако победу на этих выборах одержал кандидат от оппозиции Ибрагим Мохамед Солих,⁷³ который пообещал искоренить масштабную коррупцию, ограничить безудержные долги и восстановить баланс во внешних отношениях страны за счет возобновления сотрудничества с Индией и Западом (Gupta, 2019 г.; Rasheed, 2018 г.; Ives, 2019 г.).

3.2.2

С приходом к власти нового президента в Мальдивской Республике возвращения к исходу для Пекина не произошло, но он был вынужден потесниться, т. к. новое правительство сотрудничает с широким кругом международных партнеров, чтобы сдержать влияние Китая

Недовольство населения, которое стоило Ямину выборов в 2018 году, было в первую очередь вызвано уровнем коррупции в администрации (Rasheed, 2018 г.), однако участники опроса признали, что репутация Пекина оказалась так же запятнана. Во время выборов Мальдивская демократическая партия охарактеризовала китайское правительство как сообщника президента Ямина в нецелевом использовании государственных средств (Junayd, 2019 г.; Ives, 2019 г.; Mitra, 2019 г.). Между тем из-за отсутствия прозрачности со стороны администрации Ямина касательно условий китайского финансирования возникла широко распространенная путаница в отношении величины долга Мальдивской Республики перед Пекином (Mundy и Hille, 2019 г.; Panda, 2019 г.).⁷⁴ Антагонизм Мальдивской

демократической партии по отношению к Пекину, который некоторые респонденты назвали «политическим театром», вылился, в частности, в скандал в Твиттере между китайским послом Чжан Личжун и бывшим президентом Нашидом (ныне спикером палаты представителей) по поводу задолженности Мальдивских островов перед Пекином (Kuo 2019 г.; Zhou, 2019 г.).⁷⁵

С момента вступления в должность президент Солих и его администрация стремились восстановить отношения с Индией и Западом, заверив Пекин в том, что он останется важным другом и партнером Мальдивской Республики (News in Asia, 2018 г.). Некоторые респонденты были обеспокоены тем, что внешняя политика Солиха (Malsa, 2019 г.) имеет слишком большой перекос в сторону Нью-Дели, однако другие утверждали, что администрация заинтересована лишь в возвращении «нейтралитета». Большинство опрошенных, независимо от партийной принадлежности, твердо убеждены в том, что в интересах Мальдив иметь сбалансированные отношения со всеми крупными державами.

Представители администрации Солиха отметили, что их китайские коллеги опасаются повторения ситуации в Шри-Ланке и Малайзии, где определенные китайские государственные проекты были приостановлены или свернуты после смены руководства. Китайское правительство стремилось получить заверения в том, что новое руководство Мальдив будет соблюдать договоренности, достигнутые с предыдущей администрацией. Другие респонденты отмечают, что у Пекина появилась мотивация на развитие в целях защиты своих интересов и что теперь он, вероятно, будет делать ставку на развитие более тесных связей между народами, а также проекты социального развития для дальних островов, чтобы показать, что им интересна «не только [большая] инфраструктура».

Администрация Солиха еще не свернула ни один из проектов, финансируемых правительством Китая, однако официальные лица уже заявили, что они «оставляют за собой право пересмотреть их» на предмет возможной коррупции. Между тем респонденты сообщают, что китайские лидеры подписали новые соглашения о реконструкции здания Министерства иностранных дел (Zalif, 2018 г.), которое ранее было построено на средства правительства Китая и теперь разрушается, а также о реализации проекта по производству электроэнергии. Тем не менее, по мнению многих респондентов, затраты

⁷² Исследователи лаборатории AidData подтвердили, что правительство Китая выделило 362,5 млн долл. США на реконструкцию аэропорта, 65,7 млн долл. США на проект строительства моста и 612,3 млн долл. США на строительство жилого комплекса в Хулхумале.

⁷³ Президентскую кампанию Солиха поддержала коалиция Мальдивской демократической партии бывшего президента Нашида, партии Адхаалат (исламисты), партии Джамхури (возглавляемой бизнес-магнатом Гасимом Ибрагимом) и бывшего президента Момуна Абдулы Гаюма.

⁷⁴ Помимо недостаточной информации о размере государственного долга перед Китаем, правительство также должно было оценить размер долга частного сектора, за который отвечает государство в связи с государственными кредитными гарантиями. Один из чиновников администрации Солиха объяснил, что правительство первоначально запросило кредитную линию у Индии в качестве превентивной меры, но теперь считает, что может управлять долговой ситуацией и страна не находится под угрозой дефолта (Miglani, 2018 г.; Maldives Times, 2018 г.). Более того, чиновник счел маловероятным, что правительство воспользуется кредитной линией Индии для погашения кредитов Китаю (News in Asia, 2018 г.; Avas, 2018 г.).

⁷⁵ Некоторые респонденты отметили, что публичный антагонизм Нашида по отношению к Пекину последовал за переворотом 2012 года и был основан на чувстве долга перед Индией, которая укрывала его, а также желании политически дистанцироваться от администрации Ямина.

на строительство моста Синамале и аэропорта были преувеличены, а такое тесное сотрудничество с Пекином вызывает обеспокоенность.⁷⁶

3.2.3

Пекин удвоил финансирование крупномасштабных проектов общественной инфраструктуры, особенно в эпоху президентства Ямина, в то время как инициативы в сфере народной дипломатии заметно отстают

Готовность Пекина выделить 1,58 млрд долл. США на финансирование проектов в период с 2005 по 2017 гг., 99 % которых составляют инвестиции в инфраструктуру, на сегодняшний день является наиболее заметным инструментом публичной дипломатии Китая на Мальдивах.⁷⁷ По мнению участников опроса, Пекин вышел на передний план благодаря желанию администрации Ямина в 2013 году мобилизовать финансирование для инфраструктурных проектов в масштабе и темпах, которые непосильны многим другим донорам.⁷⁸ При администрациях Гаюма и Нашида Пекин оказывал помощь в скромном объеме, однако 82 % его финансовой дипломатии на Мальдивах пришлось на период с 2013 по 2017 гг., что совпало с периодом президентства Ямина.⁷⁹ Пекин известен своим участием в строительстве моста, аэропорта и больницы, однако он финансировал и менее масштабные проекты: опреснительные установки, солнечную энергетику, медицинские и глазные клиники на Хулхумале, приобретение автотранспортных средств для полиции, мусорные баки с логотипами China Aid.⁸⁰

Почти все из участников опроса назвали правительственную элиту наиболее важной целевой аудиторией Пекина. Бывшие президенты Гаюм, Нашид и Ямин совершали государственные визиты в Китай в отличие от текущего президента Солиха, который пока не был в Пекине. Председатель Китая Си был первым китайским лидером, посетившим Мальдивы в 2014 году. Респонденты высказывали предположение (в отсутствие убедительных доказательств) в отношении того, что Пекин и Нью-Дели финансировали политические кампании Прогрессивной партии Мальдив и Мальдивской демократической партии соответственно. Однако несколько респондентов утверждают, что китайским лидерам «все равно, кто находится у власти, если поддерживаются отношения [между двумя странами]».

Пекин содействует обмену, визитам и программам обучения с целью познакомить политическую элиту Мальдив с Китаем и наладить отношения со их китайскими коллегами. В период с 2000 по 2017 гг. мы насчитали 77 политических визитов китайских и мальдивских официальных лиц, при этом наиболее резкий рост пришелся на годы президентства Ямина (ежегодники внешней политики Китая, 2000–2017 гг.). В частности, респонденты чаще всего ссылаются на мальдивских государственных служащих, которые проходили антикоррупционные тренинги в Китае, а также участвовали в конференциях в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и по темам изменения климата и строительства.

Вещание китайских СМИ на Мальдивах представлено мало, однако, по словам респондентов, Пекин стремится наладить отношения с местными СМИ и, в частности, устраивает ежегодные поездки по обмену и организовал десятимесячную программу подготовки мальдивских журналистов в Китае.⁸¹ Посольство Китая также организует мероприятия на такие темы, как «Один пояс, один путь», с участием местных СМИ. Респонденты отмечают, что посол Китая проявляет заметную активность в социальных сетях, размещая статьи в новостных агентствах Мальдив в ответ на обвинения Мальдивской демократической партии в проведении Пекином «долговой дипломатии». Только за период с 2014 по 2017 гг. мы насчитали 12 публикаций китайского посла в местных СМИ (ежегодники внешней политики Китая, 2002–2017 гг.).

Хотя мы не обнаружили доказательств партнерства по обмену контентом или спонсируемого контента между китайскими и мальдивскими СМИ, это не обязательно указывает на отсутствие усилий со стороны Пекина. Один редактор новостей подтвердил, что к нему обращались две китайские медиакомпании, которые предложили «совместно создавать и делиться контентом», а «взамен продвигать наш туристический сектор». Другой журналист сказал, что посольство Китая предоставляло информацию о ситуации с государственным долгом Шри-Ланки для их репортажей. Несмотря на то, что некоторые журналисты признали, что посольство Китая обращалось к ним по поводу освещения их страны в местных СМИ, по их словам, посольство Индии делало это гораздо чаще.

Участники опроса считают, что Пекин оказывает минимальное влияние на среднестатистического гражданина Мальдивской Республики, при этом некоторые

⁷⁶ Респонденты выразили разочарование тем фактом, что новые сделки были не более прозрачными, чем сделки при Ямине, и что Солих не спешил добиваться изменений в законе о государственном финансировании, которые ограничили бы возможность использовать внешние займы без одобрения парламента.

⁷⁷ Разбивка участия Китая в Мальдивской Республике в период с 2005 по 2017 гг. по четырем категориям финансовой дипломатии включает: инфраструктуру (99,6 %), гуманитарную помощь (менее 1 %), поддержку государственного бюджета (0 %) и облегчение долгового бремени (0 %). Данные получены исследователями лаборатории AidData с использованием методологии TUFF.

⁷⁸ До 2013 года важную роль играли Япония, Индия, Всемирный банк, Азиатский банк развития и различные ведомства ООН, которые теперь возобновляют взаимодействие с Мальдивской Республикой. Некоторые из респондентов отметили, что Саудовская Аравия имеет большее влияние, чем Китай, благодаря общей религии (Ислам). Они привели примеры того, как правительство Мальдив разорвало связи с Катаром и поддержало Саудовскую Аравию после убийства Джамала Хашогги, а также решение правительства Саудовской Аравии предоставить помощь через Саудовский фонд развития (вместе с Фондом Абу-Даби) во время экстренного положения при президентстве Ямина в 2018 году (Riedel, 2018 г.; Saberlin, 2018 г.).

⁷⁹ Данные получены исследователями лаборатории AidData с использованием методологии TUFF.

⁸⁰ Эти примеры были отмечены респондентами и подтверждены исследователями и научными сотрудниками лаборатории AidData с использованием методологии TUFF.

⁸¹ Хотя респонденты подтвердили существование таких обменов, нам не удалось подтвердить количество визитов мальдивских журналистов в Китай.

отмечают, что работу китайского посольства в части культурной дипломатии выполняет скорее Китайско-мальдивский культурный центр, местная общественная организация. Для китайского руководства возникло препятствие, заключающееся в невозможности организации институтов и классов Конфуция на Мальдивах по причине культурных и религиозных различий. Вместо этого Пекин создал Центр изучения мандаринского языка в Мале, пригласил преподавателей китайского языка в Мальдивский национальный университет, провел Фестиваль китайской культуры и другие мероприятия при поддержке посольства.⁸²

По словам одного из чиновников администрации Солиха, Пекин ежегодно предоставляет государственные стипендии для 10 мальдивских студентов, остальные стипендии предлагаются китайскими университетами.⁸³ Из 200 студентов, которых Мальдивы ежегодно отправляют учиться в Китай, около 70 % получают стипендии от китайских учебных заведений. Однако многие респонденты считают, что возможность получения стипендий недостаточно используется из-за того, что Пекин не может проводить активную рекламу. Среди студентов, обучающихся за границей, наиболее распространены медицинские программы, поскольку Китай предлагает ускоренную сертификацию.

3.2.4 Население Мальдив более всего связывают Пекин с созданием инфраструктуры в их стране, однако существуют сомнения относительно того, насколько необходимы были эти затраты

Согласно участникам опроса, финансовая дипломатия Пекина обращена прежде всего к политической элите Мальдивской Республики, которая ценит готовность Китая предоставлять деньги и знания для оперативной реализации проектов общественной инфраструктуры в соответствии с приоритетами администрации и без каких-либо условий в вопросе управления.⁸⁴ Напротив, в том, что касается проектов, реализуемых индийскими или саудовскими компаниями, респонденты отмечают задержки в их реализации и более высокие затраты, что является причинами для выбора китайских фирм. Лидеры частного сектора, однако, часто указывали на то, что местная экономика «ничего не выигрывает» от инфраструктурных проектов, спонсируемых правительством Китая, т. к. в них использовались материалы и рабочая сила, импортируемые из Китая, а китайские компании редко создавали совместные предприятия с мальдивскими компаниями.⁸⁵

Хотя мальдивские компании также могли участвовать в тендерах на проекты строительства общественной инфраструктуры, руководители предприятий указывали на несколько практических препятствий. В частности, они утверждали, что китайские фирмы «умасливали» чиновников, которые находили лазейки, позволяющие правительству избегать открытых торгов для подконтрольных ему предприятий, а также выдвигая критерии, делающие местные фирмы менее конкурентоспособными, и не обязывая иностранные фирмы использовать местных партнеров. Некоторые из респондентов утверждали, что правительство предоставило китайским компаниям «плацдарм» для конкуренции с местными предприятиями за коммерческое освоение курортной индустрии.

Для большинства мальдивцев Пекин ассоциируется с «китайским мостом» и «китайскими квартирами» — образ, подкрепленный плакатами с изображением китайских рабочих, флагами и логотипами China Aid вокруг строительных площадок. На дальних островах Китай осуществлял строительство электростанций, несмотря на обеспокоенность некоторых общин по поводу экологического и земельного вопросов. Респонденты также сообщают о некоторых опасениях по поводу качества: ржавчина на мосту, которому едва исполнился год, и недостаточная пропускная способность лифтов в многоквартирных домах. Тем не менее, большинство опрошенных считают маловероятным, что это вызовет серьезную негативную реакцию для Пекина, поскольку «даже критики пользуются мостом».⁸⁶

Увеличение долга Мальдивских островов перед Пекином вызвало определенный резонанс, однако большинство респондентов заявили, что проблема долга не находится в поле зрения среднего гражданина Мальдивской Республики, хоть она и широко обсуждается среди элиты и молодежи в социальных сетях. Когда все же возникают дебаты о приемлемом уровне долга страны, они носят весьма политический характер. Некоторые из респондентов утверждают, что проблема заключается не в самом Пекине, а в том, чтобы помочь Мальдивам снизить зависимость от любого иностранного финансирования. Так, одним из способов может быть использование возможностей коммерческого кредитования за счет успешного размещения суверенных облигаций с рейтингом B+ (Министерство финансов Мальдивской Республики, 2018 г.).

Участники опроса выражают свое разочарование в связи с тем, что неизвестно, какова точная сумма заимствований у Пекина, какова величина долга страны, сколько администрация направила на собственные нужды,

⁸² По нашим данным, за период с 2000 по 2017 гг. правительством Китая было организовано 4 культурных мероприятия и 1 празднование года дружбы.

⁸³ Нам не удалось проверить количество стипендий, выдаваемых правительством Китая, из-за ограниченности общедоступных данных.

⁸⁴ Респонденты отметили, что Пекин оказался более «гибок» и «легок на подъем», чем традиционные доноры, которые медленнее выделяли средства.

⁸⁵ Представители частного сектора признали, что китайские чиновники умеют налаживать связи с лидерами мальдивского бизнеса, предлагая, например, упрощенные условия для получения визы, субсидируя их участие в торговых ярмарках и поддерживая связь через WhatsApp.

⁸⁶ Нельзя сказать, что эти проекты получили всеобщее одобрение. Один из респондентов поставил под сомнение необходимость таких проектов, заявив: «Мы поменяли 15-минутную поездку на пароме на 20-минутную поездку по мосту, в то время как [дальние острова] по-прежнему остро нуждаются в больницах».

и сможет ли страна выплатить свои долги (Mundy и Hille, 2019 г.; Panda, 2019 г.). В таком положении дел винят не Пекин, а скорее администрацию Ямина за нежелание публично раскрывать детали кредитных соглашений. Несколько респондентов также утверждают, что отсутствие журналистских расследований на Мальдивах является препятствием для качественного общественного обсуждения этой темы.

Согласно участникам опроса, мальдивцы мало знают о Китае и имеют большую культурную и языковую близость с Индией. В настоящее время во многих школах Мале изучается мандаринский диалект, однако интерес этому языку весьма ограничен, в основном сферой туризма и гостеприимства. Все больше студентов стремятся получить высшее образование в Китае, но все же намного меньше, чем в Малайзии и Индии. Респонденты объясняли это прежде всего культурными и языковыми барьерами. В настоящее время число китайских туристов на Мальдивах превосходит число туристов из Индии и Европы. При этом некоторые респонденты отмечают, что мальдивцы не всегда ладят с китайскими посетителями, хотя другие утверждают, что взаимодействие простого человека с туристами крайне ограничено. Тем не менее, способность Пекина задавать направление для туризма своим гражданам дает ему неясные рычаги влияния на правительство Мальдив, поскольку «он может включать или выключать вентиль [туризма]».

Но ради чего Пекин так старается на Мальдивах? Соглашение о свободной торговле 2017 года с Китаем часто приводилось респондентами в качестве примера экономических рычагов влияния Пекина. Участники опроса критиковали Ямина за проталкивание соглашения через парламент без надлежащих консультаций, утверждая, что переговоры были «односторонними», период рассмотрения недостаточен, а результат не выгоден для Мальдив. Несколько респондентов также утверждали, что небольшие размеры Мальдивской Республики позволяют Пекину покупать поддержку или молчание, если это необходимо. Как заметил один из чиновников администрации Солиха, «учитывая финансовое влияние Китая, нам бы не хотелось делать заявления, прямо осуждающие Пекин».

Пекину предстоит сложный путь к достижению своих целей в области безопасности. Конституция Мальдив не разрешает размещение иностранных военных баз на островах. Тем не менее, некоторые респонденты предполагают, что сдача Ямином двух островов в аренду Пекину может негласно разрешить присутствие сил безопасности. Другие утверждают, что такие взгляды в основном основаны на СМИ и политической шумихе. Хотя Мальдивы вполне могут поддерживать экономическое партнерство с Китаем и Индией, респонденты считают, что Индия является единственным надежным партнером в вопросах безопасности.

3.3

Баланс сил: Бангладеш приветствует Пекин как инфраструктурного партнера в противовес Нью-Дели

Источник: всемирный опрос Gallup World Poll

10,32 млрд долл. США
Финансовая дипломатия

128
Количество визитов официальных лиц

3
Количество институтов и классов Конфуция

1
Количество интервью

1
Количество подписанных соглашений с городами-побратимами

36
Количество военных визитов, учений и заходов в порты

1 200
Количество выданных стипендий

Китайские лидеры признают преимущества установления прочных связей с Бангладеш с целью получения доступа к глубоководным портам в Бенгальском заливе, дешевой рабочей силе для производственных мощностей Китая (Quadir, 2018 г.)⁸⁷ и привлекательного рынка для экспорта бытовой электроники.⁸⁸ Пекин стремится получить контроль над глубоководным портом, в частности, в Читтагонге,⁸⁹ т. к. это позволит снизить стоимость доставки китайских товаров, застраховаться от перебоев в поставках нефти и газа, а также получить базу для демонстрации военной силы в Индийском океане. Между тем, многие китайские компании за последние два десятилетия переместили свои производственные предприятия в Бангладеш из-за роста стоимости рабочей силы в Китае. Поддержание хороших отношений с правительством Бангладеш также

⁸⁷ Производство в Бангладеш также предоставляет китайским компаниям более легкий доступ к крупным рынкам через Бенгальский залив, таким как Индия и страны АСЕАН.

⁸⁸ Бангладеш с более чем 160 млн потребителей является привлекательным рынком для китайской бытовой электротехники. Хотя некоторые слои общества скептически относятся к качеству китайских потребительских товаров, их цена достаточно конкурентоспособна, чтобы преодолеть эти сомнения.

⁸⁹ Предлагаемое Китаем расширение порта Читтагонг для размещения более крупных грузовых судов будет способствовать более эффективному потоку китайского экспорта из западного Китая непосредственно в Индийский океан (Shepard, 2016 г.).

имеет решающее значение для Китая в вопросе защиты его инвестиций в эту страну и в регионы вдоль Морского шелкового пути (Ahmed, 2019 г.; Tiezzi, 2014 г.).

3.3.1

Лидеры Бангладеш прагматичны в отношениях с Пекином, рассматривая последний как средство обеспечения экономического роста и защиты суверенитета от амбиций Нью-Дели

Китайско-бангладешские отношения прошли долгий путь после напряженного начала, когда Пекин выступил против независимости Бангладеш, заблокировал его вход в Организацию Объединенных Наций и отложил признание суверенитета до 1975 года. Пекин стал основным поставщиком оборудования и базой подготовки для бангладешских вооруженных сил (SIPRI, 2017 г.) на условиях, которые, по словам респондентов, в целом были выгодны для Бангладеш. Между тем, для гражданских лидеров, стремящихся вывести Бангладеш из статуса наименее развитой страны к 2024 году (Khatun, 2018 г.), а также укрепить позиции страны в Южной Азии, Пекин позволяет двигаться сразу в обоих направлениях, инвестируя деньги в инфраструктурные проекты и выступая в качестве эффективного противовеса Нью-Дели. Разочарование граждан и элиты Бангладеш Индией открыло двери для Пекина.

Респонденты охарактеризовали отношения между Бангладеш и Индией как отношения «старшего брата» с «младшим братом», при этом бангладешцы возмущены тем, что Индия чрезмерно вмешивается во внутренние дела страны и играет в «гидрополитику», задерживая воду из рек, текущих по ее территории. Религиозная чувствительность еще больше разжигает антииндийские настроения. Так, однажды индусты из Пограничной службы Индии открыли огонь по мирным бангладешцам мусульманской веры (Uddin, 2017 г.).

Тем не менее, политики Бангладеш осознают необходимость контроля сотрудничества с Пекином, чтобы избежать враждебности Нью-Дели, который респонденты охарактеризовали как чрезвычайно чувствительный к расширению сотрудничества Пекина с Бангладеш как шагу в сторону сепарации последнего.⁹⁰ Хорошим примером такого баланса на практике является решение правительства Бангладеш отклонить предложения Китая по проектам портов Читтагонг и Сонадия⁹¹ в пользу предложения Японии по проекту порта Матабари (Shepard, 2016 г.).

Отношения Пекина с ведущими политическими партиями Бангладеш в последние годы претерпевают изменения. Несмотря на то, что на протяжении большей части своего пребывания у власти правительство Бангладешской националистической партии (BNP) имело прокитайский

настрой, оно разрешило Тайваню открыть в 2004 году торговое представительство в Дакке для распространения визовых бланков. В ответ Пекин пригрозил «невообразимыми последствиями» для Бангладеш за нарушение принципа «единого Китая» (Tusher и Chowdhury, 2016 г.). Ранее тесные отношения между Бангладешской националистической партией и Пекином были разорваны, что открыло двери исторически проиндийской «Авами лиг» (Народная лига Бангладеш) для оппортунистического укрепления тесных отношений с Китаем.

После второго срока Шейха Хасины на посту премьер-министра (2009–2014 гг.) правительство с партией «Авами лиг» во главе пытается найти баланс между влиянием Китая и Индии на Бангладеш. По состоянию на 2019 год действующее правительство с партией «Авами лиг» во главе рассматривает Пекин как средство для выполнения своих предвыборных обещаний: достижение сильного экономического роста и усиление позиции в двусторонних отношениях с Индией. Поэтому Бангладеш активно сотрудничает с Пекином по многочисленным проектам.

По словам нескольких респондентов, нашествию Пекина в Дакку способствует то, что политические элиты Бангладеш воспринимают как невнимание со стороны других иностранных держав к их наиболее насущным национальным приоритетам — инфраструктурным проектам и уравниванию сил в регионе. Хотя политическая элита Бангладеш разочарована нежеланием Пекина уговорить Мьянму разрешить Конфликт рохинджа,⁹² это разочарование вряд ли отвернет их от партнерства с Китаем для продвижения экономических и геополитических интересов страны, даже если оно может негативно повлиять на восприятие Пекина среди местного населения. По словам одного из участников опроса, после выборов в 2018 году в парламенте оказалась большая доля прокитайских политиков, а в ходе форума «Один пояс, один путь» в Бангладеш в мае 2019 года обе бангладешские партии — «Авами лиг» и BNP — достигли соглашения, что содействие сотрудничеству с Пекином является приоритетом для обеих из них.

3.3.2

Готовность Пекина финансировать крупномасштабные инфраструктурные проекты и организовывать «пятизвездочные рекламные туры» активно приветствуется правящей элитой Бангладеш, но затмевает менее масштабные инициативы в отношении более широкого круга населения

99 % инициатив Пекина в сфере финансовой дипломатии в Бангладеш в период с 2000 по 2017 гг. составили инфраструктурные проекты стоимостью 10,2 млрд долл. США в столице Дакке и ее окрестностях.⁹³ Чаще всего опрошенные приводили такие примеры,

⁹⁰ Индия отказалась участвовать в инициативе «Один пояс, один путь», потому что некоторые предлагаемые проекты Китайско-пакистанского экономического коридора (СРЕС) находятся на спорной территории (Кашмир).

⁹¹ По словам респондентов, правительство с партией «Авами лиг» во главе применило такой подход к развитию своих портовых сооружений из опасения, что допуск Китая до строительства и управления глубоководным портом послужит провокацией ответных действий со стороны Индии.

⁹² Как страна с мусульманским большинством, Бангладеш серьезно относится к притеснению этнической группы мусульманского меньшинства со стороны правительств немусульманских стран. Рохинджа десятилетиями подвергались репрессиям и дискриминации, а с августа 2017 года силы безопасности Мьянмы проводят этнические чистки против мусульман-рохинджа в штате Ракхайн.

⁹³ Разбивка участия Китая в Бангладеш в период с 2000 по 2017 гг. по четырем категориям финансовой дипломатии включает: инфраструктуру (99 %), гуманитарную помощь (менее 1 %), поддержку государственного бюджета (0 %) и облегчение долгового бремени (менее 1 %). Данные получены исследователями лаборатории AidData с использованием методологии TUFF.

как проект моста Падма, Международный конференц-центр Бангабандху (бывший Китайско-бангладешский конференц-центр) и многочисленные мосты дружбы.⁹⁴ По словам респондентов, китайские деньги привлекательны для официальных лиц Бангладеш по целому ряду причин: ценовая категория, опыт строительства и отсутствие условий в части управления, которые обычно предъявляются другими донорами.

Участники опроса также отмечают активность Пекина в поддержании отношений с двумя основными политическими партиями Бангладеш. Китайское правительство поддерживает отношения с руководством Бангладешской националистической партии на протяжении нескольких десятилетий (Drong, 2015 г.), однако серьезные попытки Пекина в отношении партии «Авами лиг» начались в 2008 году, когда Шейх Хасина стала премьер-министром.⁹⁵ Примечательно, что первый официальный зарубежный визит премьер-министра Хасины был в Пекин. В 2016 году председатель Китая Си Цзиньпин посетил Дакку и довел отношения с Бангладеш до уровня стратегического партнерства, открыв путь для быстрого роста китайских инвестиций. В период с 2000 по 2017 гг. было зарегистрировано 104 политических визита руководителей Китая и Бангладеш (ежегодники внешней политики Китая, 2000–2017 гг.).

Пекин нацелен на влиятельных лиц, независимо от партийной линии и уровня старшинства, предлагая «пятизвездочные туры» в Китай, чтобы наладить отношения и произвести впечатление на особых гостей историей развития Китая. Бизнес — еще одна целевая аудитория для этих поездок, поскольку Пекин стремится развивать дружеские отношения с теми, кто практически может помочь развитию торговли и инвестиционных возможностей между Бангладеш и Китаем. Китайские лидеры также используют «ознакомительные туры» в Китай для бангладешских журналистов, ученых и правительственных чиновников. Респонденты отмечают, что эти поездки представляют собой тщательно спланированные мероприятия, призванные подчеркнуть национальные достижения Китая и продемонстрировать азиатское гостеприимство «во всей красе».

По словам участников опроса, программы Пекина по обмену журналистами являются одним из самых мощных инструментов формирования образа Китая в бангладешских СМИ. Респонденты отмечают, что после таких программ обмена журналисты возвращаются в Бангладеш часто с положительным восприятием Пекина. Это может влиять на прокитайский настрой их репортажей, например, одностороннее освещение преимуществ инициативы «Один пояс, один путь» или, наоборот, нежелание освещать некоторые темы, которые могли бы негативно отразиться на восприятии Китая в Бангладеш (например, уйгуры-

мусульмане в Синьцзяне или порт Хамбантота в Шри-Ланке). Введение в Бангладеш Закона о цифровой безопасности, который, как сообщается, использовался для преследования критиков правительства (Mahmud, 2018a), еще больше подстегнуло самоцензуру и приглушило критику Пекина среди бангладешских журналистов (Mahmud, 2018b; Amnesty International, 2018 г.).

Что касается влияния на повседневную жизнь граждан Бангладеш, то здесь Пекин сталкивается с препятствиями, обусловленными лингвистическими и культурными различиями двух стран. Китайское правительство организует различные культурные мероприятия через посольство в Дакке⁹⁶ и институты Конфуция при Северо-Южном университете и Университете Дакки, открытые в 2006 и 2016 гг. соответственно, для знакомства бангладешцев с культурой и языком Китая. Респонденты отмечают, что институты Конфуция были с энтузиазмом встречены бангладешскими студентами, которые рассматривают изучение китайского языка как путь к трудоустройству в китайских компаниях в Бангладеш.

Институты Конфуция играют роль в продвижении возможностей обучения в Китае, поскольку они предоставляют информацию о стипендиях, рейтингах китайских высших учебных заведений и рекомендательных письмах для студентов из Бангладеш. Вероятно, именно благодаря этой информационной деятельности произошло увеличение спроса: число бангладешских студентов, обучающихся в Китае, увеличилось в 35 раз — с 209 в 2006 году (когда был открыт первый ИК) до 7 343 в 2017 году.⁹⁷ Хотя студенты из Бангладеш по-прежнему предпочитают учиться скорее в Северной Америке или Европе, чем в Китае, по словам опрошенных, можно с уверенностью сказать, что инициативы Пекина в сфере публичной дипломатии привлекли внимание большого количества студентов к образовательным возможностям в этой стране.

Интерес к обучению в Китае также обусловлен разницей в финансировании образования в Китае по сравнению с другими альтернативными вариантами. Респонденты отмечают, что правительство Китая предлагает многочисленные стипендии бангладешским студентам. Так, только за период с 2010 по 2018 гг. Пекин предоставил 1 200 стипендий (веб-сайт посольства Китая в Бангладеш). Обучение в китайских университетах стоит дешевле, чем во многих других странах мира (например, в Европе, Японии, Австралии и США), что увеличивает доступность даже для тех студентов, кто не получает стипендии. Кроме того, благодаря близкому географическому расположению Китая находится «недалеко от дома» для студентов из Бангладеш, желающих получить международное образование.

⁹⁴ Эти примеры были отмечены респондентами, и их финансирование Китаем было подтверждено исследователями и научными сотрудниками лаборатории AidData с использованием методологии TUFF.

⁹⁵ Респонденты отмечают поздравительные подарки, которые посол Китая преподнес лидерам партии «Авами лиг» после победы на выборах.

⁹⁶ Мы насчитали 17 культурных мероприятий, организованных китайским правительством в Бангладеш (ежегодники внешней политики Китая, 2000–2017 гг.).

⁹⁷ В период с 2002 по 2017 гг. в Китае обучалось 24 868 студентов из Бангладеш (ежегодники внешней политики Китая, 2002–2017 гг.).

3.3.3

Политические элиты Бангладеш ценят тесное сотрудничество с Пекином в условиях отсутствия более выгодного предложения, в то время как неоднозначное отношение среди общественности может склониться в сторону поддержки инициатив Китая

По словам участников опроса, правительство Бангладеш прекрасно осознает важность Пекина как партнера, помогающего стране достичь экономических целей за счет инвестиций в первичную инфраструктуру, а также как противовес Нью-Дели. При этом респонденты отмечают, что нынешнее правительство с партией «Авами лиг» во главе продолжает действовать медленно и осторожно, чтобы его дружба с Пекином не спровоцировала негативную реакцию Нью-Дели. Более того, бангладешские лидеры весьма прагматичны: если появится более выгодное предложение, Пекин вполне может быть заменен другим партнером.

Вместе с тем опрошенные часто подчеркивают, что в Бангладеш нет прозрачности в отношении проектов, финансируемых правительством Китая, что создает определенный соблазн для чиновников в стране с повальной коррупцией (Transparency International, 2018 г.). В частности, источником недовольства является тендерный процесс для крупных инфраструктурных контрактов (Tap, 2019 г.; Bernanke и Olson, 2016 г.; Financial Times, 2019 г.) — респонденты прямо называют это «шоу» и обвиняют официальных лиц, причастных к коррупции. Однако данные обвинения относятся не только к проектам, финансируемым правительством Китая, но также и к индийским и западным компаниям, работающим в стране. В этом отношении Пекин не уникален в том, что касается общественного осуждения непрозрачных финансовых схем, поскольку другие страны, как считается, поступают так же.

С другой стороны, общественность Бангладеш «не особо высокого мнения о Китае», по словам некоторых опрошенных,⁹⁸ хотя один из респондентов указывает на примеры растущего интереса к Китаю среди бангладешских бизнесменов, сотрудничающих с китайскими фирмами, а также на увеличение количества туристов из Бангладеш, посещающих Китай. Между тем, процент респондентов из Бангладеш, участвовавших во всемирном опросе Gallup World Poll, которые не одобряют руководство Пекина, сократился с 50 % в 2006 году до 18 % в 2017 году, что, вероятно, свидетельствует о постепенном прогрессе инициатив Пекина в сфере публичной дипломатии в стране.

⁹⁸ Одно исключение, которое отметили опрошенные, заключается в том, что бангладешские потребители хорошо относятся к Китаю (или по крайней мере к китайским компаниям) из-за доступной стоимости китайских товаров бытовой техники и электроники, которые могут себе позволить даже жители низшего и нижнего среднего класса.

⁹⁹ В своем отчете о расследовании Under China's Shadow («Под тенью Китая») (2014) HRW утверждает, что Пекин преследует три основные цели для Непала в отношении Тибета: (i) «прекращение нелегального пересечения границы тибетскими беженцами и иммигрантами»; (ii) «введение фактического запрета на протибетскую политическую мобилизацию в Непале» (например, демонстрации, деятельность, связанная с Далай-ламой); и (iii) «проникновение в тибетские общины, живущие в Непале, с целью предоставления информации Китаю». В отчете упоминается тот факт, что Пекин рассматривает культурную и религиозную деятельность, направленную на укрепление тибетской идентичности, как политическую активность, которую необходимо сдерживать. В 2019 году лидеры Китая и Непала обсудили возможный договор об экстрадиции, что вызвало обеспокоенность по поводу его последствий для тибетских беженцев (Ghimire, 2019; Ganguly, 2019).

3.4

«Батат меж двух валунов»: Непал приветствует попытки Пекина как альтернативу Индии»

Источник: всемирный опрос Gallup World Poll

0,99 млрд долл. США Финансовая дипломатия	144 Количество визитов официальных лиц
7 Количество институтов и классов Конфуция	0 Количество брифингов и интервью
19 Количество военных визитов, учений и заходов в порты	9 Количество подписанных соглашений с городами-побратимами
19 Количество военных визитов, учений и заходов в порты	1 070 Количество выданных стипендий

Пекин рассматривает Непал как опору для сдерживания активности в Тибете, расширения торговли с северной Индией и недопущения окружения Западом. Непал делит короткую, но важную границу с Тибетом на северо-востоке, и Пекин ищет поддержки Катманду для снижения риска нестабильности в качестве стартовой площадки для беспорядков в Лхасе (HRW, 2014 г.; Ghimire, 2019 г.; Ganguly, 2019 г.).⁹⁹ Финансирование транспортной инфраструктуры — небольшая цена, которую китайские лидеры готовы заплатить за использование Непала как «сухого порта» для торговли с внутренними провинциями Индии, не имеющими выхода к морю (IFA, 2013 г.; Rana и Karmacharya, 2014 г.). Более того, как растущая

держава с глобальными амбициями, Пекин хочет, чтобы дружественные соседи, такие как Непал, поддерживали его интересы на международных форумах и противостояли влиянию Индии на своем заднем дворе (Starr, 2018 г.; Sharma и Schultz, 2019 г.; Samaranayake, 2019 г.).

3.4.1

Умение Пекина своевременно преподнести символический жест, а также его смущение в связи с Тибетским «мятежом» в Лхасе в 2008 году резко улучшили отношения с непальскими лидерами и гражданами, недовольными Индией

С 1950-х годов Пекин финансирует в Непале строительство дорог, заводов, а также стипендии. При этом, по словам респондентов, Китай изначально придерживался стратегии «молчаливого партнера [правящего монарха Непала]». Однако упразднение монархии и беспорядки в Лхасе перед Олимпийскими играми 2008 года в Китае побудили Пекин изменить курс. Участники опроса отмечают, что китайские лидеры стремились уменьшить общественные симпатии в отношении тибетских беженцев, опасаясь ухода Непала от конституционной монархии, что означало бы потерю давнего якоря стабильности и усиление влияния Индии. Однако именно череда событий 2015 года предоставила Пекину возможность выступить в качестве противовеса Индии для Непала.

В апреле 2015 года Непал оказался разрушен землетрясением силой 7,8 балла, в результате которого погибло около 9 000 человек, была разрушена основная инфраструктура, и без крова остались десятки тысяч человек в районах вблизи долины Катманду (Lindborg, 2015 г.; World Vision, 2015 г.). Пекин направил поисково-спасательные группы для оказания помощи в ликвидации последствий землетрясения и пообещал выделить 483 млн долл. США на финансирование работ по восстановлению (Rauhala, 2015 г.; Tiezzi, 2015 г.; Nepal AIMS, 2015 г.).¹⁰⁰ Респонденты отмечают, что Индия «действовала

быстро», но китайские лидеры проявили «стратегию» и «ум» в позиционировании своей помощи после землетрясения. Пекин направил палатки и медикаменты, а также уделил приоритетное внимание таким проектам, как реконструкция школ, дорог, храмов и дворцового комплекса.¹⁰¹

В сентябре 2015 года парламент Непала ратифицировал новую конституцию, однако она не получила всеобщего одобрения, вызвав протесты на юге (Pant, 2018 г.; Plesch, 2015 г.; Pokharel, 2015 г.). В ответ индийские лидеры закрыли границу между Индией и Непалом, что вызвало нехватку топлива и товаров.¹⁰² Эта экономическая блокада вызвала раскол, поскольку непальцы были возмущены вмешательством Индии в их внутренние дела. Пекин сделал символический жест поддержки, направив топливо с севера, позиционируя себя в глазах респондентов как партнера, на которого можно рассчитывать в уважении суверенитета Непала, предоставлении своевременной помощи и уменьшении зависимости от Индии.¹⁰³

Эти события подготовили почву для того, чтобы на выборах в 2017 году Коммунистическая партия Непала (Объединенная марксистско-ленинская партия, UML) одержала победу над партией «Непальский Конгресс» (Nepali Times, 2017 г.; Dahal, 2017 г.; Bhattarai, 2017 г.), которую исторически связывают с борьбой Индии за независимость, крупными политиками и партиями, находящимися у власти начиная с 1950-х годов. Участники опроса считают, что победа Объединенной марксистско-ленинской партии послужила стимулом для отношений между Непалом и Пекином и в качестве примера приводят Двустороннее соглашение о торговле и транзите между Непалом и Китаем (The Himalayan Times, 2018 г.; Mohan, 2018 г.; Nayak, 2018 г.).¹⁰⁴ Лидеры Непала по-прежнему стремятся соблюдать баланс в отношениях с Индией, при этом, по словам респондентов, они надеются сохранить обе «кормушки» — как Пекин, так и Нью-Дели, — обладающими экономическими силами, способными вывести Непал на средний уровень.

¹⁰⁰ Используя методологию TUFF, лаборатория AidData подтвердила многочисленные случаи развертывания Китаем поисково-спасательных служб для оказания помощи в ликвидации последствий землетрясения в Непале. В статьях средств массовой информации сообщалось о противоречивых финансовых суммах, однако, по данным Информационной системы управления внешней помощью (AMIS) Министерства финансов Непала, Китай выделил 483 137 602 долл. США на ликвидацию последствий землетрясения в соответствии с двумя меморандумами, подписанными между правительствами Китая и Непала в июне 2015 года. При этом данное финансирование было распределено между несколькими проектами в течение длительного периода времени, включая школы, больницы и дома для переселенцев в разных местах. Однако по состоянию на сентябрь 2018 года было произведено только две выплаты на общую сумму примерно 12,7 млн долл. США.

¹⁰¹ Например, используя методологию TUFF, исследователи лаборатории AidData подтвердили поставку многочисленных партий палаток, предметов первой необходимости, продуктов питания и генераторов из Китая в рамках ликвидации последствий землетрясения в Непале. Нам также удалось подтвердить выделение Китаем финансовых средств на такие проекты реконструкции, как: (i) средняя школа Балави, средняя школа Ратна и средняя школа Дурбар (в процессе реализации); (ii) больница Синдхупалчок (в стадии разработки); и (iii) Башня Басантапур на площади Катманду Дурбар (в процессе реализации).

¹⁰² Экономика Непала имеет высокую степень зависимости от импортных товаров, особенно нефти. По оценкам, 90 % импортируемых Непалом товаров проходят транзитом через Индию по суше или через порт в Калькутте, а 60 % общей торговли Непала приходится на Индию.

¹⁰³ Используя методологию TUFF, исследователи лаборатории AidData подтвердили несколько случаев, когда Китай поставлял нефть в рамках энергетического дефицита в Непале: 1,8 млн долл. США на снабжение ГСМ в чрезвычайных ситуациях в августе 2016 года, 1,2 млн литров бензина в октябре 2015 года и еще 1,4 млн литров в декабре того же года. Многие респонденты признают, что вклад Китая в виде нескольких танкеров с газом был каплей в море, учитывая масштабы кризиса во время блокады, однако его предложение было воспринято как моральная поддержка и солидарность в трудное для страны время.

¹⁰⁴ Хотя соглашение 2016 года предоставляет Непалу альтернативный способ импорта товаров через Китай, по мнению респондентов, он «больше символический, чем практичный».

3.4.2

Пекин по-прежнему наиболее активно и целенаправленно поддерживает отношения с политической элитой; однако его попытки привлечь на свою сторону широкую общественность Непала становятся все более изощренными

Одной из первоочередных задач, стоящих перед политической элитой Непала, является устранение хронического дефицита инфраструктуры. В ответ китайские лидеры готовы предоставлять финансирование и технические ноу-хау, чтобы помочь Непалу с крупными проектами, такими как модернизация и расширение кольцевой дороги Катманду, строительство регионального международного аэропорта Покхара и гидроэнергетических станций по всей стране.¹⁰⁵ Пекин также инвестирует в более мелкие проекты, которые отвечают нуждам сельских жителей, такие как строительство больниц и школ. Нынешнее здание парламента Непала было изначально построено Пекином как международный конференц-центр, а затем передано в дар правительству Непала (Starr, 2018 г.). В общей сложности инвестиции Пекина в финансовую дипломатию Непала в период с 2000 по 2017 год составили 985 млн долл. США, при этом 92 % из них — инфраструктурные проекты.¹⁰⁶

По мнению непальцев, публичная дипломатия Пекина ориентирована больше на лидеров, чем на народ. За период с 2000 по 2017 гг. было зарегистрировано 114 политических визитов между лидерами Китая и Непала и 15 визитов на уровне партий, что превосходит все остальные страны ЦЮА (ежегодники внешней политики Китая, 2000–2017 гг.). Несколько респондентов отмечают, что Пекин подталкивал маоистов к слиянию с Объединенной марксистско-ленинской партией, что подготовило почву для их победы на выборах в 2017 году (People's Voice, 2017 г.), при этом Китай принял у себя почти всех из 9 ведущих лидеров в иерархии коммунистической партии Непала. Некоторые из участников опроса рассказывали случаи, как Пекин финансировал избирательные кампании непальских политиков, а китайские официальные лица сопровождали их в поездках по родным округам. Однако, по словам респондентов, так поступает не только Китай.¹⁰⁷

Однако Пекин поддерживает не только Объединенную марксистско-ленинскую партию — опрошенные отмечают,

что подход Китая эволюционировал от первоначальной ориентации на лидеров левых партий до разветвления и построения отношений с партиями по всему политическому спектру Непала. Начиная с конца 1990-х годов китайское правительство начало принимать у себя представителей партии «Непальского Конгресса», а также заключило соглашения о сотрудничестве с другими партиями. В октябре 2019 года в ходе своего государственного визита председатель КНР Си Цзиньпин встретился с лидером оппозиции Непала, чтобы признать роль его партии в углублении связей с Китаем, когда у власти была партия «Непальский Конгресс» (Xinhua, 2019 г.). Пекин также активно работает с провинциальными лидерами и принимает их у себя с визитами — что особенно важно в свете перехода Непала к федерализму — и даже заключил 9 соглашений с городами-побратимами по всей стране по состоянию на 2018 год (CIFCA, 2000–2018 гг.), в том числе соглашение между городами Покхара и Куньмин (In Kunming, 2012 г.).

Согласно Samaranayake (2019 г.), отношения между Китаем и Непалом в военной сфере наименее развиты в регионе Южной Азии. Тем не менее, страны подписали «несколько соглашений об обмене разведанными с 2008 года» (HRW, 2014 г.), и в период с 2003 по 2016 гг. было зарегистрировано 19 мероприятий в сфере военной дипломатии (военные учения, визиты между военными руководителями и т. д.) (INSS, без даты). По словам респондентов, большая часть усилий Пекина направлена на вооруженную полицию Непала, отвечающую за безопасность границ, в отличие от вооруженных сил Непала, которые исторически считаются более тесно связанными с США, Великобританией и Индией.¹⁰⁸

Стремясь заручиться поддержкой Непала в сдерживании активности в Тибете (HRW, 2014 г.), Пекин подарил вооруженной полиции Непала оборудование для наблюдения (камеры видеонаблюдения и т. п.) и автомобили для наблюдения за тибетцами, живущими в Непале, и беженцами, ищущими убежища.¹⁰⁹ Более того, Пекин построил современную учебную академию для непальской вооруженной полиции, а также провел подготовку для ряда высокопоставленных чиновников.¹¹⁰ Многие из респондентов отмечают, что эти предложения были хорошо приняты в Непале и выгодно позиционировали Пекин по сравнению с Нью-Дели, который не выполнил данные ранее

¹⁰⁵ Используя методологию TUFF, исследователи лаборатории AidData подтвердили финансирование со стороны Китая следующих проектов: модернизация и расширение 27-километровой кольцевой дороги Катманду (35,2 млн долл. США) до восьми полос движения, строительство аэропорта Покхара (206,8 млн долл. США), а также строительство гидроэлектростанции Верхний Тришулу 3А (137,4 млн долл. США).

¹⁰⁶ Разбивка участия Китая в Непале в период с 2000 по 2017 гг. по четырем категориям финансовой дипломатии включает: инфраструктуру (92 %), гуманитарную помощь (6 %), поддержку государственного бюджета (2 %) и облегчение долгового бремени (0 %). Данные получены исследователями лаборатории AidData с использованием методологии TUFF.

¹⁰⁷ Законодательство Непала не запрещает политическим партиям или отдельным политикам брать деньги из иностранных источников. В случае с Китаем изменение правил, позволяющее китайским НПО работать в Непале позволило Пекину направить финансирование через эти организации на партнерские НПО, связанные с политическими лидерами Непала или поддерживающие их.

¹⁰⁸ Например, Samaranayake (2019 г.) сообщает, что около 40 000 граждан Непала служат в индийской армии, а 3 600 — в британской, что подчеркнули несколько респондентов.

¹⁰⁹ Используя методологию TUFF, исследователи лаборатории AidData подтвердили, что Китай в 2013 году поставил Непалу оборудование для обеспечения безопасности на сумму 4,2 млн долл. США для усиления наблюдения за тибетской общиной в Непале, а также вдоль границы с Тибетским автономным районом.

¹¹⁰ Используя методологию TUFF, исследователи лаборатории AidData подтвердили, что в 2013 году Китай согласился предоставить Непалу грантовую помощь в размере 200 млн юаней на строительство Национальной академии вооруженных полицейских сил, которое было завершено в 2017 году.

обещания построить аналогичную учебную академию для регулярных полицейских сил Непала в 2000 году.

Хотя народная дипломатия Пекина не сравнится с его инициативами на уровне политической элиты, респонденты отмечают, что данные усилия «активизировались» за последние 5 лет. В частности, сообщается, что непальская молодежь все чаще отправляется в Китай в рамках буддийских религиозных паломничеств. Увеличилось количество программ по налаживанию более тесных связей между Непалом и китайской молодежью. Пекин организует множество мероприятий для молодежи и профессионалов с посещением Китая в течение двух-трех недель, чтобы продемонстрировать историю своего развития. При этом такой обмен не является односторонним — участники опроса сообщают о росте числа китайской молодежи, приезжающей в Непал в рамках школьных визитов, программ обмена и даже волонтерства в непальских деревнях.

Студенты непальских университетов все чаще выбирают возможность получения высшего образования в Китае — с 813 студентов в 2002 году до 6 394 в 2017 году (ежегодники внешней политики Китая, 2002–2017 гг.). При этом наибольшим спросом пользуются программы медицинского обучения.¹¹¹ Китайское правительство объявило о предоставлении 1 070 стипендий непальской молодежи в период с 2010 по 2018 гг. (веб-сайт посольства Китая в Непале), при этом, по замечанию респондентов, большая часть этих стипендий предоставляется детям из важных политических, военных и деловых семей Непала.

Предоставление государственных стипендий позволяет Пекину развивать отношения со следующим поколением влиятельных людей в обществе и укрепляет его дипломатию элит, поскольку родители оказываются в долгу перед Пекином за финансирование образования их детей. Опрошенные также отмечают, что Пекин активизировал взаимодействие на уровне населения, чтобы подавить сопротивление среди местных сообществ, которые являются получателями крупных инвестиций в гидроэнергетику или инфраструктуру. По некоторым данным, Пекин стратегически предлагает стипендии и возможности обмена для таких сообществ, чтобы смягчить конфликт и показать людям Китай с положительной, дружественной стороны.

Растущий интерес к программам изучения китайского языка за рубежом может быть вызван распространением возможностей для его изучения через институт Конфуция при Университете Катманду, бесплатные классы при посольстве Китая, а также растущее число частных школ

K-12, в которых работают преподаватели мандаринского диалекта, включая 6 классов Конфуция (учреждение Ханьбань, 2000–2018 гг.).¹¹² Мандаринский диалект китайского языка изучают гиды, сотрудники ресторанов и гостиниц для общения с китайскими туристами. Между тем, непальский бизнес также побуждает своих агентов изучать китайский язык. Во время государственного визита председателя Китая Си Цзиньпина в Непал в октябре 2019 года правительства двух стран объявили об открытии нового института Конфуция при старейшем и крупнейшем университете Непала — Трибуван.

Пекин поддерживает и другие каналы продвижения культуры — от телевизионных программ, освещающих китайско-непальские культурные связи,¹¹³ до культурных центров, китайско-непальских фондов и организаций дружбы, которые открываются в Непале. Посольство Китая находится в эпицентре многих из этих инициатив, приглашая непальцев на мероприятия с участием оркестров и танцевальных коллективов КНР, а также содействуя ежегодному проведению фестиваля китайского кино. В период с 2000 по 2017 гг. китайское правительство организовало в Непале 22 таких мероприятия (ежегодники внешней политики Китая, 2000–2017 гг.).

Многие из респондентов отмечают высокий уровень знания и уважения к непальскому языку и культуре, демонстрируемый посольством Китая. Говорят, что нынешний посол КНР отлично владеет непальским языком, танцует под непальскую музыку и поет непальские песни. Многие сотрудники консульства также говорят на непальском и демонстрируют хорошую осведомленность о непальской культуре.

Посольство Китая или China Daily приглашают непальских журналистов участвовать в бесплатных поездках в Китай. За период с 2004 по 2017 гг. было зарегистрировано 4 таких поездки (ежегодники внешней политики Китая, 2004–2017 гг.). Респонденты особо отмечают «первоклассное обращение» со стороны Пекина, однако расценивают эти поездки как «экскурсии» по тем местам, которые китайские лидеры хотят показать. Ранее Пекин сотрудничал с местными СМИ для распространения газеты China Daily,¹¹⁴ запуска спонсируемого контента о Тибете и публикации статей китайского посла или других лидеров. Пекин нанимал непальских экспертов для разработки программ для непальского рынка и даже выкупил FM-радиоканал для распространения контента на местном языке. Между тем, все большую популярность среди непальцев приобретают китайская медиакомпания TikTok, размещающая короткие видеоролики в социальных сетях, и CGTN.

¹¹¹ По данным Медицинского совета Непала, «органа, отвечающего за регулирование медицинского образования и регистрацию врачей в Непале», 71 % провалов на обязательном лицензионном экзамене, необходимом для ведения медицинской практики в Непале, приходится на студентов, получивших медицинское образование за пределами страны, особенно в таких популярных направлениях, как Китай, Бангладеш, Индия, Филиппины и Россия (Satyal, 2018 г.). По данным Himalaya Times, процент несдачи экзамена среди студентов, получивших медицинское образование, в частности, в Китае, варьировался от 61 до 70 % за три года (2016–2018 гг.). Однако неясно, говорит ли этот процент неудач о качестве иностранного образования или о характеристиках студентов, которые выбрали обучение по таким программам. Тем не менее, это может подтолкнуть студентов к пересмотру их планов в будущем.

¹¹² В начальной и средней школе уроки китайского языка преподаются совместно с китайскими танцами, песнями и кунг-фу.

¹¹³ Некоторые примеры включают брак известной непальской принцессы (Бхрикути) с тибетским королем Сонгстенгом Гампо во время правления династии Тан, а также историю Арнико, непальского архитектора, который в XIII веке приехал в Китай, чтобы построить Храм Белой пагоды (Мяоин) в Пекине.

¹¹⁴ Китайцы расторгли договоренность с Nepali Times два года назад, поэтому они больше не переиздают China Daily.

3.4.3

Последние впечатления непальцев о Нью-Дели во многом сформировались под влиянием тяжелых последствий экономической блокады Индии, в то время как Пекин сумел позиционировать себя в выгодном свете, притом минимальными усилиями

По мнению непальцев, более тесное сотрудничество с Пекином может помочь в стимулировании экономического роста Непала за счет увеличения потока туристов,¹¹⁵ инвестиций, рабочих мест и дешевой техники и электроники. Ряд респондентов отмечают тенденцию повышения интереса непальцев к изучению мандаринского языка и посещению или учебе в КНР. Непальцы, проживающие в сельской местности, в меньшей степени осведомлены о Китае, если только они не получают помощь непосредственно от КНР (например, строительство дорог, поставка солнечных батарей, палаток, медикаментов и т. п.). Участники опроса сообщают, что инициативы Пекина в сфере публичной дипломатии расширились географически от Катманду и северного холмистого региона вблизи границы Непала и Китая до районов ближе к южной границе с Индией.

Восприятие Китая среди народа также сформировано событиями, которые непальцы считают некорректными со стороны Индии, а именно: тремя экономическими блокадами (1977, 1988, 2015 гг.) и вмешательством Индии во внутреннюю политику государства (Pant, 2018 г.). Особенно враждебный настрой по отношению к Индии был отмечен среди молодежи из-за их воспоминаний о блокадах, несмотря на протяженную, общую границу на юге и общие культурные связи. Большинство респондентов заявили, что недовольство вызвано не индийским народом или его культурным влиянием (например, кино, музыка или спорт), а скорее политической борьбой индийских политиков и бюрократов, которые жестко ведут себя по отношению к более мелким соседям.

По словам опрошенных, Пекин позиционирует себя «приносящим Непалу развитие», на КНР возлагаются большие надежды в плане устранения дефицита общественной инфраструктуры Непала (Dixit и Chalise, 2019 г.; Al Jazeera, 2019 г.; Vater и Siegel, 2019 г.). Политические элиты в целом приветствуют Пекин как партнера, способного дать толчок развитию экономики,

и считают, что расширение связей с Китаем входит в стратегические интересы Непала, не в последнюю очередь из-за желания противостоять Индии. По словам нескольких опрошенных журналистов, правительственные чиновники стараются избегать публичной критики Пекина, признавая его критически важную роль в вопросах экономического развития и диверсификации партнеров Непала.¹¹⁶ Между тем, китайские компании завоевали в Непале в целом положительную репутацию в глазах опрошенных за своевременную, качественную работу, при этом без явных политических целей.

Тем не менее, финансовая дипломатия Пекина натолкнулась на некоторые препятствия в преддверии и после вступления Непала в инициативу «Один пояс, один путь» в 2017 году.¹¹⁷ По словам респондентов, китайские официальные лица разочарованы недостаточным вниманием Катманду (при наличии подробного списка идей — отсутствие готовых проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь»), что наряду с задержками с привлечением китайской рабочей силы (Lin, 2018 г.) способствовало более медленному, чем ожидалось, развертыванию новых проектов.¹¹⁸ Ходили слухи о том, что китайские подрядчики завышают стоимость проектов за счет Непала. В качестве примера респонденты приводят случай с международным аэропортом Покхара, который финансировался банком China Exim Bank — китайский подрядчик завысил стоимость строительства и предположительно вступил в сговор с непальскими правительственными чиновниками, чтобы разделить выручку (Lin, 2018 г.; Anurup, 2018 г.; Adhikari, 2019 г.). Но даже в этом случае непальцы с большей вероятностью будут обвинять собственное правительство, нежели Пекин, в задержках, перерасходе средств или коррупции.¹¹⁹

Нежелание Пекина уступить ожиданиям Непала в получении грантов, а не займов, может негативно повлиять на отношение общества к Китаю в будущем. Непальские официальные лица выступили против того, чтобы Пекин настаивал на финансировании новых проектов, таких как железнодорожные проекты Катманду-Покхара-Лумбини и Керуг-Катманду-Покхара, с использованием схем кредитования вместо грантов (Nepali Times, 2019 г.; Giri, 2019 г.; Jha, 2019 г.). Пекин явно выигрывает от строительства железной дороги, которая упростит перевозку товаров и туристов в Непал и другие прибыльные рынки, такие как

¹¹⁵ Китай занимает 2-е место после Индии по количеству иностранных туристов в Непале. Говоря о важности китайских туристов для местного туристического бизнеса, респонденты указывают на район Тамель в Катманду, который стал чем-то вроде китайского квартала. Несмотря на то, что Непал положительно относится к притоку средств за счет туризма, в отношении использования WeChat и Alipay как средств оплаты возникла некоторая напряженность, что было рассчитано как пробел в местной экономике. В 2019 году центральный банк Непала (Nepal Rastra Bank) запретил использование WeChat Pay и Alipay, заявив, что правительство теряет доход (в частности, сборы за лицензирование и платежные операции, валютные сборы, НДС, подоходный налог) от этих нелегализованных платформ, т. к. деньги не поступают в непальскую экономику (Sharma, 2019 г.; Himalayan Times, 2019 г.).

¹¹⁶ Некоторые журналисты сообщают, что, хотя в Непале официально нет цензуры, в СМИ действует самоцензура, что представляет проблему, поскольку журналисты испытывают некоторое давление со стороны правительства в том, чтобы не критиковать КНР из-за страха обидеть Пекин.

¹¹⁷ Руководству Непала потребовалось 7 месяцев, чтобы принять решение об участии в инициативе «Один пояс, один путь». Тем не менее, Непалу было трудно отказаться от данного соглашения. Как сказал один бывший чиновник, «будучи маленькой страной, мы не можем не принимать в расчет действия больших игроков».

¹¹⁸ Инициативе «Один пояс, один путь» предшествовал ряд проектов в области гидроэнергетики, ирригации и соединительной инфраструктуры, которые, однако, были отложены.

¹¹⁹ Например, было отложено завершение строительства кольцевой дороги Катманду, однако СМИ обвиняли правительство Непала в слишком медленных действиях наравне с Китаем (Kathmandu Today, 2018 г.; Pokharel, 2019 г.).

Индия. Однако многие респонденты скептически относятся к окупаемости железнодорожных проектов, утверждая, что способность Непала выплатить долг ограничивается тем фактом, что страна импортирует из КНР гораздо больше, чем экспортирует.

Тем не менее, по словам респондентов, широкая общественность больше озабочена по поводу строительства инфраструктуры, нежели того, кто ее финансирует, или как это будет осуществляться. Инвестиции КНР в Непал относительно новые, меньше по размеру и масштабу по сравнению с другими странами Южной Азии, что может частично объяснять, почему инициатива «Один пояс, один путь» не обсуждается публично или не в том же масштабе.¹²⁰ При этом гражданское общество, ученое сообщество и наблюдатели от СМИ хотели бы видеть большую прозрачность этих финансовых сделок, а также более открытую конкуренцию за проекты государственной инфраструктуры как средство снижения риска коррупции и обеспечения ответственности.

В том, что касается внутренней политики, участники опроса отмечают изменения в отношении Непала к Тибету — беженцев отправляют обратно через границу, регулярно проводятся облавы на активистов, созданы трудности для тибетцев с получением разрешения на проживание — из-за «золотого рукопожатия» между непальской политической элитой, силами безопасности и их китайскими коллегами (HRW, 2014 г.; Ghimire, 2019 г.; Ganguly, 2019 г.). Журналисты сообщают о давлении (угрозы доходам от рекламы, звонки редактору, задержка в выдаче пропусков для прессы и т. д.) со стороны китайского посольства и непальских официальных лиц с целью приглушить критику Китая. Опрошенные также выражают обеспокоенность тем, что обсуждаемый в парламенте закон о СМИ был разработан на основе законодательства КНР (Budhatkoki, 2019 г.; Kathmandu Post, 2019 г.; myRepublika, 2019 г.).

В вопросе внешней политики непальские официальные лица были охарактеризованы как нежелающие занимать позиции, которые могут вызвать гнев со стороны Китая. Респонденты приводят такие примеры, как подтверждение Непалом политики «единого Китая», поддержка заявки Пекина на получение статуса полноправного члена Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК) (Brookings, 2014 г.; Ahmar, 2017 г.)¹²¹ и решение прекратить учение в рамках Инициативы стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМСТЕК) (Bhattarai, 2019 г.). Непальские официальные лица также поддерживают дистанцию в отношении Индо-Тихоокеанской стратегии США. Так, министр иностранных дел Прадип Гьявали опроверг в декабре 2018 году присоединение Непала к данной стратегии (Giri, 2018 г.), а в сентябре 2019 года в ходе визита государственного советника и министра иностранных дел КНР Ван И сопредседатель правящей партии Пушпа Камаль Дахал подчеркнул нейтралитет Непала в замечаниях, позднее обнародованных через посольство Китая (Giri, 2019 г.; Kathmandu Post, 2019 г.).

¹²⁰ Отчасти респонденты объясняют это нежеланием «идти против прокитайской линии правительства». Таким образом, освещение инициативы «Один пояс, один путь» в Непале ограничивается «дуэлью комментариев» американских и китайских послов в англоязычной прессе.

¹²¹ КНР уже имеет статус наблюдателя в СААРК, который был также получен при поддержке Непала (Bhattacharya, 2005 г.; Dawn, 2007 г.), однако статус полноправного члена пока не получен от регионального органа.

3.5

Заключительные соображения

В этой главе мы рассмотрели, как Пекин использует инструмент публичной дипломатии в контексте четырех стран Южной Азии и как лидеры государственного, частного и гражданского общества воспринимают эти предложения. Взгляд изнутри, т. е. непосредственно из Шри-Ланки, Мальдив, Бангладеш и Непала, позволяет сделать ряд общих выводов относительно того, как инициативы Пекина в сфере публичной дипломатии воспринимаются теми, на кого они направлены.

Пекин — удобный партнер для стран Южной Азии, обладающий большими средствами для финансирования приоритетных инфраструктурных проектов, а также растущим экономическим влиянием, которое можно использовать в противовес Индии (Samaranayake, 2019 г.; Pant, 2018 г.; Marlow, 2019 г.). Однако стремление Пекина к заключению «закулисных» сделок, сговор китайских компаний с местными политиками для личной выгоды последних и предостережения о долговых ловушках вызывают общественную полемику и в некоторых случаях приводят даже к смене режима.

В конце концов, страны Южной Азии, похоже, более охотно стремятся к экономическому, а не военному сотрудничеству с Пекином, учитывая опасность появления последнего на заднем дворе Индии. Пекин снискал симпатии у политиков, стремящихся «разыграть китайскую карту» в качестве противовеса Нью-Дели; однако его стремлениям препятствует тот факт, что эти страны непропорционально больше зависят от Индии в экономическом отношении, а также как от главного партнера в области безопасности. Более того, готовность стран принимать деньги и пятизвездочные туры не обязательно означает, что лидеры встанут на сторону Китая при появлении спорных региональных вопросов.

Попытки Пекина привлечь обычных граждан стран Южной Азии в лучшем случае поверхностны и в значительной степени обусловлены осознанными экономическими перспективами и неудовлетворенностью внешней политикой Индии, нежели глубоким интересом к китайской культуре и языку. Народная дипломатия Пекина часто отходит на второй план по сравнению с его усилиями, ориентированными на элиту, а его культурная дипломатия наталкивается на препятствия в большинстве мусульманских стран. Самым большим стратегическим активом Пекина в его стремлении культивировать мягкую силу является распространенное мнение о том, что изучение мандаринского диалекта китайского языка и обучение за границей в Китае означают возможность для людей улучшить свои экономические перспективы.

С более глубоким пониманием того, как КНР воспринимается в различных странах Южной Азии, в следующей главе мы обратимся к Центральной Азии и оценим что общее и что отличное существует в инициативах Пекина в отношении стран на его западной границе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Как страны Южной Азии воспринимают инициативы Пекина в сфере публичной дипломатии и его влияние

Основные выводы, представленные в этой главе:

- *Казахстан рассматривает Пекин как экономического партнера в противовес политическому влиянию Москвы; однако Китай вряд ли сможет вытеснить Россию с позиции главного партнера Казахстана в сфере безопасности;*
- *в Узбекистане переход от «дипломатии улыбок» Каримова к экономической либерализации Мирзиёева открыл двери для иностранных инвестиций, и Пекин стремится занять место за столом переговоров.*

Географическое положение в сочетании с историческими политическими союзами и обилием природных ресурсов делает Центральную Азию важным этапом в «марше» Пекина на запад к созданию обширной экономической зоны через Евразию. Пекин хочет «создать безопасный, малобюджетный и удобный транзитный маршрут к основным торговым партнерам Китая в Европе, Южной Азии и на Ближнем Востоке» (Chen, 2015 г., со ссылкой на Clarke, 2014 г.; Linn, 2013 г.). Между тем, китайские лидеры надеются получить доступ к природным ресурсам Центральной Азии, чтобы стимулировать рост своей страны (Chen, 2015 г., цитируя O'Neill, 2014 г.; Shambaugh и Yahuda, 2008 г.; Syroezhkin, 2009 г.), а также обеспечить ее переход к самообеспеченности в вопросе энергоресурсов, в частности, нефти и газа (Scobell и др., 2014 г.; Stratfor, 2013 г.).

Центральная Азия также важна для внутренней безопасности Китая, поскольку соответствующие страны граничат с «его западными регионами, которые плохо защищены и уязвимы для внутреннего инакомыслия и внешних угроз» (Scobell и др., 2014 г.). Пекин хочет обеспечить стабильность внутри страны за счет противодействия уйгурскому сепаратизму в Синьцзяне (Niquet, 2006 г.), минимизировать возможность распространения терроризма из Афганистана через его границы, а также продемонстрировать свое влияние, не вызывая при этом антагонизма с Москвой (Chen, 2015 г.). Для этого китайское руководство стремится решать вопросы совместно с государствами Центральной Азии в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), чтобы «общие экономические и политические интересы преобладали над вызовом угрозы терроризма и сепаратизма» и сдерживали внешнее влияние со стороны других государств (Scobell и др., 2014 г.).¹²²

В этой главе мы рассмотрим, как Пекин использует инструмент публичной дипломатии, а также реакцию иностранных лидеров и общественности в двух странах Центральной Азии — Казахстане и Узбекистане. Мы обобщили мнения 64 государственных чиновников, лидеров частного сектора, журналистов, представителей гражданского общества, ученых и иностранных дипломатов из 41 организации и агентства в Казахстане и Узбекистане, которые были получены в ходе двух специальных исследований.¹²³

Центральная Азия: в цифрах

54,56 млрд долл. США Финансовая дипломатия	722 Количество визитов официальных лиц	
37 Количество институтов и классов Конфуция	30 Количество брифингов и интервью	53 Количество подписанных соглашений с городами-побратимами
125 Количество военных визитов, учений и заходов в порты	5 085 Количество выданных стипендий	

¹²² В конце 1990-х годов после распада Советского Союза Китай работал над решением пограничных вопросов совместно со странами Центральной Азии и Россией в рамках «Шанхайской пятерки», которая была создана в 1996 году с участием Китая, Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана и России. В 2001 году к группе присоединился Узбекистан, и Шанхайскую пятерку переименовали в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Сегодня ШОС действует как многосторонняя организация, содействующая сотрудничеству в области экономики и безопасности в Центральной Азии. Это сотрудничество «направлено на сдерживание развития так называемых «трех зол»: этнический сепаратизм, религиозный экстремизм и терроризм» (Chen, 2014 г.; Boland, 2011 г.). Один из респондентов заметил, что для государств Центральной Азии очень важно участие в ШОС в рамках их собственных усилий по уравниванию отношений с Россией и Китаем.

¹²³ Интервью были проведены преподавателями и сотрудниками исследовательской лаборатории AidData колледжа Уильяма и Мэри. В их число входят интервью 35 человек из 18 организаций и агентств в Казахстане и 29 человек из 23 организаций и агентств в Узбекистане. В Приложении представлен обзор того, как были выбраны страны и опрошенные, а также полное руководство по проведению интервью и разбивка опрошенных по группам участников и странам. Данное исследование было одобрено Комитетом по защите прав человека (PHSC) колледжа Уильяма и Мэри в соответствии с протоколом PHSC-2019-03-06-13489-sjcluster под названием «Исследование китайской публичной дипломатии в Южной и Центральной Азии».

4.1 Обеспечение безопасности: обретение партнера в лице Казахстана имеет решающее значение для марша Пекина на запад

Источник: всемирный опрос Gallup World Poll

32,87 млрд долл. США Финансовая дипломатия	253 Количество визитов официальных лиц
6 Количество институтов и классов Конфуция	13 Количество брифингов и интервью
41 Количество военных визитов, учений и заходов в порты	1 740 Количество выданных стипендий
	18 Количество подписанных соглашений с городами-побратимами

Главными приоритетами Китая при установлении тесного сотрудничества с Казахстаном являются доступ к торговым маршрутам, энергоресурсам и стабильное партнерство для развития беспокойного западного региона Пекина. Казахстан — ключевой пункт в амбициях Пекина соединить восток и запад. Через него проходят 2 из 6 предложенных экономических коридоров в рамках инициативы «Один пояс,

один путь» (ETH Zurich, 2019 г.).¹²⁴ Обладая значительными запасами урана, природного газа и нефти (Sawe, 2019 г.), Казахстан является привлекательным торговым партнером для Китая, крупнейшего в мире потребителя энергоресурсов (IER, 2015 г.). Пекин также считает, что Казахстан имеет жизненно важное значение для развития западного региона Китая,¹²⁵ а также сдерживания терроризма, сепаратизма и религиозного экстремизма благодаря общей границе и давним торговым связям.¹²⁶ Кроме того, Пекин отмечает важность геостратегического сотрудничества с фактическим региональным лидером Центральной Азии¹²⁷ как способа преодоления господства России.

4.1.1 Неопределенность в отношении мотивов Пекина в Казахстане порождает недоверие, особенно среди пожилого населения страны, однако молодое поколение более открыто

Казахстанское общество в целом скептически относится к Пекину ввиду наличия различных опасений — от абстрактной угрозы экономического господства и аннексии до опасений по поводу потенциального притока китайских мигрантов или потери пахотных земель — в отличие от какой-либо другой проблемы. Как объяснил один из участников опроса, казахи видят два «лица» Пекина в Казахстане: агрессивного дракона, глубоко укоренившегося в казахской психике со времен советско-китайского раскола в 1950-х годах, и дружелюбной панды, синонима «обходной» политики Китая с начала 2000-х годов.

Хотя КНР является лишь четвертым по величине инвестором по объему прямых иностранных инвестиций в Казахстан (Altynsarina, 2019 г.), по словам одного из респондентов, она по-прежнему рассматривается в обществе как расширяющаяся держава. С 2015 года Пекин «профинансировал и реализовал 15 проектов прямых иностранных инвестиций на сумму 3,9 млрд долл. США... примерно 6 % от общего числа проектов прямых иностранных инвестиций, реализованных в стране с 2010 года», особенно в области машиностроения, химической промышленности, альтернативной энергетики и сельского хозяйства (Zhussrova, 2019 г.).

По сообщениям участников опроса, казахи старшего поколения имеют «менталитет времен холодной войны», глубоко ценят прочные культурные и языковые связи с Россией и находятся под сильным влиянием российской пропаганды. Молодое поколение, достигшее совершеннолетия после обретения Казахстаном независимости в 1991 году, относится к Пекину более нейтрально. Хотя эта группа населения прагматична и восприимчива к экономическим

¹²⁴ Указанные два коридора: Новый шелковый путь (также Евразийский сухопутный мост (NELB)) и экономический коридор Китай – Центральная Азия – Западная Азия (CCWAEC).

¹²⁵ Западный регион имеет сильную зависимость от сырьевых отраслей на фоне более низкого уровня жизни по сравнению с восточным Китаем. Создается впечатление, что успешное развитие восточной части КНР не распространяется на западную. Так, за последние два десятилетия это сильное неравенство проявилось в протестах, росте сепаратистских групп, высоком уровне преступности и частых требованиях социальных и политических прав.

¹²⁶ Большая часть экспорта западного Китая проходит через его центральноазиатских соседей. Особого внимания заслуживает тот факт, что Синьцзян, крупнейшая административная единица Китая, более половины своей внешней торговли ведет с соседними странами Центральной Азии.

¹²⁷ Казахстан является лидером в Центральной Азии и обладает самым высоким региональным рейтингом в Индексе легкости ведения бизнеса Всемирного банка, а также 60 % регионального ВВП и территорией, превосходящей по площади четыре другие государства Центральной Азии вместе взятые (Yergaliyeva, 2019 г.).

возможностям, которые предлагает Китай, ее представители тоже действуют осторожно. Отсутствие у казахов уверенности в отношении истинных намерений Пекина, вероятно, усугубляется их незнанием китайской культуры и историческим недоверием к китайским инвесторам и мигрантам, а также неудовлетворенностью отношением Пекина к этническим казахам, уйгурам и другим мусульманским меньшинствам (Sadovskaya, 2015 г.).

Население Казахстана выражает обеспокоенность по поводу того, что китайские инвесторы скупают большие участки пахотных земель в стране. В частности, протесты возникли в 2016 году, когда правительство Казахстана предложило поправку об увеличении срока аренды сельскохозяйственных земель для иностранцев с 10 до 25 лет (Pannier, 2017 г.; BBC, 2016 г.).¹²⁸ Второй раунд протестов в 2019 году был вызван решением правительства разрешить Пекину открыть 35 заводов в Казахстане (Reuters, 2019 г.; Goble, 2019 г.). Опрошенные сообщают, что физические столкновения между китайскими и казахстанскими рабочими на строительных площадках, а также пекинские «лагеря перевоспитания» в автономном районе Синьцзян негативно повлияли на восприятие Китая.¹²⁹

Тем не менее, респонденты отмечают, что отношение к Пекину меняется в лучшую сторону. Казахстан «жаждет инвестиций», и многие казахстанцы признают, что симбиотическое партнерство с Китаем будет выгодно для строительного, финансового секторов страны и сектора бытовой электроники. Китайские производители электроники (например, Huawei, Hikvision, Xiaomi) и розничные банки (например, Altyn) предлагают казахстанским потребителям качественные товары и услуги, которые становятся все более популярными и опровергают предыдущие негативные ассоциации, связанные с китайскими брендами. Для некоторых казахстанцев, особенно тех, кто учился в Китае, китайские компании означают выгодные перспективы трудоустройства. Один из респондентов отмечает, что регионы, граничащие с КНР, могут более положительно относиться к Пекину из-за более высокого уровня двусторонней торговли.

4.1.2

Казахстан рассматривает Пекин как экономического партнера, однако Китай вряд ли сможет вытеснить Россию с позиции главного партнера Казахстана в сфере безопасности

Исторически Россия была самым влиятельным иностранным игроком в Казахстане. Обе страны имеют глубокие языковые, культурные и политические связи, а также являются членами-основателями Евразийского экономического союза. Однако Казахстан защищает свой суверенитет, и после обретения независимости от СССР

президент Нурсултан Назарбаев стремился укрепить отношения с США, Европейским союзом и Пекином в противовес российской гегемонии. Бывший президент ввел термин «многовекторная внешняя политика» для описания подхода Казахстана к уравниванию отношений с Китаем, Россией и другими странами (Clarke, 2015 г.). Он также резко осудил высказывания президента России Владимира Путина на встрече 2014 года, которые были восприняты как пренебрежение суверенитетом Казахстана и вызвали общественный резонанс (Najibullah, 2014 г.).

Пекин воспользовался возможностью, сложившейся в результате трудностей в отношениях между Казахстаном и Россией, чтобы стать желанным экономическим партнером и помочь казахстанским лидерам заручиться политическим влиянием в ответ Москве. Примечательно, что председатель Китая Си Цзиньпин впервые публично объявил об инициативе «Один пояс, один путь» именно в Казахстане (МИД Китая, 2013 г.). По словам респондентов, данные предложения были восприняты положительно, поскольку казахстанские политические лидеры стремятся нажиться на экономической щедрости Пекина для развития внутренней инфраструктуры страны, диверсификации зависимости от экспорта нефти за счет инвестиций в альтернативные источники энергии (например, ветряные электростанции, гидроэнергетику, углеводороды), а также позиционировать Казахстан как торговый и транзитный узел в Центральной Азии.

Благодаря своему расположению среди руководства Казахстана Пекин может и получит место за столом переговоров, но вовсе не обязательно вытеснит из него Россию. Как пояснил один из респондентов: «Россия — это оружие, Китай — это банк». Пекин может стать предпочтительным экономическим партнером Казахстана, но Россия, скорее всего, останется доминирующим гарантом безопасности для региона Центральной Азии. Укреплению китайско-казахстанских отношений активно способствовал бывший президент Назарбаев, а его преемник, президент Касым-Жомарт Токаев, во время государственного визита в Пекин в сентябре 2019 года пообещал продолжить многовекторную внешнюю политику Казахстана (Astana Times, 2019 г.)¹³⁰ и заявил о своем стремлении развивать сотрудничество с Китаем в секторах ИКТ и сельского хозяйства (Shayakhmetova, 2019 г.).

4.1.3

Инвестиции в энергетику и прочные связи с казахстанскими политическими элитами составляют основу публичной дипломатии Пекина в Казахстане

Из 12 исследованных нами стран ЗЮС усилия Пекина в сфере публичной дипломатии наиболее активны — как в части объема, так и разнообразия — в отношении

¹²⁸ Эти протесты были уникальными по нескольким причинам. В Казахстане не допускается инакомыслие, особенно в отношении государственной политики. Более того, даже несмотря на то, что предлагаемые поправки в отношении землевладения не предназначались исключительно для китайских инвесторов, общественность именно так это восприняла, что способствовало ухудшению имиджа Китая.

¹²⁹ В казахстанском обществе существует широкое общественное недовольство тем, что их правительство не заняло более жесткой позиции в ответ на целенаправленное притеснение Китаем представителей групп, имеющих схожее культурно-этническое происхождение с казахами.

¹³⁰ Президент Токаев вступил в должность недавно, в марте 2019 года. По словам респондентов, он весьма уважительно относится к видению страны бывшим президентом, публично заявив, что «пойдет по пути, намеченному Назарбаевым». Назарбаев избрал Токаева своим преемником и, как ожидается, продолжит оказывать значительное закулисное влияние, учитывая его председательство в правящей партии «Нур Отан» и пожизненный статус главы Совета безопасности.

Казахстана (см. главу 2). Однако в умах казахстанцев КНР ассоциируется именно с финансовой дипломатией, объем которой только в сфере инфраструктуры за период с 2000 по 2017 гг. составил, по оценкам, 32,9 млрд долл. США (26,1 % от общих потоков в регион ЦЮА).¹³¹ Многие из этих инвестиций принимают форму совместных проектов развития, таких как порт Ляньюньган, сухой порт Хоргос на Казахстанско-китайской границе, порт Актау в Каспийском море и железнодорожная линия в рамках Ашхабадского соглашения. Кроме того, в 2018 году две страны договорились о совместной разработке 51 нового промышленного проекта на сумму почти 28 млрд долл. США в нефтегазовом, энергетическом, химическом, горнодобывающем, металлургическом, сельскохозяйственном и машиностроительном секторах.

Как отмечают участники опроса, казахстанцы приветствуют китайские инвестиции как способ диверсификации в противовес зависимости от России и возможность использования китайского технического опыта в области альтернативных источников энергии. Действительно, Казахстан занимает сильную позицию на переговорах, чтобы максимально использовать все преимущества данного сотрудничества. В отличие от других стран, входящих в инициативу «Один пояс, один путь», Казахстан испытал быстрый экономический рост после обретения независимости за счет активной разведки нефти. Это означает, что страна имеет в своем распоряжении больше внутренних ресурсов для инвестиций. Поэтому основной формой экономического взаимодействия с Пекином являются проекты, которые разрабатываются совместно, а не финансируются исключительно правительством КНР.

Попытки Пекина наладить хорошие отношения с казахстанской политической элитой посредством государственных визитов на высшем уровне и меморандумов о взаимопонимании воспринимаются респондентами как в значительной степени успешные. В период с 2000 по 2017 гг. было зарегистрировано 238 политических визитов между китайскими и казахстанскими лидерами (ежегодники внешней политики Китая, 2000–2017 гг.) и 41 мероприятие в сфере военной дипломатии в течение 2016 года, включая 15 военных учений и 26 визитов между высшим военным руководством (INSS, без даты). Участники опроса подчеркивают, что правительство Казахстана рассматривает развитие тесных экономических связей с Пекином как средство реализации амбиций страны по превращению в евразийский транспортно-логистический узел. Вскоре после объявления об инициативе «Один пояс, один путь» правительство Казахстана скорректировало программу развития внутренней инфраструктуры «Нурлы жол», в которой особое внимание уделялось сообщению между востоком и западом страны.

Большая часть публичной дипломатии Пекина направлена на более широкую часть населения Казахстана, чем можно было бы ожидать в свете существующих в стране

ограничений на право голоса и участия граждан в принятии решений. Зачем Пекин прилагает такие усилия, чтобы расположить к себе казахстанский народ? Причина заключается в том, что поддержка со стороны простых граждан имеет решающее значение для стабильности в западном регионе Китая в контексте стремления китайских лидеров обуздать уйгурский сепаратизм.

Институты Конфуция являются важным краеугольным камнем публичной дипломатии Пекина в Казахстане, где за период с 2007 по 2017 гг. было открыто пять информационных центров — больше, чем в какой-либо другой стране Центральной Азии.¹³² Институты Конфуция организуют языковые курсы и культурные праздники, а также популяризируют обучение в Китае и организуют посещение кампусов китайских университетов, формируя положительный образ Китая для казахов всех возрастов. Респонденты положительно отзываюся о деятельности институтов Конфуция в Казахстане, отмечая, что Китай становится все более привлекательным местом для учебы.

В настоящее время в процессе международного образования для студентов из Казахстана КНР уступает только России (Farchy, 2016 г.); при этом число желающих получить образование в Китае заметно увеличилось с 200 студентов в 2002 году до более 14 000 в 2017 году (ежегодники внешней политики Китая, 2002–2017 гг.). Популярности китайского образования также способствует тот факт, что казахстанским студентам предоставляются кредиты на образование от правительства Китая для финансирования их обучения, а также что китайские дипломы все выше ценятся работодателями в Казахстане (Kaukenova, 2017 г.).¹³³ Между тем, в период с 2010 по 2018 гг. правительство Китая выделило 1 740 стипендий для казахстанских студентов с целью субсидирования их образования (веб-сайт посольства Китая в Казахстане).

По словам респондентов, информационная дипломатия Пекина в Казахстане имеет ограниченный охват из-за глубоких языковых, культурных и идеологических различий между Китаем и Казахстаном.¹³⁴ Китайские новостные агентства Xinhua и CCTV открыли свои представительства в Казахстане в 2013 году, однако респонденты отмечают, что эти каналы имеют низкий рейтинг, поскольку они рассматриваются как государственные каналы КНР, что делает их непривлекательными для широкой публики. В целях пропаганды Пекин активно развивает отношения с казахстанскими СМИ. Так, было организовано 15 визитов по обмену журналистами (2004–2017 гг.), в том числе 9 визитов для журналистов из региона Центральной Азии в целом. Посол Китая опубликовал 17 статей для местных новостных агентств (2011–2017 гг.), а высокопоставленные должностные лица КНР дали в общей сложности 13 интервью и брифингов для местных СМИ (2002–2017 гг.).

Отсутствие популярности государственных СМИ КНР в Казахстане не следует рассматривать как отсутствие

¹³¹ Данные получены исследователями лаборатории AidData с использованием методологии TUFF.

¹³² Первый институт Конфуция был открыт при Казахском национальном университете им. аль-Фараби в 2007 году, остальные четыре — в Астане, Алматы, Караганде и Актобе (учреждение Ханьбань, 2018 г.).

¹³³ Доля казахов, получивших предлагаемые правительством КНР кредиты на образование, составила 32,7 % по сравнению с 2,7 %, которые воспользовались кредитами на обучение со стороны правительства Казахстана (Kaukenova, 2017 г.).

¹³⁴ Отчасти это относится к китайско-советскому расколу, вызванному идейными разногласиями, возникшими в результате различных интерпретаций и применения идеологии Марксизма-ленинизма во время холодной войны.

интереса к китайских медийным личностям в целом. Например, звезды китайских телешоу и кино, такие как Джеки Чан, довольно широко и положительно освещаются в казахстанских СМИ. Многие респонденты отмечают, что благодаря успеху казахстанского певца Димаша Кудайбергенова в музыкальных программах на китайском телевидении, таких как I Am A Singer телеканала Hunan TV и концерт One Belt One Road, инициатива «Один пояс, один путь» приобрела человеческое лицо в глазах казахстанских граждан. Впоследствии телеканал Hunan TV назвал Кудайбергенова «мостом для казахстанско-китайского культурного общения», а встреча Джеки Чана с президентом Назарбаевым в Пекине в начале 2019 года получила широкое освещение в казахстанских СМИ и пресс-службе президента (TellerReport, 2019 г.).

Тем не менее, по общему мнению большинства опрошенных, народная дипломатия Пекина в Казахстане не сравнится с усилиями, прилагаемыми Китаем для установления благоприятных отношений с политической элитой страны. Респонденты часто говорили о казахстанских влиятельных лицах, которых институты Конфуция или посольство Китая часто приглашают с визитом в Китай, включая посещение национальных достопримечательностей, исторических музеев и презентации китайской модели экономического развития. Сложно говорить, насколько эффективны такие туры в вопросе улучшения восприятия Китая — скорее всего, они ограничиваются умеренно положительными статьями по возвращении в Казахстан. Примечательно, что, по мнению респондентов, центр безвизовой и бесполошинной торговли в Хоргосе, совместно разработанный КНР и Казахстаном, оказался гораздо более эффективным способом «объединения людей» из двух стран.¹³⁵

4.1.4 Благодаря своей публичной дипломатии Пекину удалось заручиться поддержкой политической элиты Казахстана, но он не смог завоевать сердца и умы среднего Казахстана

Опираясь на высокий уровень поддержки со стороны политического руководства Казахстана, в последние годы резко выросли инвестиции Пекина в ключевые стратегические секторы,¹³⁶ особенно в энергетику и транспорт. Например, китайские фирмы контролируют почти четверть добычи нефти в Казахстане (Wilson, 2016 г.). Всего два десятилетия назад такой откат от экономического национализма был бы просто неслыханным для постсоветского государства. Более того, Китай обогнал Россию в качестве предпочтительного торгового партнера Казахстана. На его долю теперь приходится 16 % от общего торгового оборота (Vakulchuk и Overland, 2019 г.).

Смягчение отношения к Китаю среди политической элиты Казахстана повлияло на поведение КНР и в других аспектах, помимо чистой экономики. В ответ на антикитайские кампании в социальных сетях синофобски настроенных националистических групп, которые использовались для активизации протестов против поправок к законодательству о землепользовании в 2016 году, власти Казахстана создали министерство информации для контроля над распространением дезинформации, особенно связанной с Пекином. Участники опроса также упоминают нежелание руководства Казахстана занять твердую позицию по вопросу в Синьцзяне как еще один пример сговорчивой позиции правительства по отношению к КНР.

Казахский народ менее восприимчив к инициативам Пекина, чем его лидеры. Общественность в принципе приветствует экономическое участие Китая в их стране, а популярность председателя КНР Си Цзиньпина в Казахстане резко возросла после того, как он объявил об инициативе «Один пояс, один путь» в Астане в 2013 году. Вместе с тем респонденты отмечают, что недостаточная прозрачность, медленная реализация и ограниченное участие местных компаний являются основными причинами недовольства казахстанцев, когда речь идет о китайских инвестиционных проектах. Другие респонденты выражают обеспокоенность по поводу смешанных браков между китайскими рабочими-мигрантами и местными казахскими женщинами.

Благодаря своей публичной дипломатии Пекину удалось заручиться поддержкой политической элиты Казахстана, однако он не смог сформировать более прочные связи со среднестатистическим гражданином этой страны. Респонденты объясняют это «фундаментальным непониманием Казахстана в Китае», утверждая, что Пекин не может предвидеть ситуацию и реагировать должным образом, а решения, принимаемые руководством страны, воспринимаются обществом как приносящие выгоду Пекину за счет казахского народа. Протесты против поправок в закон о земле в 2016 году — яркий пример этого политического просчета. Несколько респондентов также отметили, что у многих казахстанцев сложились ошибочные впечатления о Пекине просто из-за отсутствия более подробной информации и недостаточных исследований относительно КНР и ее геостратегических амбиций.

¹³⁵ Пять торговых центров в Хоргосе пользуются особой популярностью у жителей Алматы и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая (СУАР), которые приобретают там товары, произведенные обеими странами, часто по ценам, намного ниже рыночных. Некоторые в регионе называют его «Новым Дубаем». Вместе с тем изначальная цель строительства торговых центров в Хоргосе не ясна — установление связей между людьми или просто создание центра трансграничной торговли (см. Uatkhanov, 2017).

¹³⁶ В 2013 году национальная энергетическая компания Казахстана «КазМунайГаз» согласилась продать 8,33 % акций гигантского нефтяного месторождения Кашаган (крупнейшее месторождение нефти в мире за последние 50 лет) Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC). Данное приобретение было оценено в 5 млрд долл. США.

4.2 золотая середина: Ташкент пытается найти баланс между влиянием Пекина и других иностранных держав

Источник: всемирный опрос Gallup World Poll

6,52 млрд долл. США Финансовая дипломатия	143 Количество визитов официальных лиц
2 Количество институтов и классов Конфуция	4 Количество брифингов и интервью
16 Количество военных визитов, учений и заходов в порты	6 Количество подписанных соглашений с городами-побратимами
1 000 Количество выданных стипендий	

В геополитическом плане Узбекистан играет центральную роль в стремлении Пекина достичь Европы через Центральную Азию, а также в его усилиях по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом, которые угрожают внутренней стабильности КНР (МИД Китая, 2013 г.). Пекин рассматривает содействие региональному сотрудничеству как альтернативный железнодорожный путь для китайских товаров на прибыльные европейские рынки в обход России (Wilson,

2019 г.).¹³⁷ Узбекистан является важным союзником Пекина в защите своих инвестиций в рамках инициативы «Один пояс, один путь» от чрезмерной нестабильности в Афганистане и сдерживании распространения исламского радикализма, который может спровоцировать дальнейшие беспорядки в Синьцзяне (Stein, 2012 г.; CSS, 2018 г.).¹³⁸ Кроме того, политика экономической либерализации президента Шавката Мирзиёева (Lemon, 2018 г.; Voices on Central Asia, 2017 г.; Bhutia, 2019 г.) открыла для Пекина возможность сократить свою зависимость от поставок российских энергоносителей и продуктивно использовать свои валютные резервы. Однако, чтобы использовать эти возможности, Пекин должен преодолеть проблему синофобии в обществе (Peugrouse, 2016 г.; Stronski, 2018 г.).

4.2.1 Переход от «дипломатии улыбок» Каримова к экономической либерализации Мирзиёева открыл двери для иностранных инвестиций, и Пекин стремится занять место за столом переговоров

На протяжении десятилетий внешние отношения Узбекистана определялись Россией. В 1991 году страна освободилась от советской оккупации с намерением защитить свою независимость. Президент Ислам Каримов хотел усилить коллективное влияние Центральной Азии, удерживая при этом иностранные державы на расстоянии, и Пекин не стал исключением (Wilson, 2019 г.).¹³⁹ Узбекистан при Каримове был охарактеризован респондентами как «изоляционистский» и скептически настроенный по отношению к содружествам которые могли уменьшить его «стратегические активы», — Узбекистан последний из стран Центральной Азии присоединился к ШОС¹⁴⁰ и вышел из возглавляемой Россией Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), чтобы не действовать «по указке Москвы» (Stratfor, 2012 г.).¹⁴¹

Пекин начал увеличивать свои инвестиции в Узбекистан после 2009 года (Рагимонов, 2014 г.), в то время как многие западные страны сконцентрировали свои усилия на внутреннем рынке в ответ на мировой финансовый кризис 2008 года. К 2014 году Китай стал торговым партнером номер один для Узбекистана, обогнав Россию и Казахстан (Madiyev, 2017 г.). Тем не менее, Каримов, как сообщается, не позволял китайским компаниям проникать в чувствительные сектора Узбекистана и занял нейтральную позицию в отношении инициативы «Один пояс, один путь» — он видел преимущества более быстрой и дешевой транспортировки товаров и людей, но хотел избежать зависимости от Пекина. Бывший чиновник администрации охарактеризовал «дипломатию улыбок» Каримова как

¹³⁷ Китай прорабатывает транспортный маршрут через Кыргызстан, Узбекистан и Туркменистан в Турцию, чтобы уменьшить свою зависимость от России.

¹³⁸ В Узбекистане находится Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (CSS, 2018 г.), и Китай хочет смягчить угрозы, которые могут повлиять на Китайско-пакистанский экономический коридор.

¹³⁹ Респонденты отмечают, что, хотя Каримов был ближе к России, чем другие иностранные державы, он не хотел, чтобы его использовали русские, и вместо этого пытался уравновесить интересы России с интересами других крупных иностранных держав (например, Китая и США).

¹⁴⁰ Бывший чиновник администрации Каримова сообщил, что узбеки просили включить в устав ШОС следующие пункты: (i) ограничение мандата ШОС экономическим сотрудничеством; (ii) предложение членства США; и (iii) отказ от приверженности ШОС единой внешнеполитической позиции. Россия и Китай наложили вето на эти требования, но в конечном итоге Узбекистан все равно присоединился к ШОС.

¹⁴¹ Узбекистан вышел из возглавляемого Россией альянса безопасности, Организации Договора о коллективной безопасности, в 2006 году и повторно (и окончательно) в 2012 году.

попытку не брать на себя обязательства по конкретному сотрудничеству,¹⁴² хотя оба правительства практиковали взаимное невмешательство в дела друг друга.

Избрание в 2016 году президента Шавката Мирзиёева положило начало новой эре в отношениях Пекина с Узбекистаном. Правительство Мирзиёева, которому приписывают начало реформ, направленных на снижение инфляции, повышение либерализации¹⁴³ и ускорение приватизации¹⁴⁴, открыло двери для инвестиций как со стороны ближайших соседей, так и дальних иностранных государств (Lemon, 2018 г.; Voices on Central Asia, 2017 г.; Bhutia, 2019 г.). Пекин воспользовался этой возможностью и стал крупнейшим двусторонним кредитором Узбекистана.¹⁴⁵ Между тем, во время своего государственного визита в Китай в 2017 году президент Мирзиёев подписал соглашения с председателем КНР Си Цзиньпином на сумму 20 млрд долл. США (Pannier, 2017 г.).

Еще одним признаком потепления отношений является готовность Ташкента предложить гражданам Китая безвизовый режим для посещения Узбекистана в течение 7 дней в начале 2020 года (Tashkent Times, 2019 г.). Пекин и Ташкент также в значительной степени согласны друг с другом в отношении взаимной заинтересованности в укреплении региональных связей и интеграции в Центральной Азии (Wilson, 2019 г.). Мирзиёев все больше позиционирует Узбекистан на роль лидера в регионе с упором на установление отношений.¹⁴⁶ Это делает Ташкент естественным союзником Пекина в реализации амбиций последнего в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (Hashimova, 2019 г.; Wilson, 2019 г.; посольство Узбекистана в Нью-Дели, 2018 г.).¹⁴⁷

Тем не менее, участники опроса охарактеризовали правительство Мирзиёева как поддерживающее

«сбалансированный» и «диверсифицированный» портфель партнеров, в котором Китай является «одной из многих заинтересованных сторон».¹⁴⁸ Подводя итог их стратегии, один из представителей администрации сказал: «[Узбекистан создает] равные условия для инвестиций, и если Китай будет лучше, быстрее и дешевле [чем другие], тем лучше для них».¹⁴⁹

У узбекских чиновников есть все основания для уверенности в переговорах со своими китайскими коллегами. Общий внешний долг Узбекистана составляет скромные 33,7 % от ВВП по состоянию на 2018 год, из которых 19,8 % приходится на внешний государственный долг (GlobalCapital.com, 2019 г.). Основными поставщиками льготных кредитов с низкими процентными ставками являются международные финансовые институты (МФИ).¹⁵⁰ Как было отмечено одним из официальных лиц, продажа Узбекистаном еврооблигаций на сумму 1 млрд долл. США (Wilson, 2019 г.) «было стратегическим решением, поскольку оно дает [нам] преимущество за счет диверсификации источников финансирования. Мы сделали это не потому, что нам были нужны деньги, а потому что мы хотели лучших условий».

4.2.2

Узбеки уважают китайское «экономическое чудо», но опасаются геополитических замыслов Пекина

По мнению большинства опрошенных, Китай — «черный ящик» для среднестатистического узбека. В Узбекистане нет традиционной уйгурской диаспоры, как в Таджикистане и Кыргызстане, и китайские предприниматели и рабочие появились только недавно. Респонденты описывают пожилых узбеков как более скептически настроенных и все еще находящихся под влиянием воспоминаний о

¹⁴² Некоторые респонденты отмечают, что в начале своего пребывания в должности Каримов пытался наладить более тесные связи с Китаем, предложив открыть прямой рейс из Ташкента в Урумчи, а также создать совместное предприятие по производству телевизоров, но эти попытки не увенчались успехом.

¹⁴³ По словам одного из респондентов, в своем стремлении оптимизировать регулирование частного сектора и создать благоприятную инвестиционную среду правительство Узбекистана упразднило 90 % ненужных проверок для бизнеса.

¹⁴⁴ Президент Мирзиёев хочет, чтобы Узбекистан переориентировался с жесткого государственного контроля экономики на рыночное развитие, хотя официальные лица администрации сообщают, что некоторые чувствительные сектора, скорее всего, останутся под контролем государства.

¹⁴⁵ Согласно официальным данным администрации, на двусторонних кредиторов приходится только 21 % от общего государственного долга Узбекистана, причем большая часть из них приходится на Китай (почти половина). Большая часть двустороннего долга Китаю связана с двумя инфраструктурными проектами — железнодорожным туннелем Ангрэн-Пап и строительством газопровода, а также с льготным кредитованием государственных предприятий.

¹⁴⁶ Инициативы включают запуск политики «Ноль проблем с соседями», возобновление пограничных переговоров с Кыргызстаном, разрешение безвизового въезда с Таджикистаном и поддержку инфраструктурных проектов, направленных на снижение торговых издержек Центральной Азии для выхода на другие рынки.

¹⁴⁷ Президент Мирзиёев в своем первом обращении к узбекскому парламенту заявил, что «необходимо увеличить потенциал (Узбекистана) в области транспортной и коммуникационной инфраструктуры в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (Посольство Узбекистана в Нью-Дели, 2018 г.). Ослабление напряженности между Кыргызстаном и Узбекистаном, чему способствовали жесты доброй воли со стороны нового президента Узбекистана, вселило надежды на то, что три стороны наконец достигнут договоренности о трансрегиональной железной дороге.

¹⁴⁸ Хотя опрошенные в основном согласились с тем, что правительство намерено сохранять баланс в отношениях с иностранными государствами, некоторые более скептически относятся к тому, насколько хорошо это работает на практике. Один из респондентов отметил: «мы слишком спешим с иностранными инвесторами... правительство должно иметь законы о частных инвестициях, чтобы гарантировать, что это финансирование будет устойчивым и предсказуемым».

¹⁴⁹ Некоторые респонденты заявляют, что правительство мягко тормозит китайские инвестиции и при этом активно ищет инвестиции со стороны других государств для поддержания баланса. Однако официальные лица администрации это категорически отрицают: «У нас нет политики, которая бы заставляла или побуждала Китай инвестировать — мы оставляем это на усмотрение лиц, принимающих решения... [но] у Китая есть одно неоспоримое преимущество — низкая цена».

¹⁵⁰ Правительство Узбекистана традиционно заимствует больше у международных финансовых организаций, таких как Азиатский банк развития, Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития, чем у двусторонних кредиторов.

холодной войне и о столкновениях между китайскими и советскими войсками, такими как территориальные споры по поводу острова Даманский (или Чжэньбао) и реки Амур (Stratfor, 2016 г.), а также поддержке Пекином моджахедов во время советско-афганской войны. Вместе с тем отмечается, что молодые узбеки более открыты к Пекину, который, по их мнению, приносит в Узбекистан инвестиции и предоставляет «современные возможности для образования» узбекским студентам.

Узбеки ценят то, что Пекин никогда не пытался «колонизировать» Узбекистан, как это делала Россия, но при этом сохраняется недоверие к его политике в отношении уйгуров¹⁵¹ и настороженность относительно его геополитических стремлений к региональному влиянию в Центральной Азии. Один из респондентов утверждает, что подозрения узбеков насчет геополитических замыслов Пекина начались с того, что последний выступил за создание ШОС, а «более амбициозная» инициатива «Один пояс, один путь» только усилила их. Несколько респондентов также предположили, что данная инициатива, по-видимому, была обходным путем для Пекина для реализации планов, которые были заблокированы Россией в контексте ШОС. Один из участников опроса заключил, что ШОС и «Один пояс, один путь» являются звеньями одной и той же глобальной стратегии — «цепочки стратегической эволюции».

Большинство узбеков формируют свое представление о Китае на основе опыта использования потребительских товаров: поскольку качество китайских товаров в Узбекистане с годами повысилось, отношение так же стало более благоприятным. Узбеков не впечатлило отношение Пекина к Узбекистану как к «свалке» для «дешевых и некачественных продуктов» сразу после обретения независимости от Советского Союза. В отсутствие более глубоких связей между двумя народами¹⁵² среднестатистический узбек еще недавно считал Китай экономически отсталой страной. Респонденты отмечают, что воспринимаемое улучшение качества потребительских товаров, реализуемых в Узбекистане, наряду с решением правительства КНР выдавать визы узбекам, которое позволило им воочию увидеть «китайское экономическое чудо», изменили отношение населения к лучшему.

Несмотря на растущее экономическое и дипломатическое взаимодействие между двумя странами, участники опроса охарактеризовали взгляд среднестатистического узбека на Китай как на «другую», «экзотическую страну, которую мы только начинаем узнавать» и «локомотив экономики... с закрытой культурой». Эта воспринимаемая культурная дистанция может не иметь большого значения, поскольку, по словам респондентов, отношения узбекской общественности с Китаем являются «практическими», а не сентиментальными: «Речь идет об экономических возможностях для обычных людей... которые просто пытаются выжить и заработать побольше денег».

4.2.3

Пекин развивает экономические связи и считает, что узбекская молодежь играет важную роль в поддержке долгосрочного влияния Китая

Респонденты в целом согласны в отношении того, какие цели преследует Пекин в Узбекистане, однако их мнения резко расходятся в том, используют ли китайские лидеры систематически стратегию публичной дипломатии и каким образом. Некоторые респонденты утверждают, что это были лишь отдельные, «красивые» жесты, которые не имеют продолжения. Другие респонденты возражают, говоря, что Пекин вел сдержанные попытки, чтобы избежать разжигания антикитайских настроений, убедить общественность в своих мотивах и предотвратить противопоставление России. Наконец, третья группа утверждает, что Пекин уделяет приоритетное внимание развитию ключевых демографических групп, таких как узбекская молодежь, предоставляя возможности для изучения китайского языка и получения стипендий в надежде, что эти люди станут «посредниками между Китаем и Узбекистаном».

Пекин действительно рассматривает узбекскую молодежь как важную целевую аудиторию. Некоторые респонденты цитируют рекламные щиты и телевизионные ролики, призывающие узбекскую молодежь учиться в Китае. Число узбекских студентов в Китае увеличилось с 74 в 2002 году до более 4 000 в 2017 году (ежегодники внешней политики Китая, 2002–2017 гг.). Все большее число узбекских студентов также получают стипендии китайского правительства для субсидирования обучения.¹⁵³ Так, только за период с 2010 по 2018 гг. правительство Китая выделило 1 000 стипендий для студентов из Узбекистана (сайт посольства Китая в Узбекистане). Тем не менее, участники опроса отмечают, что студенты могут выбрать учиться в Китае даже без стипендии, т. к. для них это возможность учиться на английском языке по доступной цене и получить международно признаваемый диплом и работу в китайских компаниях.

Китайское правительство, исследовательские институты и университеты активно практикуют и другие формы сотрудничества со своими узбекскими коллегами. В частности, узбекские ученые и руководители университетов сообщают, что Пекин финансирует участие их коллег в конференциях в Китае, а также совместные публикации и курсы обучения и сертификации. Пекин также направляет своих представителей для участия в конференциях, проводимых узбекскими исследовательскими институтами и университетами. Более того, китайские компании, такие как Huawei и ZTE, спонсируют проведение конференций и учебных программ, а также учебные лаборатории в области ИКТ для узбекских студентов. Помимо того, что эти мероприятия служат рекламой для страны-спонсора и позволяют формировать положительные двусторонние отношения, они также служат механизмом создания спроса на китайские технологии. Пекин также субсидирует

¹⁵¹ Опрошенные расходятся во мнениях о том, в какой степени отношение Китая к уйгурам находится в поле интересов узбеков. В местных средствах массовой информации мало говорится о Синьцзяне. Респонденты приводят этому два объяснения: фокус узбекских СМИ на внутренней ситуации и самоцензура среди узбекских СМИ, которые занимаются агитацией за узбекское правительство.

¹⁵² В советское время Узбекистан был закрыт для китайского кино, и немногие узбеки могли посетить КНР.

¹⁵³ Китайские стипендии часто покрывают не только обучение, но и проживание, транспорт и ежемесячное пособие.

небольшое количество китайских студентов, изучающих узбекский или русский языки в университетах Узбекистана.

В Узбекистане было открыто два института Конфуция — знак сотрудничества Пекина с академическими кругами во всем мире. Институт Конфуция при Ташкентском государственном институте востоковедения был первым в Центральной Азии, а второй был открыт в 2011 году при Самаркандском государственном университете иностранных языков. Популярность институтов Конфуция в Узбекистане, похоже, не ограничивается студентами университетов. Так, в 2018 году в институте Конфуция при Ташкентском государственном институте востоковедения китайских язык изучало более 800 человек в возрасте от 7 до 70 лет (учреждение Ханьбань, 2018 г.). Респонденты отмечают, что существует потребность в открытии институтов Конфуция среди других узбекских университетов в свете растущего интереса студентов к изучению китайского языка; однако правительства Узбекистана и Китая ограничили их число до двух.¹⁵⁴

Тем не менее, Пекин предоставляет финансовую или материальную поддержку (например, учебники, мебель, оборудование, учителей-волонтеров) другим университетам для открытия факультетов китайского языка и культурных центров.¹⁵⁵ Посольство Китая также предоставило учителям-волонтеров узбекским начальным и средним школам, чтобы помочь справиться с бумом изучения китайского языка. Один из респондентов заметил, что такие «великие жесты» не ограничиваются изучением китайского языка — правительство КНР неоднократно в истории бесплатно предоставляло компьютерное оборудование местным школам и университетам. В частности, нами были подтверждены следующие факты: в 2007 году Эксимбанк Китая предоставил Узбекистану ссуду в размере 19 млн долл. США на закупку оборудования компьютерных классов для 1 900 общих образовательных школ; в 2012 году Банк развития Китая предоставил 10 млн долл. США на интеграцию узбекских школ в сеть электронного образования, а в 2016 году посольство Китая передало компьютерное оборудование Университету мировой экономики и дипломатии.¹⁵⁶

Для создания положительного имиджа Китая в глазах узбекской общественности посольство Китая проводит концерты, показы танцев, конкурсы и другие культурные мероприятия. Так, в период с 2000 по 2017 гг. китайское правительство организовало 11 таких культурных мероприятий и провело 4 Годы Дружбы (ежегодники внешней политики Китая, 2000–2017 гг.). Пекин финансирует перевод китайских художественных и документальных фильмов для узбекской аудитории, а ШОС открыла центр публичной дипломатии в Ташкенте по просьбе президента Мирзиёева. Китайская академия наук установила партнерские отношения с узбекскими музеями для

изучения исторического влияния Китая и культурных связей с Узбекистаном. Между тем, Пекин так же проявляет интерес к узбекской культуре и языку: два китайских университета открыли группы по изучению узбекского языка, а представители КНР приняли участие в одном из крупнейших музыкальных фестивалей в Центральной Азии, организованном правительством Самарканда.

В сфере информационной дипломатии узбекские журналисты отмечают медиатуры в Китай, организуемые в том числе при поддержке Министерства иностранных дел Китая и посольства Китая в Ташкенте. Так, за период с 2004 по 2017 гг. было организовано 13 таких обменов журналистами, в том числе 9 для журналистов из региона Центральной Азии в целом (ежегодники внешней политики Китая, 2004–2017 гг.). Журналисты отмечают радушный прием для представителей СМИ во время таких туров и более положительное восприятие Пекина по возвращении, при этом они не испытывают никакого давления со стороны хозяев в том, что касается репортажей на определенные темы. Тем не менее, по словам респондентов, языковой барьер мешает китайским коллегам брать интервью у местных жителей или читать местные новости, а между российскими и узбекскими СМИ существуют более крепкие отношения. Участники опроса также отмечают, что медиатуры в основном организуются в восточном регионе Китая и их число не велико.

Пекин также поддерживает партнерства в области СМИ, в том числе между Китайской ассоциацией журналистов Шаньдун и ее партнером в Ферганской долине Узбекистана. Китайские и узбекские СМИ совместно производят контент: документальные фильмы об узбекских ремеслах, узбекских лошадях, институтах Конфуция. Один из участников опроса сообщил, что его местная ассоциация планирует организовать медиатренинги для журналистов в Китае. В Узбекистане работает китайские новостные агентства — Синьхуа, People's Daily и Economic Daily уже имеют представительства в стране, а CCTV планирует открыть его в Ташкенте. Однако, по словам респондентов, китайские каналы малоизвестны узбекской публике. Взаимодействие китайских лидеров с местными узбекскими СМИ было относительно скромным: в период с 2002 по 2017 гг. было проведено только три интервью, один брифинг и выпущено пять статей (ежегодники внешней политики Китая, 2002–2017 гг.).

Для большинства узбеков Китай является синонимом экономической мощи: дешевые товары, туристические потоки, коммерческие связи и инвестиции. За период с 2000 по 2017 гг. Пекин выделил Узбекистану 6,52 млрд долл. США в рамках финансовой дипломатии — почти все эти инвестиции были направлены в инфраструктуру (99,9%)¹⁵⁷. По мнению респондентов, наиболее заметными из этих инвестиций являются строительство Камчикского

¹⁵⁴ По словам участников опроса, другие узбекские университеты так же хотели бы открыть институт Конфуция, но получили отказ.

¹⁵⁵ Респонденты приводят такие примеры, как Центр китайского языка и культуры при Университете мировой экономики и дипломатии, факультет китаеведения при Ташкентском государственном институте, Самаркандский государственный университет, Самаркандский государственный институт иностранных языков и т. п.

¹⁵⁶ По словам одного из респондентов, Министерство образования Узбекистана недавно получило от Пекина 30 млн долл. США на покупку компьютеров; однако нам не удалось проверить этот факт.

¹⁵⁷ Помимо указанных инвестиций в инфраструктуру Пекин предоставил Узбекистану гуманитарную помощь на сумму чуть более 1,1 млн долл. США. Данные получены исследователями лаборатории AidData с использованием методологии TUFF.

тоннеля на железной дороге Ангрэн-Пап, завершённое в 2016 году,¹⁵⁸ и узбекского участка (линия С) газопровода Центральная Азия – Китай в 2011 году. Вместе с тем, Пекин не мало инвестирует и в энергетический сектор (например, гидроэнергетику, газ, нефть, теплоэнергетику), который может быть менее заметен для общественности.

Говорят, что китайские компании довольно успешно выигрывают торги на государственные закупки и вытеснили иностранных конкурентов, в частности благодаря финансированию со стороны китайских банков и готовности вложить деньги. Респонденты также подчеркивают участие Пекина в инициативах «Умный город» в Ташкенте, Самарканде и Гизе. Китайское правительство — не единственный иностранный инвестор, однако некоторые респонденты обеспокоены участием именно китайских фирм из-за двойственности в использовании технологий наблюдения и распознавания лиц, которые, помимо повышения безопасности городов, могут применяться для наблюдения за гражданами Узбекистана.

Пекин укрепляет экономические связи с Узбекистаном несколькими путями. Узбекские предприниматели посещают Китай, принимают участие в торговых выставках и используют приложения для подключения к онлайн-платформам Таобао компании Alibaba для поиска и доставки товаров в Узбекистан. Китайские предприниматели все чаще встречаются в Узбекистане, поскольку инвестиционный климат страны улучшился в результате политики либерализации президента Мирзиёева. По оценкам, 73 китайские компании открыли представительства в Узбекистане, и по состоянию на 2017 год в стране действует 786 совместных китайско-узбекских предприятий (МИД, 2019 г.).

Непрестанно пытаясь найти подход к узбекской общественности, китайские лидеры признают, что внешняя политика Узбекистана очень централизована, и многие решения принимаются непосредственно президентом или его высокопоставленными должностными лицами.¹⁵⁹ Поэтому китайские лидеры стараются установить тесные личные отношения со своими узбекскими коллегами. Респонденты отметили рост числа взаимных

государственных визитов — с одного раза в пять лет до двух-трех раз в год. Так, за период с 2000 по 2017 гг. было зарегистрировано 136 политических визитов и 14 военных визитов (Ежегодники внешней политики Китая, 2000–2017 гг.). Однако попытки Пекина не ограничиваются высокопоставленными чиновниками и включают также отраслевые министерства. Кроме того, китайское правительство предоставляет стипендии государственным служащим для прохождения магистерских программ или краткосрочных курсов в китайских университетах, а также организует программы обмена для чиновников.¹⁶⁰

4.2.4

Влияния Пекина может существенно возрасти, если Москва ослабит свою мягкую силу

Россию и Узбекистан связывают давние исторические, культурные и экономические связи, объединяющие их народы. Как заметил один из респондентов, «70 лет советской власти не исчезнут [в одночасье]».¹⁶¹ Даже сегодня между людьми существует множество связей: Россия является приоритетным выбором для узбекских студентов, желающих получить высшее образование; узбекские рабочие-мигранты пользуются облегченным визовым режимом при отправке денежных переводов для около 3,4 млн семей; русский — самый распространенный иностранный язык в Узбекистане.¹⁶² Тем не менее, некоторые респонденты утверждают, что Россия в первую очередь сосредоточена на сохранении статуса-кво, а не на крупных инвестициях в рамках публичной дипломатии.¹⁶³

Люди старшего возраста, скорее всего, говорят на узбекском и русском языках, однако молодое поколение заинтересовано в изучении китайского или английского языков¹⁶⁴. В ответ на этот спрос в 20 детских садах Ташкента преподается мандаринский язык, а в 16 частных школах изучается китайский язык. Администрация университета признала, что это повлияет на обучение за границей, поскольку «язык является важным элементом того, как вы выбираете свое образование». Другие респонденты утверждают, что в будущем Китай превзойдет Россию в вопросе получения образования, т. к. молодые люди видят, что это открывает большие экономические возможности.

¹⁵⁸ Респонденты отмечают, что железнодорожная ветка Ангрэн-Пап играет ключевую роль в соединении Ферганской долины, самого густонаселенного региона Узбекистана, с остальной частью страны, при этом отпадает необходимость в транзите узбекских поездов до долины через Таджикистан. Исследователи лаборатории AidData подтвердили, что в 2013 году Эксимбанк Китая и Национальный банк Узбекистана подписали соглашение на сумму 350 млн долл. США на строительство Камчикского железнодорожного тоннеля. Правительство Узбекистана профинансировало оставшуюся стоимость железной дороги Ангрэн-Пап, и проект был завершён в 2016 году.

¹⁵⁹ Несколько представителей партнеров по развитию сообщают, что правительство Узбекистана придерживается «нисходящего подхода» в вопросе планирования развития страны. Например, в правительстве нет постоянно действующей структуры или рабочей группы для координации спонсоров. Вместо этого решение о проведении встреч со спонсорами непосредственно принимает высшее руководство Узбекистана. Государственный комитет по инвестициям направляет запросы на помощь каждой спонсорской организации в отдельности.

¹⁶⁰ Сообщается, что один из респондентов посетил Китай в составе делегации юристов и официальных лиц Министерства юстиции, которую принимал Шанхайский университет права и общественной дипломатии.

¹⁶¹ В Узбекистане проживает вторая по величине русская диаспора среди стран Содружества Независимых Государств (СНГ).

¹⁶² Большинство крупных газет издаются как на узбекском, так и на русском языках. Опрошенные подтвердили, что российские средства массовой информации пользуются популярностью, но рассматривают это как побочный эффект общего языка, а не ориентацию контента на узбекское население.

¹⁶³ Один из респондентов объяснил, что в настоящее время Россию беспокоит множество других проблем, которые конкурируют за внимание лидеров страны, и что Узбекистан не является приоритетом № 1 для Москвы. При этом Россия действительно хочет сохранить минимальный уровень влияния.

¹⁶⁴ По словам респондентов, правительство Узбекистана поощряет студентов изучать английский язык в качестве «буфера» от влияния России.

Хотя отношение Пекина к уйгурскому меньшинству не улучшило восприятие КНР, это, похоже, не помешало перспективным узбекским студентам искать возможности обучения за границей в Китае.

Узбеки с энтузиазмом восприняли вклад Пекина в местную экономику, связанный, в частности, с перспективами трудоустройства для растущего числа молодых специалистов и поддержкой в переходе от государственного к рыночному развитию. Однако участие китайского правительства в крупномасштабных строительных проектах вызывает споры, и некоторые респонденты указывают на опасения, такие как массовые выселения в ташкентском Эски-Шахаре (старый город), чтобы освободить место для строительства нового Ташкент-Сити (Lillis, 2017 г.), и расчистка бульдозерами больших участков города Шахрисабз, внесенного в список всемирного наследия ЮНЕСКО (Synovitz, 2017 г.). Однако эти факты могут быть связаны не столько с правительством Китая, сколько с коррупцией среди муниципальных чиновников (Bennetts, 2019 г.) и недостатками централизованного видения в вопросе модернизации Узбекистана.

Официальные лица Узбекистана считают китайские компании быстрыми, дешевыми и технологически продвинутыми, хотя и не всегда экологически чистыми.¹⁶⁵ МФИ могут предоставлять более выгодные условия кредитования, но официальные лица признают, что сотрудничество с правительством КНР имеет большие преимущества: Пекин может выделять сравнительно большие суммы в долларах США и без условий контроля в отличие от многосторонних организаций. Кроме того, Пекин завоевал расположение политической элиты в связи с эффективным завершением строительства Камчикского тоннеля, финансируемого Эксимбанком Китая,¹⁶⁶ а также готовностью использовать местную рабочую силу и выплатой компенсации сельским жителям, пострадавшим от строительства. Вместе с тем, респонденты отдают должное правительству Узбекистана за ограничение свободы действий китайских компаний в отношении количества и качества нанимаемых ими иностранных граждан.

Между тем наблюдатели отмечают, что официальные лица Узбекистана демонстрируют тихое восхищение «китайской моделью развития», и что вдохновением для модернизационной политики Ташкента служит сценарий развития КНР в 1990-х годах. Ряд респондентов высоко оценили роль Китая в объединении лидеров региона для эффективного и быстрого завершения строительства финансируемого правительством КНР газопровода в Центральной Азии — это подвиг, который был бы невозможен без участия Пекина. Тем не менее, политическая и академическая элита Узбекистана опасается оказаться в долгу перед Пекином и старается избежать негативных последствий непродуманных проектов в

рамках инициативы «Один пояс, один путь», которые нанесли ущерб экономикам Туркменистана и Кыргызстана и спровоцировали протесты в Казахстане.

В конечном итоге, позиция Узбекистана сводится к ожиданию и наблюдению: как граждане, так и руководство страны хотят использовать как можно больше экономические ресурсы Китая для укрепления местной экономики и продвижения интересов Узбекистана. В обмен на вливание капитала Узбекистан готов публично поддерживать политику «единого Китая», ограничить критику в СМИ действий Пекина в отношении уйгурского меньшинства в Синьцзяне и выступить в качестве регионального союзника КНР в достижении целей Китая связанных с региональным объединением и поддержанием стабильности в Центральной Азии.

4.3

Заключительные соображения

В этой главе мы рассмотрели, как Пекин использует инструмент публичной дипломатии в контексте двух стран Центральной Азии, и как лидеры государственного, частного и гражданского общества воспринимают эти предложения. Взгляд изнутри, т. е. непосредственно из Казахстана и Узбекистана, позволяет сделать несколько общих выводов о том, как Пекин определяет, какие инструменты публичной дипломатии использовать в разных странах и на каком уровне.

«Обхаживание» Пекина (Kurlantzick, 2007 г.) относительно более успешно среди руководства стран Центральной Азии, чем широкой общественности в Казахстане и Узбекистане.

Лидеры этих стран рассматривают партнерство с Пекином как средство, позволяющее получить политическое и финансовое пространство для ответа на историческое доминирование России в их внешней и внутренней политике. Однако, подобно тому, что мы наблюдаем в Южной Азии, влияние Пекина на жизнь простых граждан в Центральной Азии в лучшем случае поверхностно.

Теперь, когда мы узнали о восприятии КНР среди руководства и граждан четырех стран Южной Азии (глава 3) и двух стран Центральной Азии (глава 4), в следующей главе мы подвергнем эмпирической проверке некоторые из этих представлений об усилиях Пекина в сфере публичной дипломатии. Мы используем ряд эконометрических моделей, чтобы выделить основные факторы распределения ресурсов в публичной дипломатии Пекина, а также определить взаимосвязь между этими предложениями и косвенными показателями для достижения желаемых целей: репутационные выгоды, внешнеполитические уступки и экономические преимущества.

¹⁶⁵ Узбекистан планирует присоединиться к подписанной в Эспо Конвенции Европейской экономической комиссии ООН об оценке воздействия на окружающую среду, хотя пока еще не проводились оценки проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

¹⁶⁶ Тоннель протяженностью 19,2 км был построен за три года и завершен на три месяца раньше запланированного срока (SASAC, 2018 г.).

ГЛАВА ПЯТАЯ

Связана ли деятельность Пекина в сфере публичной дипломатии с результатами, которых он стремится достичь в странах ЦЮА?

Пекин реализует мероприятия в сфере публичной дипломатии для достижения трех общих целей: репутационные приобретения, уступки в области внешней политики и экономические преимущества (см. главу 1). Лидеры Китая Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин публично заявляли о намерениях завоевать сердца и умы иностранной общественности, и такая практика «управления публичным образом на базовом уровне» (Brazys и Dukalskis, 2019 г.) приобретает еще большее значение в эпоху реализации инициативы ОПОП, когда инвестиции, осуществляемые правительством Китая, стали предметом дискуссий. Эти заявления не являются просто политической риторикой, поскольку в течение последних двух десятилетий Пекин расширил объем и сложность своих инициатив в сфере публичной дипломатии в отношении 13 стран Центральной и Южной Азии (см. главу 2).

Тем не менее, способность Пекина к обеспечению достижения целей его вклада в публичную дипломатию, содействующего достижению поставленных целей, зависит от ряда факторов динамики внутренней социально-экономической и политической ситуации в странах, определяющих его влияние. В этой главе мы подвергаем эмпирической проверке несколько гипотез относительно того, какие методы использует Пекин, в отношении каких стран и с какой целью. Прежде всего, мы определяем, согласно каким критериям Пекин осуществляет распределение мероприятий в сфере публичной дипломатии среди стран ЦЮА (раздел 5.1). Далее мы оцениваем, обуславливает ли воздействие этих мероприятий в сфере публичной дипломатии на страны ЦЮА: (i) более благоприятное восприятие китайского руководства (раздел 5.2); (ii) более сильную ориентацию на Китай при голосовании на заседаниях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (раздел 5.3); и (iii) желательный торговый баланс с этими странами (раздел 5.4).¹⁶⁷

Основные выводы, представленные в этой главе Определяющие факторы публичной дипломатии Китая

- *Финансовая дипломатия Пекина в странах ЦЮА связана с увеличением численности китайских мигрантов и созданием новых китайских компаний.*
- *Высокая численность китайских мигрантов в странах ЦЮА связана с меньшим числом соглашений о городах-побратимах и учреждений Конфуция.*

Связь между китайской публичной дипломатией и желательными для Китая результатами

- *Интервью, пресс-конференции и обзорные статьи, написанные высшим руководством, а также учреждения Конфуция обуславливают благоприятное восприятие китайского руководства.*
- *Граждане стран ЦЮА, по всей видимости, имеют полярные точки зрения относительно финансовой дипломатии Пекина и визитов элит: эти методы публичной дипломатии обуславливают как снижение уровня одобрения, так и снижение уровня неодобрения деятельности правительства Китая.*
- *Ни один из проверенных нами методов публичной дипломатии, по всей видимости, не обуславливает более сильную ориентацию на Пекин при голосовании на заседаниях ГА ООН.*
- *Количество китайских институтов Конфуция связано с чистым объемом экспорта китайских промышленных товаров, потребительских товаров, полуфабрикатов и сырьевых товаров в страны ЦЮА.*

5.1

Что определяет способы реализации мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина в других странах?

В главе 2 мы установили, что Пекин использует различные объемы и структуру мероприятий в сфере публичной дипломатии в разных странах региона ЦЮА. Как указано в главах 3 и 4, участники опроса из шести исследуемых стран в целом подтвердили этот вывод и представили свои соображения относительно того, что является движущей силой деятельности Пекина в сфере публичной дипломатии. На основании данных, полученных в процессе опроса, в этом разделе мы проводим оценку двух групп возможных определяющих факторов объема и типа мероприятий в сфере публичной дипломатии, применяемых Пекином в отношении стран ЦЮА: (1) экономические возможности (предполагаемая ценность страны ЦЮА как рынка для китайских инвестиций и бизнеса); и (2) восприимчивость к влиянию (вероятность успеха, обусловленного

¹⁶⁷ Мы просто рассматриваем соотношение или взаимосвязь между мероприятиями в сфере публичной дипломатии Китая и несколькими возможными результатами, а не утверждаем, что это соотношение имеет причинно-следственный характер. Мы пытались контролировать широкий спектр потенциальных искажающих факторов, но не можем исключить возможность того, что полученные нами результаты обусловлены не выявленным нами смещением переменной, обратной причинно-следственной связью, систематической ошибкой выборки или погрешностью измерений.

благоприятными условиями в стране ЦЮА).¹⁶⁸ В таблице 2 указано несколько гипотез относительно того, в какой степени, по нашему мнению, Пекин учитывает каждый из этих факторов при применении комплекса методов публичной дипломатии в странах ЦЮА.¹⁶⁹

Для каждой гипотезы мы определили косвенные показатели этих факторов и построили модель панельной регрессии, чтобы оценить степень определения этими факторами способа распределения мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая в различных странах. В качестве независимых переменных мы используем те же показатели мероприятий в сфере публичной дипломатии, что применялись в главе 2: институты и классы Конфуция (культурная дипломатия), города-побратимы (дипломатия обмена), визиты официальных лиц (дипломатия элит) и официальное финансирование с дипломатическими намерениями (финансовая дипломатия).¹⁷⁰ Единственным исключением относительно использованного нами ранее подхода является информационная дипломатия, для оценки которой мы применяем составной показатель, охватывающий: (1) интервью, обзорные статьи и пресс-конференции высшего руководства Китая; (2) обзорные статьи послов Китая; и (3) визиты журналистов стран ЦЮА в Китай по каждому году. Дополнительная информация о переменных, предположениях и методах анализа представлена в Приложении. В этом разделе мы указываем только некоторые результаты, представляющие интерес в свете данных по исследуемым странам, а в таблице 3 приведены результаты оценки по всем переменным, перечисленным в таблице 2.

5.1.1

Финансовая дипломатия Пекина в странах ЦЮА связана с увеличением численности китайских мигрантов и созданием новых китайских компаний¹⁷¹

Если предложения относительно финансирования привязаны к использованию китайских компаний, что часто имело место в странах, охваченных нашим исследованием, для Пекина более привлекательным подходом может быть направление денежных средств в страны, где уже обосновалось большое число китайских компаний. Китайские компании являются известным ценным ресурсом, с которым работает Пекин, используя его для снижения риска дефолта посредством реализации практики

«кругового кредитования», в результате применения которой, можно сказать, что денежные средства вообще не покидают пределы Китая, поскольку они переходят от Китайского банка развития к китайской компании, реализующей проект (Horn и др., 2019 г.). В связи с этим, вероятно, нет ничего удивительного в том, что по мере увеличения количества новых китайских компаний и китайских мигрантов в странах ЦЮА объем мероприятий в сфере финансовой дипломатии Пекина в этих странах также возрастает.

Возможно также, что сами китайские компании являются катализатором, привлекающим финансирование Пекина в страны ЦЮА. В качестве примера: интервьюируемые в некоторых исследуемых странах указывали, что китайские компании часто выявляют перспективные проекты, в отношении которых они имеют сильные позиции в случае объявления конкурса на их реализацию, а затем настоятельно рекомендуют правительству страны-получателя обратиться к Пекину с предложением об осуществлении этих проектов в рамках инициативы ОПОП. Подобным образом, мы также установили, что на страны ЦЮА, в которых находится значительное число китайских мигрантов, приходится больший объем мероприятий в сфере финансовой дипломатии. Это дает основание полагать, что китайские мигранты могут быть таким же ресурсом Пекина, как и китайские компании, поскольку они представляют готовый резерв рабочей силы, доступной для использования на крупных инфраструктурных проектах.

Другим интересным моментом является то, что повышение доступности Интернета связано с уменьшением числа визитов официальных лиц и снижением объема мероприятий в сфере финансовой дипломатии Пекина. Это может означать, что Пекин уделяет меньше внимания привлечению на свою сторону элиты при помощи денежных средств и визитов в странах, где цифровые сети более доступны для общественности и, соответственно, общество имеет больше возможностей высказывать свое мнение. С другой стороны, это может быть для Пекина стратегией снижения риска, если он полагает, что финансовая дипломатия и дипломатия элит, скорее всего, вызывают негативное отношение в случае, когда граждане имеют больше возможностей использования Интернета для более активного выражения своего коллективного мнения.

¹⁶⁸ В работе Custer и др. (2018 г.) мы также учли проблемы безопасности, косвенно представленные факторами военного противостояния с Китаем, наличия или отсутствия военного договора со США и согласованным с Китаем голосованием на заседаниях ГА ООН. Здесь мы не используем эти переменные вследствие слишком малого объема данных по странам ЦЮА и их незначительного различия.

¹⁶⁹ В проведенных ранее исследованиях на уровне данных респондентов и данных по стране был определен ряд факторов, влияющих на мнение общественности относительно Китая и других иностранных государств. Мы использовали эти источники для выбора контрольных переменных.

¹⁷⁰ В главе 2 мы использовали число соглашений о городах-побратимах, а также институтов и классов Конфуция, которые Китай ежегодно подписал или открыл. В этой главе мы используем совокупную величину, поскольку хотим определить влияние этих учреждений и соглашений со временем. В отличие от разовых визитов представителей элиты, пресс-конференций и интервью для СМИ, соглашения о городах-побратимах, а также институты и классы Конфуция, вероятно, будут продолжать оказывать влияние в течение длительного времени после их реализации. Мы внесли задержку всех используемых нами независимых переменных на один год.

¹⁷¹ Данные Министерства торговли КНР (MOFCOM) касаются китайских компаний, осуществляющих инвестиции за границей, в том числе компаний, которые выходят на рынок стран ЦЮА, создавая новые предприятия или посредством приобретения более 10 % активов местной компании. Однако Министерство торговли не предоставляет информацию по объему финансовых инвестиций или фактическому статусу отдельных инвестиционных проектов после момента начальной регистрации инвестиций. В исследовании, представленном в работе Shen (2015 г.), указано, что в некоторых странах фактический объем внешних прямых иностранных инвестиций Китая может в три раза превышать значение, полученное согласно официальным данным Министерства торговли КНР.

5.1.2

Высокая численность китайских мигрантов в странах ЦЮА связана с меньшим числом соглашений о городах-побратимах и учреждений Конфуция

Проведенные ранее исследования дают основание полагать, что Пекин пытается использовать китайских мигрантов, находящихся в другой стране, в качестве средства доступа к общественности или связующего звена для осуществления влияния на доминирующие настроения общества (Brady, 2017 г.). Действительно, Custer и др. (2018 г.) нашли данные, подтверждающие эту точку зрения, поскольку наличие значительной китайской диаспоры в странах региона Восточной Азии и Тихого океана сопровождалось большим числом соглашений о городах-побратимах и институтов Конфуция. Примечательно, что в случае региона Центральной и Южной Азии картина полностью противоположная: большое число китайских мигрантов фактически соответствовало меньшему числу соглашений о городах-побратимах и институтов Конфуция.

Одной из возможных причин такого результата является то, что, по мнению Пекина, мигрантов можно привлечь к реализации народной дипломатии в странах с многочисленной китайской диаспорой, которая может выполнять для него роль связующего звена. Например, если

сообщества китайских мигрантов сильно интегрированы в основное население стран ЦЮА, они потенциально могут служить в качестве представителей своего народа в конкретной стране, повышая информированность общественности в отношении китайских культуры и ценностей. Тем не менее, если это действительно используемая Пекином стратегия, то ее реализация может столкнуться с серьезной проблемой в форме преобладающих предубеждений и негативного отношения к китайским мигрантам и туристам, высказанных интервьюируемыми из стран ЦЮА, как указано в главах 3 и 4.

С другой стороны, возможно, Пекину известно об этом негативном восприятии, и он ожидает возникновения потенциальных проблем привлечения на свою сторону общественности стран с многочисленной китайской диаспорой, поэтому приоритетность таких стран ЦЮА снижается, как менее подходящих для широкого развертывания мероприятий китайской дипломатии. Для представления более убедительного пояснения потребуются более глубокое понимание демографических характеристик сообществ китайских мигрантов, а также их значения и интеграции в местное сообщество, а это выходит за пределы данного конкретного проекта исследований, однако этот вопрос целесообразно рассмотреть при проведении будущих исследований.

Таблица 2. Анализ определяющих факторов распределения мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина

Фактор	Проверяемая гипотеза	Используемые косвенные показатели
Экономические возможности	Пекин реализует больший объем и большее разнообразие мероприятий в сфере публичной дипломатии в странах ЦЮА, которые, по его мнению, имеют высокую ценность (а не низкую ценность) как рынки сбыта для китайских товаров, услуг и инвестиций.	Ценность рынка для Китая определяется следующими параметрами: <ul style="list-style-type: none"> • масштабы экономики (ВВП); • суммарный объем природно-ресурсной ренты (в процентах от ВВП); • объем импорта Китаем из страны ЦЮА; • количество новых китайских компаний, выходящих на рынок за год.
Восприимчивость к влиянию	Пекин использует ситуативный подход, осуществляя больший объем и разнообразие мероприятий в сфере публичной дипломатии в странах ЦЮА, которые он считает восприимчивыми к китайскому влиянию, чем в странах, являющихся менее восприимчивыми.	Восприимчивость к влиянию Пекина определяется следующими параметрами: <ul style="list-style-type: none"> • электоральная демократия; • восприятие коррупции; • масштабные случаи политического насилия; • численность китайских мигрантов; • доступ к Интернету в процентах от численности населения; • сменяемость политических коалиций в стране.

Примечание: мы используем все переменные, указанные в этой таблице, как контрольные переменные в каждой из пяти моделей, соответствующих пяти категориям публичной дипломатии. Более подробную информацию относительно переменных и описание моделей см. в Приложении.

Таблица 3. Определяющие факторы публичной дипломатии Пекина в странах ЦЮА, 2001–2017 гг.

	Информационная дипломатия	Финансовая дипломатия	Дипломатия обмена (города-побратимы)	Культурная дипломатия (ИК/КК)	Дипломатия элит (визиты государственных деятелей)
ВВП	-	-	+	+	+
Доступ к Интернету (в процентах от численности населения)	+	-	-	-	-
Объем природно-ресурсной ренты (в процентах от ВВП)	+	+	-	-	+
Индекс восприятия коррупции	-	+	-	+	+
Численность китайских мигрантов	-	+	-	-	+
Случаи политического насилия	+	+	+	+	-
Электоральная демократия	+	-	+	+	+
Количество новых китайских компаний, выходящих на рынок	-	+	+	+	+
Объем импорта Китая из страны ЦЮА	-	-	-	+	+
Сменяемость политических коалиций в стране.	+	+	+	+	+

Примечание: по всем переменным внесена задержка на один год; клетки таблицы, отмеченные зеленым цветом, указывают на то, что связь между переменной и категорией дипломатии является существенной при уровне значимости (α) 0,05 или ниже.

Таблица 4. Анализ благоприятного отношения общественности и публичной дипломатии Пекина

Фактор	Проверяемая гипотеза	Используемые косвенные показатели
Объем мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая	Отношение людей, проживающих в странах, где осуществляется большой объем мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина, к руководству Китая является более благоприятным, чем отношение в странах с меньшим объемом таких мероприятий.	Объем мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина в конкретной стране ЦЮА определяется следующими параметрами: <ul style="list-style-type: none"> • наличие институтов и классов Конфуция; • объем (в долларах США) официального финансирования Китаем проектов инфраструктуры, списания долгов, общей бюджетной поддержки и гуманитарной помощи; • количество визитов государственных деятелей Китая и конкретной страны ЦЮА; • количество пресс-конференций, интервью и обзорных статей руководства Китая; обзорных статей, написанных послами Китая; количество поездок журналистов стран ЦЮА в Китай.
Социально-экономические характеристики на индивидуальном уровне (контрольные переменные)	Некоторые люди склонны к более благоприятному (или менее благоприятному) отношению к Пекину вследствие имеющегося у них личного жизненного опыта.	Мы предусмотрели несколько контрольных переменных для оценки, изменяется ли степень благоприятного (неблагоприятного) восприятия Китая в зависимости от конкретных индивидуальных особенностей: <ul style="list-style-type: none"> • пола; • возраста; • уровня образования; • дохода; • статуса занятости; • проживания в городской или сельской местности.
Характеристики страны, в которой проживает конкретное лицо (контрольные переменные)	Некоторые люди склонны к более благоприятному (или менее благоприятному) отношению к Пекину в связи с особенностями страны, в которой они проживают.	Мы предусмотрели несколько контрольных переменных для оценки, изменяется ли степень благоприятного (неблагоприятного) восприятия Китая в зависимости от особенностей страны, в которых проживают респонденты: <ul style="list-style-type: none"> • ВВП; • электоральная демократия; • коррупция; • сменяемость политических коалиций в стране; • количество новых китайских компаний, выходящих на рынок.

Примечание: нам пришлось исключить из этих моделей соглашения о городах-побратимах вследствие их сильной корреляции с учреждениями Конфуция. Более подробную информацию относительно переменных и описание моделей см. в Приложении.

Таблица 5. Публичная дипломатия Пекина и восприятие общественностью, согласованность внешней политики и чистый объем экспорта

	Одобрение китайского руководства	Неодобрение китайского руководства	Ориентация на голосование Пекина в ГА ООН	Чистый экспорт (промышленные товары)	Чистый экспорт (потребительские товары)	Чистый экспорт (полуфабрикаты)	Чистый экспорт (сырье)
Информационная дипломатия	+	-	-	+	-	-	-
Финансовая дипломатия	-	-	+	+	-	-	-
Культурная дипломатия (ИК/КК)	+	-	+	-	-	-	-
Дипломатия элит (визиты государственных деятелей)	-	-	-	+	+	+	-

Примечание: клетки таблицы, отмеченные зеленым цветом, указывают на то, что связь между переменной и категорией дипломатии является существенной при уровне значимости (α) 0,1 или ниже. Эти результаты получены с использованием моделей, включающих четыре категории публичной дипломатии и контрольные переменные. Модель одобрения/неодобрения китайского руководства охватывает период 2009–2017 гг. Модель голосования на заседаниях ГА ООН и модель чистого экспорта Китая охватывают период 2005–2017 гг. Мы исключили соглашения о городах-побратимах из анализа, чтобы избежать мультиколлинеарности переменных модели, поскольку эта переменная сильно коррелирована с институтами и классами Конфуция. Более подробная информация представлена в Приложении.

5.2 Почему некоторые люди и некоторые страны воспринимают Пекин в более благоприятном свете, чем другие?

Одной из целей инициатив Пекина в сфере публичной дипломатии является склонение общественного мнения в странах ЦЮА в более благоприятную для Пекина сторону (см. главу 1). Многие интервьюируемые в исследуемых нами странах одобрительно относились к инвестициям Пекина в экономику своих стран, однако предостережения о долговом кризисе, обвинения в использовании коррупционных схем и общая непрозрачность кулуарных сделок вызвали дебаты среди общественности и в некоторых случаях способствовали изменению отношения. Вместе с тем, популярным тезисом было то, что реализация инициатив Пекина в отношении общественности других стран усложняется предполагаемыми культурными и языковыми различиями Китая и общественности многих

стран ЦЮА. Тем не менее некоторые интервьюируемые, а также эксперты утверждают, что Пекин укрепил свою репутацию в регионе с использованием дипломатии «мягкой силы», охватывающей широкий спектр элементов — от стипендий до институтов Конфуция и прочих мероприятий (Peyrouse, 2016 г.; Scobell и др., 2014 г.).

В этом разделе мы оцениваем, действительно ли граждане стран ЦЮА, на которые приходится больший объем мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая, проявляют более благоприятное отношение к Пекину. Более конкретно, мы определяем, в какой степени восприятие гражданами руководства Китая (как условный показатель благоприятного или неблагоприятного отношения к Пекину) коррелировано с объемом мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая в данной стране ЦЮА.¹⁷² В качестве показателя восприятия гражданами Китая мы использовали данные ежегодного опроса общественного мнения — всемирного опроса Gallup World Poll за период с 2009 по 2017 гг., в котором респонденты из стран ЦЮА (за исключением Мальдив) отвечали на вопрос, одобряют ли они или не одобряют деятельность высшего руководства Китая.¹⁷³

¹⁷² Вследствие сильной корреляции между суммарным количеством институтов и классов Конфуция и соглашений о городах-побратимах мы решили исключить из моделей соглашения о городах-побратимах. В связи с этим мы анализируем соотношение между четырьмя методами публичной дипломатии, указанными в **таблице 4**, и восприятием граждан.

¹⁷³ Респонденты могли также выбрать варианты ответа «не знаю / не уверен(-а)». В рамках опроса GWP ставился такой же вопрос относительно других государств, например, США и России. Мы используем контрольные переменные, представляющие социально-экономические характеристики отдельных лиц и параметры стран, в которых проживают респонденты; однако мы не интерпретируем воздействие этих контрольных переменных. Вместо этого мы концентрируемся на основных представляющих интерес переменных — четырех категориях мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая.

Если мероприятия в сфере публичной дипломатии Пекина принесут репутационные дивиденды, на которые он рассчитывает, то можно ожидать получения более высокого уровня одобрения (и более низкого уровня неодобрения) деятельности руководства Китая среди граждан стран, на которые приходится больший объем мероприятий в сфере публичной дипломатии, и наоборот.¹⁷⁴ Ограничения, связанные с имеющимися данными, не позволяют нам сделать вывод о том, что такое восприятие было явно обусловлено объемом мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина, приходящихся на данную страну; вместо этого мы указываем, существует ли связь между этими переменными, и какой она имеет характер. Кроме того, мы также учитываем социально-экономические характеристики респондентов и параметры стран проживания, которые могут влиять на их восприятие деятельности руководства Китая. В таблице 4 представлена подробная информация об этих гипотезах и косвенных показателях, используемых для эмпирической проверки указанных взаимосвязей, а в таблице 5 показаны обобщенные результаты.

5.2.1

Интервью, пресс-конференции и обзорные статьи, написанные высшим руководством, а также учреждения Конфуция обуславливают более благоприятное восприятие руководства Китая

Хотя использование Пекином СМИ вызывает критику во всем мире, его инициативы в сфере информационной дипломатии способствуют повышению степени одобрения (соответственно снижению уровня неодобрения) деятельности китайского руководства. Эти инициативы, главным образом представляющие собой широко освещаемые СМИ выступления высших официальных лиц в формате интервью, пресс-конференций и написания обзорных статей, рекламируемых на местных информационных каналах стран ЦЮА, могут предоставить руководству Китая больше возможностей для охвата более широкой аудитории через каналы, пользующиеся в стране большим доверием, чем собственные каналы международного вещания Пекина.¹⁷⁵ Несомненно, существует вероятность, что Пекин способен обеспечить первоочередность освещения интервью, пресс-конференций и обзорных статей в тех местах и в то время, когда общественное мнение более благоприятно настроено в отношении китайского руководства.

Аналогичным образом, хотя институты Конфуция в последние годы получили несколько негативное освещение в СМИ как инструменты пропаганды китайского правительства, мы установили, что граждане стран ЦЮА, в которых расположено большее число учреждений Конфуция, в большей степени одобряли деятельность китайского правительства. Одна из возможных причин этого состоит в том, что Пекин на начальном этапе осуществляет свою культурную дипломатию в странах ЦЮА, где преобладает более благоприятное мнение о Китае. Это вполне вероятно, поскольку создание институтов Конфуция требует наличия партнеров, готовых предоставить им возможность работы, и такая готовность может быть более сильной в странах, где преобладает благоприятное отношение к китайскому руководству. Вторая возможная причина заключается в том, что учреждения Конфуция в странах ЦЮА могут способствовать повышению заинтересованности и положительному отношению к Пекину в результате изучения языка и проведения культурных мероприятий.

5.2.2

Граждане стран ЦЮА, по всей видимости, имеют полярные точки зрения относительно финансовой дипломатии Пекина и визитов элит: эти мероприятия обуславливают как снижение уровня одобрения, так и снижение уровня неодобрения деятельности правительства Китая

Инфраструктурные проекты, финансируемые правительством Китая в конкретной стране, были самыми важными показателями инициатив в сфере публичной дипломатии Пекина для большинства участников опроса. Однако изучение фактической ситуации в шести исследуемых странах показало, что такая широкая известность этого направления деятельности может производить двоякий эффект: привлекающая всеобщее внимание финансовая дипломатия может служить как в качестве показателя положительной деятельности Китая, так и в качестве предостережения в отношении расточительного расходования денежных средств. В отличие от этого Custer и др. (2018 г.) установили, что в странах региона Восточной Азии и Тихого океана финансовая дипломатия обуславливала более благоприятное отношение к Китаю.¹⁷⁶

¹⁷⁴ Как указано в работе Kugiel (2012 г.), хотя опросы общественного мнения представляют собой наиболее эффективное средство определения «мягкой силы» конкретной страны, «необходимо отметить возможное расхождение мнений, выражаемых обществом и правящей элитой. Эта проблема может представлять особую важность в недемократических странах, где официальная политика может не отражать настроения народа». Мы понимаем, что это может быть важным моментом, в частности, для стран Центральной Азии; однако опрос GWP предоставляет уникальные данные общественного мнения с точки зрения временного диапазона и охвата различных стран.

¹⁷⁵ Используемый нами показатель включает обзорные статьи, написанные послами Китая, и поездки журналистов, организованные Министерством иностранных дел Китая.

¹⁷⁶ В работе Custer и др. (2018 г.) используется другой показатель восприятия общественностью, представленный ответами на три вопроса в рамках опроса «Азиатский барометр»: (1) является ли Китай самой влиятельной страной Азии; (2) оказывает ли Китай, в общем, положительное влияние на страну респондента; и (3) следует ли использовать Китай в качестве модели для развития страны респондента. Авторы установили, что финансовая дипломатия Китая обуславливает представление респондентами Китая как страны, реализующей наиболее эффективную модель развития и являющейся позитивным фактором для их стран. В сравнении с опросом «Азиатский барометр» всемирный опрос Gallup World Poll охватывает значительно больший период времени и содержит данные почти по всем странам региона ЦЮА.

По всей видимости, граждане стран ЦЮА в большей степени имеют полярные точки зрения в отношении финансовой дипломатии Пекина: эта деятельность обуславливает как снижение уровня одобрения, так и снижение уровня неодобрения руководства Китая. Данные нескольких исследований, проведенных с учетом причинно-следственных связей, показывают, что Пекин направляет большой объем мероприятий в сфере финансовой дипломатии в страны, где отношение общественности к Китаю на базовом уровне является более благоприятным (Blair и др., 2019 г.; Brazys и Dukalskis, 2019 г.). Если это так, то мероприятия в сфере финансовой дипломатии с течением времени, возможно, приводят к снижению или даже изменению на противоположное указанного благоприятного отношения. Ответы интервьюируемых указывают некоторые возможные причины такой ситуации: а именно, непрозрачность условий сделок Пекина, стремление связать финансирование с использованием китайских компаний и рабочей силы, а также расширяющиеся дискуссии в некоторых странах относительно рисков задолженности.

По результатам нескольких исследований было установлено, что поддерживаемые правительством Китая инфраструктурные проекты и проекты развития в других регионах не всегда улучшают, а в некоторых случаях фактически ухудшают общественное мнение в отношении Пекина. Например, Eichenauer и др. (2018 г.) установили, что предоставленное Китаем финансирование развития в странах Латинской Америки никак не повлияло на отношение общественности к Пекину, а в то же время предоставление США финансирования развития привело к более благоприятному отношению общественности к США. Blair и др. (2019 г.) обнаружили, что реализация китайских проектов развития в Африке фактически ухудшает общественное мнение относительно Пекина. Вместе с тем при проведении рандомизированного контролируемого исследования в Уганде Findley и др. (2017 г.) установили, что широкая общественность доверяет и предпочитает таких доноров, как Всемирный банк и Африканский банк развития, которые обеспечивают простоту контроля финансируемых ими проектов; в отношении Пекина справедливо обратное утверждение.

Подобно финансовой дипломатии взаимные визиты государственных деятелей Китая и стран ЦЮА обуславливают как снижение уровня одобрения китайского руководства, так и снижение уровня неодобрения. Возможно, эти визиты элит способствуют более близкому знакомству с Пекином, которое изменяет отношение людей от неопределенного к более сильному одобрению или неодобрению в отношении китайского руководства. В другом варианте эти разнородные результаты могут быть в большей степени обусловлены профилем страны-получателя, а не рассматриваемым методом публичной дипломатии, если в стране со значительным числом визитов между элитами на начальном этапе существует более поляризованное отношение к китайскому руководству.

5.3

Связаны ли инициативы в сфере публичной дипломатии Пекина с более благоприятной для него позицией стран в области внешней политики?

Пекин заинтересован не только в привлечении на свою сторону общественности, но также в оказании влияния на лидеров, чтобы склонить их к поддержке предпочтительной для него политической позиции (см. главу 1). Интервьюируемые из шести исследуемых стран отметили ряд конкретных мотивов реализации инициатив Пекина в их странах: обеспечение поддержки «принципа единого Китая», обеспечение безопасной транспортировки экспортных и импортных товаров, укрепление стабильности в неспокойных западных регионах Китая (например, Тибет, Синдзян), противодействие гегемонии стратегических конкурентов (например, Индия, Россия) и минимизация осуждения внутренней политики Пекина.

Кроме того, некоторые интервьюируемые также отметили, что Пекин, по всей видимости, нацеливает свои мероприятия в сфере публичной дипломатии на элиту, а не на широкую общественность. Соответственно, мы ожидаем выявить связь между этими инициативами и решениями в области внешней политики, принимаемыми лидерами стран ЦЮА. Поскольку Пекин имеет не только региональные, но и глобальные амбиции, склонение лидеров стран ЦЮА к согласованным с Пекином действиям в международных организациях, принимающих решения, также является исключительно важным фактором для демонстрации силы через число сторонников Китая при необходимости получения решающего голоса в процессе голосования по важным для него вопросам.¹⁷⁷

Учитывая широту и разнообразие интересов Пекина, можно использовать различные показатели для оценки степени согласованности внешней политики между правительством Китая и конкретной страной ЦЮА, включая, среди прочего, дипломатические миссии и визиты, визовые ограничения, военные базы, принятие решений в рамках региональных объединений (например, СААРК, ШОС, БИМСТЕК), а также анализ текста и тональности правительственных заявлений. В этом исследовании мы приняли решение использовать данные голосования на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) в качестве косвенного показателя согласования внешней политики с позицией Пекина.

Этот выбор был обусловлен несколькими причинами. Данные голосования на заседаниях ГА ООН имеются по всем странам во времени, и они проявляют более высокую степень изменчивости, чем данные голосования по другим вопросам внешней политики. Поскольку значительное число резолюций ГА ООН имеют, в сущности, символический характер, они содержат значительный объем информации об

¹⁷⁷ Например, Laruelle (2018 г.) отмечает, что Пекин ожидает от стран Центральной Азии «поддержки «принципа единого Китая», включая отказ от поддержки уйгуров, сотрудничества по вопросу «розыска диссидентов» в рамках Региональной антитеррористической структуры ШОС, ограничения отношений с Тайванем, молчания по проблеме Тибета и (в некоторых случаях) согласованной с Китаем позиции в Совете Безопасности ООН».

Дополнение 2. Согласованность голосования на заседаниях ГА ООН: сходство идеальных точек

В работе Bailey и др. (2017 г.) используется модель, предоставляющая данные с учетом согласованного голосования, различного голосования или воздержания от голосования стран на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН).¹ В этой модели не учитываются необработанные результаты попарного голосования. Для реализации этого условия применяется математическая формула, контролирующая повестку дня ГА ООН. В качестве гипотетического примера, подтверждающего необходимость контроля повестки дня ГА ООН, представим, что на одном заседании все члены ГА ООН могут голосовать по десяти совершенно различным вопросам. Страны А и Б могут согласовать друг с другом девять из десяти вопросов.

Это показывает высокую степень согласованности между указанными

двумя странами. Однако в рамках повестки дня ГА ООН на следующем заседании может проводиться десятикратное голосование по одному вопросу, который указанные две страны не смогли согласовать перед предыдущим заседанием. На первый взгляд, высокий уровень несогласованности на втором заседании показывает, что эти страны не согласуют позиции друг с другом. Однако такой вывод просто обусловлен особенностью повестки дня ГА ООН — эти страны фактически в значительной степени *согласовывают* свои позиции.

Модель, использованная Bailey и др., содержит математическую формулу, контролирующую изменения повестки дня для получения более точной картины согласованности позиций между странами. В результате применения этой формулы определяется переменная, соответствующая расхождению между странами-членами ООН, которая позволяет разместить каждую страну

на латентной шкале, изменяющейся во времени. Это дает исследователям возможность сравнения различных стран на одной шкале. Следует отметить, что полученные идеальные точки отражают согласованность позиции стран по *глобальным* вопросам, но не обязательно будут отражать неожиданный кризис в двусторонних отношениях. Например, Пакистан и Индия обычно имеют высокую степень согласованности, поскольку голосуют в значительной мере аналогичным образом по **глобальным** вопросам, таким как ядерное оружие и ядерные материалы, контроль над вооружениями и разоружение, израильско-палестинский конфликт и т. д. В случае возникновения кризиса, приводящего к временному повышению напряженности между этими двумя странами Южной Азии, по всей видимости, характер их голосования на заседаниях ГА ООН внезапно не изменится.

Таблица 6. Анализ данных голосования на заседаниях ГА ООН и публичной дипломатии Пекина

Фактор	Проверяемая гипотеза	Используемые косвенные показатели
Объем мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая	Страны, на которые приходится более высокий объем мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина, будут проявлять большую готовность к согласованию с Пекином голосования на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН.	Объем мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина в конкретной стране ЦЮА определяется следующими параметрами: <ul style="list-style-type: none"> • наличие институтов и классов Конфуция; • объем (в долларах США) официального финансирования Китаем проектов инфраструктуры, списания долгов, общей бюджетной поддержки и гуманитарной помощи.
Политический климат в странах ЦЮА	Некоторые страны склонны к согласованию в большей или меньшей степени голосования на заседаниях ГА ООН с Пекином вследствие своего политического выбора и существующих условий.	Мы определяем, происходит ли систематическое изменение согласованности голосования стран ЦЮА с Пекином на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) под влиянием нескольких факторов внутренней политики: <ul style="list-style-type: none"> • электоральная демократия; • масштабные случаи политического насилия; • сменяемость политических коалиций в стране.
Экономический климат в странах ЦЮА	Некоторые страны склонны к согласованию в большей или меньшей степени голосования на заседаниях ГА ООН с Пекином вследствие своего экономического выбора и существующих условий.	Мы используем следующие контрольные переменные: <ul style="list-style-type: none"> • ВВП; • количество новых китайских компаний, выходящих на рынок; • восприятие коррупции.
Ситуация в сфере внешней политики стран ЦЮА	Инерция принятых ранее решений в области внешней политики означает, что страны, которые ранее ориентировались на позицию Пекина, с большей долей вероятности, будут голосовать в настоящее время согласованно с Пекином, чем страны, исторически в меньшей степени ориентированные на Китай.	Мы предусмотрели контрольные переменные для оценки возможности влияния предшествующей согласованности внешней политики на текущее голосование на заседаниях ГА ООН. Мы включили показатель степени согласованности с Пекином голосования конкретной страны на заседаниях ГА ООН в течение предшествующего года, поскольку полагаем, что высокая степень согласованности в конкретном году означает аналогичную согласованность в следующем году.

Примечание: мы исключили из этих моделей соглашения о городах-побратимах вследствие их сильной корреляции с учреждениями Конфуция. Более подробную информацию относительно переменных и описание моделей см. в Приложении.

интересах страны в сфере внешней политики по различным вопросам безопасности, гуманитарным и политическим проблемам. Наконец, имеется значительное число научных публикаций, подтверждающих ценность использования голосования на заседаниях ГА ООН при исследовании изменений и сходства внешней политики (например, Strüver, 2012 г.; Bailey и др., 2017 г.; Dreher и др., 2018 г.).

Мы провели оценку с использованием набора моделей панельной регрессии для определения, существует ли связь между мероприятиями в сфере публичной дипломатии Пекина и степенью согласованного голосования стран ЦЮА с Пекином на заседаниях ГА ООН.¹⁷⁸ На основе предшествующей работы, выполненной Bailey и др. (2017 г.), мы рассчитали абсолютную разность между идеальными точками при голосовании на заседаниях ГА ООН для Пекина и для конкретной страны ЦЮА в течение периода с 2000 по 2017 гг. как зависимую переменную согласованности внешней политики страны с правительством Китая. Учитывая, что внутренняя политическая и экономическая ситуация конкретной страны, а также исторически сложившиеся позиции в сфере внешней политики могут также оказывать влияние на степень поддержки Пекина лидерами стран на заседаниях ГА ООН, мы также предусмотрели контрольные переменные для оценки этих взаимосвязей. В таблице 6 представлено несколько гипотез относительно предполагаемых связей, которые мы ожидаем увидеть между этими факторами и голосованием стран в ГА ООН, а в Таблице 5 обобщаются результаты.

5.3.1

Ни один из проверенных нами методов публичной дипломатии, по всей видимости, не обуславливает более сильную ориентацию стран ЦЮА на Пекин при голосовании на заседаниях ГА ООН

В противоположность тому, чего, возможно, ожидал Пекин, мы не выявили четкого подтверждения систематической связи между методами публичной дипломатии Пекина и готовностью лидеров ЦЮА поддерживать Китай на заседаниях ГА ООН. Примечательно, что при этом возникают вопросы, касающиеся эффективности предполагаемого использования Пекином «дипломатии долговых ловушек» с целью «получения стратегических уступок, например, касающихся территориальных споров в Южно-Китайском море или замалчивания нарушения прав человека» (Кюо и Kommenda, 2018 г.). Возможно, это дополнительно подтверждает утверждения интервьюируемых в странах ЦЮА, которые указывали, что их лидеры стремились сохранить «независимую внешнюю политику», а не подчиняться какой-либо другой конкретной стране.

Конечно, важно увязывать это предполагаемое отсутствие результата с контекстом. Хотя согласованность голосования на заседаниях ГА ООН представляет собой широко используемый показатель оценки согласованности внешней политики различных стран, он, вероятно, не является наиболее уместным показателем для региона ЦЮА. Региональные объединения, такие как ШОС, СААРК и БИМСТЕК могут быть сравнительно более важными форумами принятия решений, в рамках которых Китай может оказывать влияние на политику своих соседей в регионе (Alimov, 2018 г.). Вместе с тем, многие интервьюируемые в различных исследуемых странах выражали скептицизм в отношении фактического значения принятия решений этими региональными многосторонними объединениями и утверждали, что Пекин значительно большее внимание уделяет двусторонним каналам взаимодействия для защиты своих интересов.

5.4

Обуславливает ли деятельность Пекина в сфере публичной дипломатии более выгодный торговый баланс со странами ЦЮА?

Как указано ранее, в части экономики лидеры Китая преследуют в регионе ЦЮА несколько конкретных целей: продуктивное использование избыточных резервов иностранной валюты, заключение преференциальных сделок, развитие торговых маршрутов для расширения доступа на мировые рынки и доступ к энергетическим ресурсам Центральной Азии для уменьшения зависимости от России. В этом исследовании мы используем знак сальдо торгового баланса между Китаем и странами ЦЮА в качестве косвенного показателя для оценки связи между инициативами Пекина в сфере публичной дипломатии и торговым балансом со странами ЦЮА по четырем различным группам товаров: промышленные товары, потребительские товары, полуфабрикаты и сырье.¹⁷⁹

Хотя с точки зрения правительства Китая желательное достижение итогового положительного торгового баланса (т. е. превышения стоимости экспорта над импортом), по каждой группе товаров у Китая имеются потребности, которые его экономика не в состоянии полностью удовлетворить. Мы полагаем, что такие потребности в наибольшей степени проявляются в сфере сырьевых товаров и полуфабрикатов,¹⁸⁰ учитывая текущую

¹⁷⁸ Вследствие сильной корреляции между суммарным количеством институтов и классов Конфуция и соглашений о городах-побратимах мы решили исключить из моделей соглашения о городах-побратимах. В связи с этим мы анализируем связь между четырьмя методами публичной дипломатии и согласованностью голосования на заседаниях ГА ООН.

¹⁷⁹ С точки зрения общих тенденций торговых отношений Пекина со странами ЦЮА Китай является нетто-экспортером промышленных и потребительских товаров и нетто-импортером сырья. Положительное сальдо торгового баланса означает, что стоимость товаров, экспортируемых Китаем в страну ЦЮА, превышает стоимость товаров, импортируемых из этой страны, а отрицательное сальдо торгового баланса подразумевает, что стоимость товаров, импортируемых Китаем из страны ЦЮА, превышает стоимость товаров, экспортируемых в эту страну. Китай стремится достичь положительного итогового сальдо торгового баланса, но по группам полуфабрикатов и сырья может желать получения отрицательного сальдо торгового баланса, чтобы обеспечить наличие ресурсов, требуемых для экономического роста.

¹⁸⁰ Эти две группы охватывают такие товары, как минеральное сырье (например, песчаник, гипс), фрукты и овощи, нефтепродукты и электроэнергия.

Таблица 7. Анализ торгового баланса Китая со странами ЦЮА и публичной дипломатии

Фактор	Проверяемая гипотеза	Используемые косвенные показатели
Объем мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая	Мы ожидаем, что результатом мероприятий в сфере публичной дипломатии Китая будет более благоприятный для Пекина торговый баланс. Другими словами, Китай будет экспортировать больше промышленных и потребительских товаров, что приведет к достижению положительного сальдо торгового баланса. В то же время Китай будет импортировать больше полуфабрикатов и сырьевых товаров, требуемых для экономического роста.	Объем мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина в конкретной стране ЦЮА определяется следующими параметрами: <ul style="list-style-type: none"> • наличие действующих институтов и классов Конфуция; • объем (в долларах США) официального финансирования Китаем проектов инфраструктуры, списания долгов, общей бюджетной поддержки и гуманитарной помощи; • количество визитов государственных деятелей Китая и конкретной страны ЦЮА; • количество пресс-конференций, интервью и обзорных статей руководства Китая; обзорных статей, написанных послами Китая; количество поездок журналистов в Китай.
Экономический климат в странах ЦЮА	Экономический климат в стране влияет на объем и структуру торговли между Китаем и конкретной страной.	Экономический климат определяется следующими параметрами: <ul style="list-style-type: none"> • количество новых китайских компаний, выходящих на рынок за год; • уровень безработицы (в процентах от численности экономически активного населения); • объем запасов природных ресурсов (в процентах от ВВП).
Восприимчивость к влиянию	Страны, имеющие доступ к информации, поступающей из Китая, являются восприимчивыми к китайскому влиянию на торговлю.	Восприимчивость к влиянию Китая определяется следующим параметром: <ul style="list-style-type: none"> • доля населения, имеющего доступ к Интернету.

Примечание: нам пришлось исключить из этих моделей соглашения о городах-побратимах вследствие их сильной корреляции с учреждениями Конфуция. Более подробную информацию относительно переменных и описание моделей см. в Приложении.

зависимость Китая от природных ресурсов, требуемых для обеспечения его многочисленного населения и поддержки экономического развития. Это утверждение особенно актуально в отношении топлива, минеральных ресурсов и сельскохозяйственной продукции. С другой стороны, Китаю несложно в больших объемах производить промышленные и потребительские товары, достигая положительного сальдо торгового баланса по этим группам товаров.

Авторы построили ряд моделей регрессии, включающих фиксированные эффекты для конкретных стран и годов, а также набор контрольных переменных для анализа связи между воздействием методов публичной дипломатии Пекина и торговым балансом со странами ЦЮА.¹⁸¹ В таблице 7 представлены две гипотезы относительно связи, которая,

как мы полагаем, существует между применяемыми Пекином методами публичной дипломатии и знаком его сальдо торгового баланса со странами ЦЮА по четырем группам товаров, а обобщенные результаты указаны в таблице 5.

5.4.1

Повышенное количество институтов Конфуция, создаваемых Пекином, связано с пониженным чистым объемом экспорта Китаем промышленных товаров, потребительских товаров, полуфабрикатов и сырья

Если долгосрочной экономической целью Пекина является переход от экспорта потребительских товаров к экспорту дорогостоящих промышленных товаров,¹⁸² то ни одно из его

¹⁸¹ Вследствие сильной корреляции между суммарным количеством институтов и классов Конфуция и соглашений о городах-побратимах мы решили исключить из моделей соглашения о городах-побратимах. Соответственно, мы анализируем связь между четырьмя методами публичной дипломатии и чистым экспортом Китая. Модели с фиксированными эффектами предусматривают контроль с учетом фиксированных эффектов, соответствующих стране и году.

¹⁸² Объем экспорта китайской технологии среднего уровня (например, транспортных средств и их комплектующих, электрооборудования) быстро увеличивается, указывая на продвижение Китая по цепочке создания стоимости в сторону более сложных промышленных товаров, а не потребительских товаров (Нансоок, 2018 г.).

направлений дипломатии, по всей видимости, не связано с повышенным чистым объемом экспорта этой группы товаров. Фактически мы установили, что повышенное количество учреждений Конфуция связано с пониженным чистым объемом экспорта Китая по всем исследованным нами группам товаров.

Институты Конфуция способствуют ознакомлению с культурой и изучению языка и, соответственно, могут рассматриваться как фактор, содействующий торговле компаний стран ЦЮА с Китаем. Граждане стран ЦЮА, обучающиеся в этих учреждениях, возможно, будут лучше знать китайский язык и понимать китайскую культуру, и это поможет им более эффективно проводить переговоры и заключать выгодные для них торговые сделки. Общим итогом этого процесса будет менее выгодная торговля с точки зрения правительства Китая, ведущая к сокращению чистого объема экспорта.

5.5

Заключительные соображения

В этой главе мы исследовали определяющие факторы распределения мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина, а также связь между мероприятиями в сфере публичной дипломатии, восприятием общественностью и желательными долгосрочными экономическими и внешнеполитическими результатами. Построив ряд эконометрических моделей, мы провели проверку нескольких гипотез, полученных на основе проведенных нами исследований шести стран

относительно того, что определяет распределение мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина, и как это может повлиять на восприятие общественностью и поведение лидеров стран ЦЮА.

В некоторых случаях количественные данные совпадали с информацией, предоставленной во время проведения практического исследования. В то же время наблюдались многочисленные случаи, когда статистические модели давали неожиданные результаты или даже отсутствие результата, что не соответствовало нашим ожиданиям и предположениям других экспертов. Это подтверждает важность применения комплексного подхода, предусматривающего использование качественных данных для определения того, каким образом инициативы Пекина распределяются среди стран ЦЮА и как эти страны воспринимают их, и последующую проверку, а также обоснование этих данных на основе системного количественного анализа определяющих факторов публичной дипломатии Пекина и их связи с желательными для Пекина результатами в пространстве и во времени.

В главе 6 мы переходим от отдельных моделей, информации, полученной в результате опроса, и точек данных к комплексному рассмотрению публичной дипломатии Пекина в свете основных вопросов, затронутых в главе 1. Мы представляем свои соображения о том, что, по нашему мнению, мы узнали, открыв «черный ящик» мероприятий в сфере публичной дипломатии Пекина, и что это означает для стран ЦЮА, на которые направлены эти инициативы, а также для стратегических конкурентов Пекина, стремящихся усилить свое влияние.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Каково будет будущее публичной дипломатии Пекина в отношении руководства и граждан стран Южной и Центральной Азии?

В этом исследовании мы представили доказательства того, что за последние два десятилетия Пекин удвоил свои усилия по завоеванию расположения граждан и лидеров стран в регионе Южной и Центральной Азии. Хотя этот отчет посвящен только одному региону, он позволяет увидеть, как другие страны реагируют на инициативы Китая в сфере публичной дипломатии на мировой арене. В этой заключительной главе мы рассмотрим, что это означает для двух аудиторий. Во-первых, мы подведем итог относительно состава, охвата и эффекта инициатив Китая в регионе ЦЮА (раздел 6.1). Во-вторых, мы представим рекомендации для руководства этих стран относительно участия в инициативах КНР (раздел 6.2). В-третьих, мы предложим рекомендации стратегическим конкурентам Пекина, стремящимся уравновесить или сдержать рост влияния Китая (раздел 6.3).

6.1

Основные выводы относительно публичной дипломатии Пекина в регионе ЦЮА

Публичная дипломатия Китая уделяет пристальное внимание региону ЦЮА на самом высоком уровне, помимо больших вложений финансовых и человеческих ресурсов. Однако действия Пекина могут не приносить тех плодов, на который он рассчитывает при налаживании связей с лидерами и общественностью в этих странах. Проанализировав доказательства, представленные в настоящем отчете, мы выделили три ключевых вывода относительно состава, охвата и эффекта инициатив Китая в сфере публичной дипломатии.

6.1.1

Пекин неодинаково задействует различные элементы взаимодействия с другими странами, при этом его наиболее известный инструмент — финансовая дипломатия — может вызывать отрицательную реакцию среди местного общества

Китайская «дипломатия чековой книжки» в равной степени приветствуется как со стороны руководства, так и простых граждан других стран (Marlow, 2019 г.). Так, за период с 2000 по 2017 гг. Китай инвестировал 126 млрд долл. США в создание необходимой инфраструктуры и новых экономических возможностей в регионе ЦЮА. Однако стремление Пекина к заключению «закулисных» сделок, сговор китайских компаний с местными политиками для личной выгоды последних и опасность долговых ловушек и дорогостоящих проектов вызывают общественную полемику, а в некоторых случаях даже приводят к смене руководства.

Мнения среди населения стран Центральной и Южной Азии несколько разделились: в то время как одна часть умеренно поддерживает инициативы Пекина в сфере финансовой дипломатии, другая часть не одобряет действия китайского правительства. Смешанные чувства в отношении роли Пекина как экономического партнера могут быть частично вызваны тем фактом, что предложения финансирования со стороны китайского правительства часто связаны с привлечением китайских компаний, рабочей силы и материалов и имеют весьма ограниченный эффект на местную экономику. Так, за период с 2000 по 2017 гг. Китай направил большую долю своих инициатив в сфере финансовой дипломатии в страны, где наблюдалось большее количество новых китайских фирм и мигрантов. Более того, в нескольких странах, где проводились исследования, высказывались опасения относительно полезности и справедливости инфраструктурных проектов, финансируемых правительством Китая.

6.1.2

Пекин установил тесные связи с лидерами, стремящимися к достижению баланса и экономического роста в регионе, однако общее влияние этих инициатив остается ограниченным

Пекин снискал симпатии у лидеров стран ЦЮА, стремящихся «разыграть китайскую карту» в качестве противовеса вмешательству в их внутренние дела иностранных государств, в частности Индии и России. Несмотря на неудачи, когда прокитайские союзники исключались из состава руководства, Китай быстро приспособился и находил новые пути к правящей элите в условиях политического перехода, расширяя свое влияние с действующих руководителей до членов партий по всему политическому спектру в нескольких странах.

Тем не менее, амбиции Пекина могут быть ограничены ввиду того, что эти страны до сих пор сохраняют сильную зависимость от Индии (Южная Азия) и России (Центральная Азия) в вопросе безопасности. Кроме того, руководство стран ЦЮА стремится сохранить дружественные отношения с другими ведущими странами, такими как США и различные европейские государства. В этой связи неудивительно, что готовность стран ЦЮА принимать деньги и пятизвездочные туры от Пекина означает, что их лидеры встанут на сторону Китая при появлении спорных региональных или глобальных вопросов. Например, мы не нашли доказательств того, что какой-либо из инструментов публичной дипломатии Пекина привел к тому, что какая-либо из стран ЦЮА оказалась ближе к КНР в рамках Генеральной Ассамблеи ООН.

Участники опроса ссылались на конкретные случаи экономических или внешнеполитических уступок в шести странах, где проводились исследования, которые они приписывали инициативам Китая в сфере публичной

дипломатии. Однако мы не нашли убедительных доказательств того, что Пекин на данный момент систематически извлекает выгоду в области экономики или безопасности за счет своих усилий в регионе. Ни один из его инструментов публичной дипломатии не был связан с увеличением чистого экспорта в страны ЦЮА — используемый нами показатель экономического влияния. Мы также не обнаружили никакой связи между китайской публичной дипломатией и союзничеством с Китаем в рамках ГА ООН. Посмотрим, изменятся ли эти тенденции в будущем по мере эволюции публичной дипломатии Пекина.

6.1.3

Народная дипломатия Пекина отходит на второй план по сравнению с его усилиями по привлечению правящих элит; экономическое влияние, по-видимому, является наиболее эффективным способом завоевать сердца и умы населения других стран

Китайское руководство ожидают значительные трудности в привлечении на свою сторону общественности в странах ЦЮА, имеющих более тесные культурные и языковые связи с Россией (Центральная Азия) и Индией (Южная Азия), а также исторически сложившиеся отношения с западными демократиями Европы и США. Респонденты часто характеризуют взаимодействие Пекина с широкой общественностью как минимальное и отмечают, что люди в их стране в первую очередь ассоциируют Китай с крупномасштабными инфраструктурными проектами, такими как строительство автомобильных и железных дорог, портов и электростанций.

По всей видимости, экономическая поддержка Пекина гораздо более привлекательна для местного населения, чем интерес к его культуре, языку или ценностям. Население стран ЦЮА все больше рассматривает Китай как средство для повышения благосостояния за счет создания новых рабочих мест, получения образования или доступа к более качественной инфраструктуре. Подобная динамика стимулировала спрос на изучение китайского языка и получение образования за границей, особенно среди молодежи, которая, как отмечается, более открыта к Китаю. Это позволяет Пекину устанавливать связи и оказывать влияние на следующее поколение лидеров, влиятельных лиц и идеологов в странах ЦЮА. Так, мы обнаружили, что восприятие китайского руководства было более положительным в странах с большим количеством институтов Конфуция и взаимодействием высшего руководства с местными СМИ (интервью, брифинги, статьи).

6.2

Последствия для стран, принимающих инициативы Пекина

Попытки Пекина в сфере публичной дипломатии — использование денег, информации, культуры, обмена и отношений с правящими элитами — со временем становятся все более активными и изощренными. Хотя эти действия могут способствовать взаимопониманию, данные механизмы могут служить разным целям — как благим, так и корыстным. Основываясь на доказательствах, представленных в данном отчете, мы предлагаем две рекомендации для стран, которые соглашаются на инициативы Пекина.

6.2.1

Странам-получателям китайских инвестиций необходимо укрепить свой потенциал для заключения более выгодных для себя условий, тщательно оценивать риски и обеспечить прозрачное и эффективное управление масштабными инфраструктурными инвестициями

В отсутствие прозрачности при заключении сделок с Пекином увеличивается риск политического захвата и коррупции, что порождает недоверие. Респонденты неоднократно указывали на то, что китайское правительство предпочитает закулисную дипломатию, уклоняется от открытых процессов закупок и демонстрирует нежелание раскрывать условия инвестиций и кредитов. Отсутствие прозрачности создает возможности для коррупционеров во власти, которые ставят личную выгоду превыше общественных интересов. Общественное недовольство также связано с тем, что при проведении торгов и реализации проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» Пекин отдает явное предпочтение китайским компаниям и рабочей силе.

Есть четыре вещи, которые могут предпринять страны ЦЮА, получающие коммерческую помощь или поддержку проектов развития от иностранных государств, будь то Китай или другие страны, чтобы гарантировать ответственное управление иностранными инвестициями и помощью.

Во-первых, необходимо обеспечить беспристрастность и открытость процессов выбора поставщиков и заключения контрактов для государственных проектов, включая прозрачные процедуры подачи предложений и критерии отбора. Во-вторых, необходимо обязать иностранных спонсоров и инвесторов раскрывать сумму финансирования, условия и ход их инвестиций, чтобы облегчить наблюдение со стороны правительства, международного сообщества и наблюдателей среди гражданского общества, средств массовой информации и исследователей.

В-третьих, странам ЦЮА следует установить эффективные процессы планирования, позволяющие качественно оценивать общие затраты и выгоды на протяжении всего жизненного цикла рассматриваемых инфраструктурных проектов, и обеспечивать достаточный доход для компенсации любых внешних заимствований, особенно в случае кредитов со ставками, близкими к рыночной, или с обеспечением, которое может быть взыскано в случае неисполнения обязательств. В-четвертых, одним из наиболее эффективных способов увеличения рычага влияния на переговорах с Пекином и другими спонсорами является привлечение дополнительных источников финансирования, например, за счет реформ нормативной среды, снижающих барьеры для иностранных инвестиций, и получения суверенных кредитных рейтингов.

6.2.2

Странам-получателям китайских инвестиций необходимо найти способы защиты своих интересов и свободы действий, чтобы не позволить Пекину превратить свое экономическое влияние в политическое

Даже среди лидеров, которые в целом с энтузиазмом воспринимают партнерство с Пекином с целью улучшения инфраструктуры и ускорения экономического роста своих стран, все чаще высказываются возражения, что они хотят избежать чрезмерной зависимости от какого-либо одного финансового партнера. Подобное хеджирование политических рисков имеет четыре основные причины. Во-первых, страны ЦЮА стремятся защитить свою независимость и автономию действий от давления Пекина. Во-вторых, учитывая возрождение политики великих держав и конкуренцию между донорами помощи, лидеры стран ЦЮА не будут принимать инициативы Пекина, если это может испортить их отношения с другими крупными иностранными государствами. В-третьих, переговорная позиция стран ЦЮА значительно усиливается при наличии нескольких источников финансирования. В-четвертых, по мере того как активисты и лидеры оппозиции все чаще выступают против китайских инвестиций, правительствам стран ЦЮА становится все труднее доказывать выгоду заключаемых с Китаем сделок для своей страны.

Опытные лидеры в странах-заемщиках могут использовать конкуренцию как рычаг для пересмотра условий по ранее согласованным проектам, вынуждая Пекин предлагать более выгодные условия для новых инвестиционных проектов. Хотя Пекин не афиширует этот факт, но китайское правительство ранее сталкивалось с необходимостью пересмотра условий своих инвестиций по требованию страны-получателя (Rhodium Group, 2019 г.). Этот факт не только говорит о готовности Пекина пересматривать условия своих сделок, но также создает прецедент для стран ЦЮА добиваться более выгодных условий. Кроме того, в преддверии саммита «Один пояс, один путь» в 2019 году председатель КНР Си Цзиньпин представил ряд инициатив, направленных на устранение критики в отношении рациональности, льготных условий и прозрачности кредитов, предоставляемых Пекином странам с низким и средним уровнем доходов.

Вместе с тем, пересмотр существующих соглашений или отказ от новых предложений китайского финансирования может оказаться трудным для стран с небольшим количеством альтернативных источников капитала. Страны, которые могут получить наилучшие условия на (повторных) переговорах с Пекином, делятся на три группы: (i) кредитоспособные страны, которые могут получить доступ к альтернативным источникам финансирования; (ii) страны, в которых недавно произошла смена руководства в правящей партии или лидера, что дает новому правительству четкий политический мандат на пересмотр переговоров; и (iii) страны, по которым затраты Пекина в случае списания инвестиций перевешиваются другими выгодами, например, доступом к стратегическим активам (порт, земля) или политическими уступками. Таким образом, страны ЦЮА могут укрепить свою переговорную позицию, активно привлекая дополнительных двусторонних и многосторонних кредиторов, а также обеспечив прозрачность условий, запрашиваемых китайским правительством по таким проектам, чтобы оказывать давление со стороны общественного мнения.

6.3

Выводы для стратегических конкурентов Пекина, учитывая увеличение его влияния

У Пекина есть три огромных преимущества в своем стремлении завоевать расположение общественности и руководства других стран. Во-первых, он обладает значительными избыточными финансовыми и строительными возможностями, которые китайские лидеры намерены использовать за границей в соответствии с национальными интересами КНР. Во-вторых, Пекин осуществляет централизованный контроль над обширным аппаратом государственных и подконтрольных государству СМИ, компаний, гражданского общества, квазигосударственных органов, а также органов КПК, что позволяет ему усиливать свои инициативы в отношении других стран. В-третьих, относительная стабильность правящей партии Китая означает, что ее лидеры могут играть в долгую игру, последовательно вкладывая средства в публичную дипломатию несмотря на то, что они не скоро принесут свои плоды, в отличие от других стран, где на решения и приоритеты сильно влияют избирательные циклы.

Стратегические конкуренты Пекина (например, Россия, Индия, США, Европа) прекрасно понимают, что в будущем его влияние на общественность этих стран может превысить их собственное влияние. На основе доказательств, собранных в настоящем отчете, мы определили две рекомендации для стратегических конкурентов Китая в ответ на предпринимаемые Пекином усилия в сфере публичной дипломатии.

6.3.1

Помощь странам ЦЮА в борьбе с коррупцией и диктатурой посредством более ответственной и эффективной практики привлечения, планирования, контроля и управления внешним финансированием

Влияние Пекина особенно сильно в тех случаях, когда странам ЦЮА не хватает рычагов влияния на переговорах перед лицом растущей роли Китая в их экономике. Постепенно такие страны становятся уязвимы для давления в отношении определенных краткосрочных действий, которые могут не соответствовать их национальным интересам. Следовательно, стратегические конкуренты Китая могут сохранить свое влияние, помогая странам ЦЮА эффективно управлять внешним финансированием и иметь доступ к альтернативным источникам в соответствии с их национальными приоритетами, а также чрезмерно не полагаться на одного кредитора.

В частности, иностранные государства могут помочь странам ЦЮА повысить устойчивость к неблагоприятному влиянию четырьмя способами. Во-первых, они могут помочь странам данного региона внедрить процессы управления государственными финансами и закупками, которые позволяют снизить риск возникновения растрат, коррупции и долгового кризиса. Во-вторых, они также могут помочь в разработке эффективных процессов планирования для качественной оценки новых проектов с

точки зрения социальных, экономических и экологических затрат и выгод. В-третьих, они могли бы создать прецедент для других спонсоров, первыми раскрыв информацию об условиях и объемах их помощи или инвестиций. В-четвертых, более развитые страны могут выступать в качестве консультантов в вопросе реформ, необходимых для улучшения инвестиционного климата в частном секторе, а также мобилизации неправительственных субъектов для сдерживания коррупции, контроля прогресса и привлечения правительства и доноров к ответственности за результат.

6.3.2

Следует инвестировать в мероприятия в сфере публичной дипломатии, способствующие созданию странами региона площадки для обсуждения, дискуссий и диалога об их взаимодействии с иностранными государствами на своих условиях

Как было показано в данном исследовании, Пекин вкладывает значительные средства в различные нефинансовые аспекты публичной дипломатии, включая образовательные программы, обмены для журналистов и официальных лиц, культурные мероприятия и работу с местными СМИ. Большая часть этих мероприятий направлена на продвижение образа Пекина и его роли в мире, а также на повышение осведомленности и симпатии к культуре, народу и политическим взглядам Китая. В отличие от Пекина, который удвоил инвестиции в публичную дипломатию, некоторые из его стратегических конкурентов в последние годы сократили свое внимание и предоставляемые ресурсы (например, США, Европа), в то время как другие рассчитывают на исторические, культурные и языковые связи (например, Индия, Россия).

Одним из аспектов, который может иметь критически важное значение для того, как страны ЦЮА будут взаимодействовать не только с Китаем, но и с другими иностранными державами в будущем, является то, насколько они допускают дебаты и обсуждения того, как управлять сотрудничеством с иностранными игроками для продвижения своих национальных интересов. В этом смысле стратегическим конкурентам Пекина следует пересмотреть свои инициативы в сфере публичной дипломатии, чтобы помочь странам ЦЮА в проведении конструктивного, основанного на фактах диалога о привлечении внешней поддержки на наиболее выгодных для этих стран условиях. Например, подобные инициативы могут предусматривать инвестиции в мероприятия, расширяющие традиционную сферу публичной дипломатии, такие как содействие журналистским расследованиям, инициативы по контролю со стороны общественности, укрепление гражданского общества или развитие экспертно-аналитических и академических центров, при этом ключевым является получение странами ЦЮА максимальной выгоды от взаимодействия с иностранными государствами.

6.4

Заключительные соображения

В данном отчете мы попытались понять, какие инструменты публичной дипломатии использует Пекин в регионе Южной и Центральной Азии, в отношении каких стран и с каким эффектом. Мы собрали все доступные данные, чтобы оценить примерный объем и распределение инициатив Китая в 13 странах региона ЦЮА за период с 2000 по 2018 гг. Далее выводы из количественного анализа были подкреплены детальным изучением того, как китайская публичная дипломатия воспринимается и принимается в шести странах, где проводились исследования, включая Бангладеш, Казахстан, Мальдивы, Непал, Шри-Ланку и Узбекистан. Наконец, мы проанализировали, насколько публичная дипломатия Пекина ассоциируется с репутационными, внешнеполитическими и экономическими выгодами, которые Китай надеется получить в регионе ЦЮА. Мы надеемся, что наша работа послужит основой для дальнейших исследований, которые позволят увеличить доступность данных и анализа в отношении усилий Китая по использованию публичной дипломатии для завоевания друзей и союзников, а также информации о последствиях для стран, принимающих эти инициативы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

А

- AAGLA. (2018). Solution for Housing is to Up Supply, Not Rent Control: President Yameen. Apartment Association of Greater Los Angeles. 19 сентября 2018. Источник: <https://aagla.org/2018/09/solution-for-housing-is-to-up-supply-not-rent-control-president-yameen/>
- Abi-Habib, M. (2018). How China Got Sri Lanka to Cough up a Port, The New York Times, 25 июня. Источник: <https://www.nytimes.com/2018/06/25/world/asia/china-sri-lanka-port.html>
- Acuto, M., M. Morissette, D. Chan и G. Leffel. (2016). 'City diplomacy' and twinning: Lessons from the UK, China and globally. Future of Cities: Рабочий документ. Лондон, Великобритания: Foresight, Government Office for Science. Источник: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/545780/gs-16-13-future-of-citiesdiplomacy-uk-china-twinning.pdf
- Adhikari, D. (2019). As Beijing Spreads its Tentacles Nepalese Grow Wary of Chinese Debt Burden. The Epoch Times. 16 марта 2019. Источник: <http://bipinadhikari.com.np/news/as-beijing-spreads-its-tentacles-nepalese-grow-wary-of-chinese-debt-burden/>
- Agence France-Presse. (2018). Exiled Maldives Leader Says Chinese Deals on Islands are 'Land Grabs'. South China Morning Post. 22 января 2018. Источник: <https://www.scmp.com/news/asia/south-asia/article/2130055/exiled-maldives-leader-says-chinese-deals-islands-are-land>
- Ahmed, Z. (2019). Is Bangladesh falling into a Chinese 'debt trap'?, 11 июля. DW. Источник: <https://www.dw.com/en/is-bangladesh-falling-into-a-chinese-debt-trap/a-49556829-0>
- Алимов Р. К. (2018). Шанхайская организация сотрудничества: ее роль и место в развитие Евразии. Вестник Евразийской науки, 9(2), 114-124.
- Al Jazeera. (2019). China, Nepal Sign Trade Infrastructure Security Deals. 13 октября 2019. Источник: <https://www.aljazeera.com/news/2019/10/china-nepal-sign-trade-infrastructure-security-deals-191013074901324.html>
- Al Jazeera. (2012). Maldives President Quits After 'Coup'. Al Jazeera. 7 февраля 2012. Источник: <https://www.aljazeera.com/news/asia/2012/02/20122813513480256.html>
- Allen, K. Saunders, P.C и Chen, J. (2017). Chinese Military Diplomacy, 2003–2016: Trends and Implications, China Strategic Perspectives, No. 11, Июль, National Defense University Press. Источник: <http://www.ssri-j.com/MediaReport/DocumentUS/INSSreportChinaPerspectives.pdf>
- Altynsarina, E. (2019). Kazakhstan and China Strengthening Friendship and Partnership in a New Era. The Astana Times. Источник: <https://astanatimes.com/2019/09/kazakhstan-and-china-strengthening-friendship-and-partnership-in-a-new-era/>
- Amnesty International. (2018). Bangladesh: New Digital Security Act is attack on freedom of expression, 12 ноября. Источник: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2018/11/bangladesh-muzzling-dissent-online/>.
- Anurup, P. (2018). Special Court Acquits CAAN's Former Director General In Corruption Charge. Aviation Nepal. 25 февраля 2018. Источник: <https://www.aviationnepal.com/special-court-acquit-caans-former-director-general-in-corruption-charge/>
- Associated Press. (2018). Maldives Hits Out At US Over Threat of Sanctions if Election Not Free. South China Morning Post, 8 сентября. Источник: <https://www.scmp.com/news/asia/south-asia/article/2163375/maldives-hits-out-us-over-threat-sanctions-if-election-not-free>
- Ahmar, M. (2017). China and the South Asian Association of Regional Cooperation. 11 октября 2017. Asia Dialogue. Источник: <https://theasiadialogue.com/2017/10/11/china-and-the-south-asian-association-of-regional-cooperation/>
- Annez, S. (2019). Opening of Sri Lanka's tallest tower marred by corruption allegation. Reuters. Источник: <https://www.reuters.com/article/us-sri-lanka-tower/opening-of-sri-lankas-tallest-tower-marred-by-corruption-allegation-idUSKBN1W123I>
- Annez, S. (2019). Sri Lankan lawmakers to investigate Lotus Tower graft allegation. 18 сентября 2019. Источник: <https://www.reuters.com/article/us-sri-lanka-tower/sri-lankan-lawmakers-to-investigate-lotus-tower-graft-allegation-idUSKBN1W32II>

Annez, S. (2016). Short of options, Sri Lanka turns back to Beijing's embrace. Reuters. 10 февраля 2016. Источник: <https://www.reuters.com/article/us-sri-lanka-china-idUSKCN0VJ2RX>

AsiaNews.it. (2019). Sirisena: Lotus Tower money gone to China. AsiaNews.it. 21 сентября 2019. Источник: <http://www.asianews.it/news-en/Sirisena-Lotus-Tower-money-gone-to-China-48064.html>

Astana Times. Newly Elected Kazakh President to Focus on Economic Prosperity, Multi-Vector Foreign Policy, and the Fight Against Corruption. Editorials. 25 июня 2019. Источник: <https://astanatimes.com/2019/06/newly-elected-kazakh-president-to-focus-on-economic-prosperity-multi-vector-foreign-policy-and-fight-against-corruption/>

Avas. (2018). Maldives Won't Use Indian Aid to Repay China Debt, Says Pres. 19 декабря 2018. Источник: <https://avas.mv/en/57808>

В

Bailey, M. A., A. Strezhnev, и E. Voeten. (2017). Estimating dynamic state preferences from United Nations voting data. Journal of Conflict Resolution, 61(2), 430-456.

BBC. (2015). Nepal earthquake: India and China pledge millions in aid. 25 июня 2015. Источник: www.bbc.com/news/world-asia-33266422

BBC (2005). Tsunami aid: Who's giving what. 27 января 2005. Источник: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4145259.stm>

BBC. (2016). Kazakhstan's Land Reform Protests Explained. 28 апреля 2016. Источник: <https://www.bbc.com/news/world-asia-36163103>

Bennetts, M. (2019). Evicted Without Warning Demolitions Spark Activism in Tashkent, Uzbekistan. Guardian, 2 апреля. Источник: <https://www.theguardian.com/cities/2019/apr/02/evicted-without-warning-demolitions-spark-activism-in-tashkent-uzbekistan>

Bernanke, B.S., & P. Olson. (2016). China's transparency challenges, 8 марта. Brookings. Источник: <https://www.brookings.edu/blog/ben-bernanke/2016/03/08/chinas-transparency-challenges/>

Bhattacharya, A. (2005). China's 'Observers' Status: Implications for SAARC. Institute of Peace and Conflict Studies. 21 ноября 2005. Источник: http://ipcs.org/comm_select.php?articleNo=1891

Bhattarai, K.D. (2019). Nepal's Predicament: Stuck between the Indo-Pacific and BRI? South Asian Voices. SouthAsianVoices.org. 19 марта 2019. Источник: <https://southasianvoices.org/nepal-predicament-between-indo-pacific-bri/>

Bhattarai, K. D. (2017). What Caused the Left Alliance's Landslide Victory in Nepal. 19 декабря 2017. The Diplomat. Источник: <https://thediplomat.com/2017/12/what-caused-the-left-alliances-landslide-victory-in-nepal/>

Bing, N., & Ngeow, C. (2017). Barisan Nasional and the Chinese Communist Party: A Case Study in China's Party-Based Diplomacy. China Review, 17(1), 53-82. Источник: <http://www.jstor.org/stable/44160409>

Bhutia, S. (2019). Uzbekistan's Trade with Neighbors Rises Sharply. Eurasianet. 30 сентября 2019. Источник: <https://eurasianet.org/uzbekistans-trade-with-neighbors-rises-sharply>

Blair, Robert A., и Philip Roessler. 2018. The Effects of Chinese Aid on State Legitimacy in Africa: Cross-National and Sub-National Evidence from Surveys, Survey Experiments, and Behavioral Games. Рабочий документ AidData #59. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary.

Boland, J. (2011). Ten Years of the Shanghai Cooperation Organization. A Lost Decade? A Partner for the U.S.? Brookings Institution. 21st Century Defense Initiative Policy Paper. 20 июня 2011. Источник: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/06_shanghai_cooperation_organization_boland.pdf

Brady, A. M. (2017). Magic weapons: China's political influence activities under Xi Jinping. Вашингтон, округ Колумбия: Wilson Center. Источник: <https://www.wilsoncenter.org/article/magic-weapons-chinas-political-influence-activities-under-xi-jinping>

Brautigam, D. (2019). Is China the World's Loan Shark? New York Times. 26 апреля 2019. Источник: <https://www.nytimes.com/2019/04/26/opinion/china-belt-road-initiative.html>

Brazys, S. и Dukalskis, A. (2019): Grassroots Image Management: Confucius Institutes and Media Perceptions of China. Рабочий документ AidData #69. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary.

Brazys, S., Elkind, J. и G. Kelly. (2017). Bad Neighbors? How Co-located Chinese and World Bank Development Projects Impact Local Corruption in Tanzania. *Review of International Organizations* 12: 227-253.

Brewster, D. (2018). "Between Giants: The Sino-Indian Cold War in the Indian Ocean". *Asie.Visions*, No. 103, Ifri, Декабрь 2018. Источник: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/brewster_sino_indian_cold_war_2018.pdf

Brookings (2014). China's Role in SAARC: Brookings India Briefing Book. 20 ноября 2014. Brookings Institution. Источник: <https://www.brookings.edu/research/chinas-role-in-saarc/>

Budhathoki, A. (2019). Nepal's Proposed Media Bill is a Press Freedom Killer. *The Diplomat*. 26 мая 2019. Источник: <https://thediplomat.com/2019/05/nepals-proposed-media-bill-is-a-press-freedom-killer/>

С

CCG, 2018. CCG Annual Report: Number of Chinese Studying Abroad Reaches Record High in 2016; More International Students in China Come from Countries along B&R, 2 января. Источник: <http://en.ccg.org.cn/html/ events/3061.html>

CGTN (2018). Confucius Institutes a bedrock of China's growing cultural ties with Africa, 23 августа. Источник: https://focacsummit.mfa.gov.cn/eng/zpfh_1/t1587568.htm

CIFCA (China International Friendship Cities Association). (n.d.). Friendship city statistics. Источник: <http://www.cifca.org.cn/Web/YouChengTongJi.aspx>

Chellaney, B. (2017). China's Debt Trap Diplomacy. *Project Syndicate*. 23 января 2017. Источник: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-one-belt-one-road-loans-debt-by-brahma-chellaney-2017-01?barrier=accesspaylog>

Chellaney, B. (2017). China's Creditor Imperialism. *Project Syndicate*. 20 декабря 2017. Источник: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-sri-lanka-hambantota-port-debt-by-brahma-chellaney-2017-12?barrier=accesspaylog>

Chen, Y.W. (2015). A Research Note on Central Asian Perspectives on the Rise of China; The Example of Kazakhstan. *Issues & Studies* 51, no. 3 (Сентябрь 2015): 63-87. Источник: https://tuhat.helsinki.fi/ws/portalfiles/portal/58871550/Central_Asian_Perspective_on_China.pdf

Chen, Y.W. (2010). Who made Uyghurs visible in the international arena?: A hyperlink analysis (Global Migration and Transnational Politics Working Paper No. 12). Fairfax, VA: George Mason University.

Cheng, L. K. (2016). Three questions on China's "Belt and Road Initiative." *China Economic Review*, 40, 309-313. China MoFA. (2000-2018). *China Foreign Affairs Yearbooks*.

China MoFA (2005). The Delegation of the Chinese Government with the Mission of Offering Condolences and Taking Stock of the Situation in Countries Hit by the Indian Ocean Earthquake and Tsunami Visits Maldives. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 11 января 2005. Источник: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/haixiaozhuanti_665880/

China Power Team. (2017). "How will the Belt and Road Initiative Advance China's Interests?" Обновление от 18 октября 2019. Источник: <https://chinapower.csis.org/china-belt-and-road-initiative/>

China MOE (2017). International students coming to China along the "Belt and Road" countries has increased significantly, 1 марта. Источник: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_fbh/moe_2069/xwfbh_2017n/xwfb_170301/170301_mtbh/201703/t20170302_297943.html

China MoFA. (2019). Joint Statement Between Nepal and the People's Republic of China. 13 октября 2019. Источник: <https://mofa.gov.np/joint-statement-between-nepal-and-the-peoples-republic-of-china-2/>

China MoFA. (2013). President Xi Jinping Delivers Important Speech and Proposes to Build a Silk Road Economic Belt with Central Asian Countries. Speech. 8 сентября 2013. Источник: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpfwzysiesgjtfhshzzfh_665686/t1076334.shtml

China MoFA. (2013). Xi Jinping Holds Talks with President Islam Karimov of Uzbekistan Further Develop and Deepen China-Uzbekistan Strategic Partnership. Chinese Ministry of Foreign Affairs. Источник: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpfwzysiesgjtfhshzzfh_665686/t1075975.shtml

Chowdhury, D.R. (2015). Shock for Chinese backers as billion-dollar Sri Lanka project runs into political mess. 20 марта 2015. *China Morning Post*. Источник: <https://www.scmp.com/news/asia/diplomacy/article/1742272/shock-chinese-backers-billion-dollar-sri-lanka-project-runs>

Chowdhury, D.R. (2015). Sri Lanka Clears the Decks for Controversial Chinese Project. 11 декабря 2015. South China Morning Post. Источник: <https://www.scmp.com/business/global-economy/article/1889625/colombo-clears-decks-port-city-project>

Clarke, M. (2015). Kazakhstan's Multi-Vector Foreign Policy Diminishing Returns in an Era of Great Power Pivots. The Asan Forum. 9 апреля 2015. Источник: <http://www.theasanforum.org/kazakhstans-multi-vector-foreign-policy-diminishing-returns-in-an-era-of-great-power-pivots/>

Clarke, M. (2014). Kazakh responses to the rise of China: Between elite bandwagoning and societal ambivalence? In

N. Horesh & E. Kavalski (Eds.), *Asian thought on China's changing international relations* (pp. 141-172). Basingstoke, England: Palgrave Macmillan.

Colombo Gazette (2019). Chinese Cultural Fair Held in Sri Lanka to Mark Chinese New Year, Colombo Gazette, 16 февраля. Источник: <https://colombogazette.com/2019/02/16/chinese-cultural-fair-held-in-sri-lanka-to-mark-chinese-new-year/>

CSS. (2018). Flexibility by design: The Shanghai Cooperation Organization and the future of Eurasian cooperation. Center for Security Studies: Zurich, Germany. Май 2018. Источник: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/Maduz-080618-ShanghaiCooperation.pdf>

Custer, S., Russell, B. DiLorenzo, M., Cheng, M., Ghose, S., Sims, J., Turner, J., and H. Desai. (2018). Ties That Bind: Quantifying China's public diplomacy and its "good neighbor" effect. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary.

Custer, S. and M. Tierney. (2019). "China's Global Development Spending Spree: Winning the World One Yuan at a Time?", In: *Strategic Asia 2019: China's Expanding Ambitions*, by Ashley J. Tellis, Alison Szalwinski, and Michael Wills, eds. (Национальное бюро азиатских исследований: Вашингтон, округ Колумбия).

D

Daily FT (2017). Sri Lanka, China Sign MoU for Kidney hospital in Polonnaruwa, Daily FT, 8 июня. Источник: <http://www.ft.lk/front-page/sri-lanka-china-sign-mou-for-kidney-hospital-in-polonnaruwa/44-620759>

Daily FT. (2019). President Hands Over Land Deed to Colombo Port City. 30 октября 2019. Источник: <http://www.ft.lk/front-page/President-hands-over-land-deed-to-Colombo-Port-City/44-688660>

Dawn. (2019). Afghanistan inducted as 8th member: 14th SAARC summit begins. 4 апреля 2007. Источник: <https://www.dawn.com/news/240651>

Dawson, K. C. (2010). Confucius Institutes enhance China's int'l image, China Daily, 23 апреля. Источник: http://www.chinadaily.com.cn/china/2010-04/23/content_9766116.htm

Doshi, R. (2019). "China's Role in Reshaping the International Financial Architecture: Blunting US Power and Rebuilding Regional Order", In: *Strategic Asia 2019: China's Expanding Ambitions*, by Ashley J. Tellis, Alison Szalwinski, and Michael Wills, eds. (Национальное бюро азиатских исследований: Вашингтон, округ Колумбия).

Douglas, F. and Mosher, A. (2010). *Winds From the East: How the People's Republic of China Seeks to Influence the Media in Africa, Latin America, and Southeast Asia*. (Вашингтон, округ Колумбия: Центр международной помощи СМИ).

Dreher, A., Fuchs, A., Parks, B., Strange, A.M. & Tierney, M. (2015). Apples and Dragon Fruits: The Determinants of Aid and Other Forms of State Financing from China to Africa, AidData Рабочий документ 15. Источник: http://docs.aiddata.org/ad4/files/wps15_apples_and_dragon_fruits.pdf

Dreher, A., Fuchs, A., Hodler, R., Parks, B., Raschky, P. and M. Tierney. (2016). "Aid on Demand: African Leaders and the Geography of China's Foreign Assistance". AidData Рабочий документ #3. AidData: College of William & Mary. Октябрь 2016. Источник: <https://www.aiddata.org/publications/aid-on-demand-african-leaders-and-the-geography-of-chinas-foreign-assistance>

Dreher, A., A. Fuchs, B. Parks, A. M. Strange, & M. J. Tierney. (2018). Apples and dragon fruits: The determinants of aid and other forms of state financing from China to Africa. *International Studies Quarterly*, 62(1), 182–94.

Дронг А. (2015). Влияние политических изменений на отношения между Бангладеш и Россией (СССР) в 1971-2014 гг. (The Effects of Political Changes in the Relationship between Bangladesh and Russia (USSR) in 1971-2014) *Вестник РУДН "Международные отношения"* 1 (2015): 185-91. Web.

E

Ebitz, A. (2019). The use of military diplomacy in great power competition: Lessons learned from the Marshall Plan, 12 февраля, Order from Chaos. Источник: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/02/12/the-use-of-military-diplomacy-in-great-power-competition/?utm_campaign=Foreign%20Policy&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm_content=69961049

Economist (2017). China is spending billions to make the world love it, 22 марта. Источник: <https://www.economist.com/china/2017/03/23/china-is-spending-billions-to-make-the-world-love-it>

Economist Intelligence Unit. (2016). Democracy Index 2016. Источник: <https://www.eiu.com/democracy2016>

Economy, E. (2019). The Problem with Xi's China Model. Why its Successes Are Becoming Its Liabilities. Foreign Affairs, 6 марта. Источник: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-03-06/problem-xis-china-model>

Eichenauer, Vera Z., Andreas Fuchs, и Lutz Brückner. 2018. The Effects of Trade, Aid, and Investment on China's Image in Developing Countries. AidData Рабочий документ #54. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary.

Посольство Узбекистана в Нью-Дели. (2018). The President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev addressed the parliament of the country - the Oliy Majlis. 1 января 2018. Источник: <http://www.uzbekembassy.in/the-president-of-the-republic-of-uzbekistan-shavkat-mirziyoyev-addressed-the-parliament-of-the-country-the-oliy-majlis/>

ETHZurich. (2019). Kazakhstan: A Centerpiece in China's Belt and Road. 9 апреля 2019. Источник: <https://css.ethz.ch/en/center/CSS-news/2019/09/kazakhstan-a-centrepiece-in-chinas-belt-and-road.html>

F

Factiva. New York: Dow Jones & Reuters. Источник: <https://bit.ly/2j0i8aT>

Farah, D. и A. Mosher. (2010). Winds from the East: How the People's Republic of China Seeks to Influence the Media in Africa, Latin America, and Southeast Asia. A Report to the Center for International Media Assistance. 8 сентября 2010. Источник: https://www.cima.ned.org/wp-content/uploads/2015/01/CIMA-China-Report_1.pdf

Farchy, J. (2016). Kazakh language schools shift from English to Chinese, 9 мая. Financial Times. Источник: www.ft.com/content/6ce4a6ac-0c85-11e6-9456-444ab5211a2f

Fitzgerald, J. (2018a). Overstepping down under. Journal of Democracy, 29(2), 59-67.

Financial Times. (2019). The Maldives Counts the Cost of Its Debts to China. 10 февраля 2019. Источник: <https://www.ft.com/content/c8da1c8a-2a19-11e9-88a4-c32129756dd8>

Findley, M.G., Milner, H.V., и D.L. Nielson. (2017). The Choice among Aid Donors: The Effects of Multilateral vs. Bilateral Aid on Recipient Behavioral Support. Review of International Organizations 12(2): 307-334.

Ford, L. и Hill, M. (2019). China's Evolving Ties with the Middle East Asia's New Pivot, Asia Society Policy Institute, 8 августа. Источник: <https://asiasociety.org/asias-new-pivot/china>

G

Gady, F. (2017). China, Pakistan Hold Defense Talks, The Diplomat, 15 июня. Источник: <https://thediplomat.com/2017/06/china-pakistan-hold-defense-talks/>

Gallup World Poll, Gallup. Источник: <https://bit.ly/33J0xwu>

Ganguly, M. (2019). Fears Over Nepal-China Extradition Treaty. Human Rights Watch. 11 октября 2019. Источник: <https://www.hrw.org/news/2019/10/11/fears-over-nepal-china-extradition-treaty>

Ghimire, B. (2019). Nepal and China to discuss extradition treaty during Xi Jinping's visit. 11 октября 2019. Kathmandu Post. Источник: <https://kathmandupost.com/politics/2019/10/11/nepal-and-china-to-discuss-extradition-treaty-during-xi-jinping-s-visit>

Giri, A. (2019). US Embassy officials meet with foreign secretary over Chinese statement about Dahal's 'disapproval' of the Indo-Pacific Strategy. 12 сентября 2019. Источник: <https://kathmandupost.com/politics/2019/09/12/us-embassy-officials-meet-with-foreign-secretary-over-chinese-statement-about-dahal-s-disapproval-of-indo-pacific-strategy>

Giri, A. (2018). Gyawali refutes reports about Nepal joining US Indo-Pacific Strategy. 24 декабря 2018. Kathmandu Post. Источник: <https://kathmandupost.com/national/2018/12/24/gyawali-refutes-reports-about-nepal-joining-us-indo-pacific-strategy>

Giri, A. (2019). Nepal disapproves of Washington's Indo-Pacific Strategy, Beijing says. The Kathmandu Post. 11 сентября 2019. Источник: <https://kathmandupost.com/national/2019/09/11/nepal-disapproves-of-indo-pacific-strategy-china-s-foreign-ministry-says>

GlobalCapital.com. (2019). GlobalMarkets Special Report: Uzbekistan. 9 мая 2019.

Goble, P. (2018). China's 'Soft Power' in Central Asia Both More and Less than It Appears, Eurasia Daily Monitor Volume: 15 Issue: 14, 30 января. Источник: <https://jamestown.org/program/chinas-soft-power-central-asia-less-appears/>

Goble, P. (2019). Anti-Chinese Protests Spread Across Kazakhstan. Jamestown Foundation. 10 сентября 2019. Источник: <https://jamestown.org/program/anti-chinese-protests-spread-across-kazakhstan/>

Gupta, R. (2019). Modi-Solih Pact: A Challenge to China in the Maldives. IPP Review. 10 января 2019. Источник: <https://www.ippreview.com/index.php/Blog/single/id/872.html>

Н

Hanban. (2018). Confucius Institutes and Chinese Cultural Center Promote People-to-people Bond along "Belt and Road", 9 мая. Hanban News. Источник: http://english.hanban.org/article/2018-09/05/content_743311.htm

Hanban. (2004-2018). Confucius Institute/Classroom. Источник: http://english.hanban.org/node_10971.htm

Hartig, F. (2015). Communicating China to the World: Confucius Institutes and China's Strategic Narratives. POLITICS: 2015 VOL 35(3-4), 245–258, DOI: 10.1111/1467-9256.12093.

Hashimova, U. (2019). Uzbekistan Increasingly Turns to China for Development Loans. Jamestown Foundation. 4 сентября 2019. Источник: <https://jamestown.org/program/uzbekistan-increasingly-turns-to-china-for-development-loans/>

Helmets, H. (2016). Public Diplomacy in Early Modern Europe: Towards a new history of news. Media History, 22(3-4), 401-420.

Himalayan Times. (2018). Nepal, China sign trade and transit MoUs and agreements. 21 июня 2018. Источник: <https://thehimalayantimes.com/kathmandu/nepal-china-sign-14-agreements-under-trade-and-transit-agreement/>

Himalayan Times. (2018). Nepal and China conclude protocol of TTA. Источник: <https://thehimalayantimes.com/business/nepal-and-china-conclude-protocol-of-tta/>

Horn, S., Reinhart, C., and C. Trebesch. (2019). China's Overseas Lending. NBER Working Paper Series. Рабочий документ 26050. Июль 2019. National Bureau of Economic Research: Cambridge, MA. Источник: <https://www.nber.org/papers/w26050.pdf>

Human Rights Watch (2017): Burma: Satellite Imagery Shows Mass Destruction, 19 сентября. Источник: <https://www.hrw.org/news/2017/09/19/burma-satellite-imagery-shows-mass-destruction>

Human Rights Watch (2014). Nepal Increased Pressure from China Threatens Tibetans. 1 апреля 2014. Источник: <https://www.hrw.org/news/2014/04/01/nepal-increased-pressure-china-threatens-tibetans>

Human Rights Watch. (2014). Under China's Shadow: Mistreatment for Tibetans in Nepal. 1 апреля, 2014. Источник: <https://www.hrw.org/report/2014/04/01/under-chinas-shadow/mistreatment-tibetans-nepal>

Hurley, J., Morris, S. & Portelance, G. (2018). Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective, CGD Policy Paper 121, Март. Источник: <https://www.cgdev.org/sites/default/files/examining-debt-implications-belt-and-road-initiative-policy-perspective.pdf>

И

IER. (2015). China: World's Largest Energy Consumer and Greenhouse Gas Emitter. Institute for Energy Research. 20 мая 2015. Источник: <https://www.instituteforenergyresearch.org/fossil-fuels/coal/china-worlds-largest-energy-consumer-and-greenhouse-gas-emitter/>

IFA (2013). From a Buffer towards a Bridge. Institute of Foreign Affairs. Источник: <https://ifa.org.np/wp-content/uploads/2014/01/From-a-Buffer-for-Mail.pdf>

Международный валютный фонд. (2017). Maldives: Staff Report for the 2017 Article IV Consultation—Debt Sustainability Analysis. 6 октября. Международный валютный фонд. Источник: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/dsa/pdf/2017/dsacr17357.pdf>

InKunming (2012). Kunming and Kuching build sister city relations. 20 апреля. Источник: https://web.archive.org/web/20140604113701/http://en.kunming.cn/index/content/2012-04/20/content_2923506.htm

INSS (n.d.). Excel file with data used in Chinese Military Diplomacy, 2003-2016. Institute for National Strategic Studies. National Defense University. Источник: <https://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratperspective/china/PLA-diplomacy-database.xlsx?ver=2017-07-18-133407-147>

Institute for Policy Studies Sri Lanka (2010). Sri Lanka: State of the Economy 2010 – Post-Conflict Economic Development Challenges, Institute of Policy Studies of Sri Lanka. Источник: http://www.ips.lk/talkingeconomics/wp-content/uploads/2012/09/pb10_Infrastructure-Challenges.pdf

IRI (2019). Chinese Malign Influence and the Corrosion of Democracy: An Assessment of Chinese Interference in Thirteen Key Countries, (eds.) David Shullman. Источник: <https://www.iri.org/resource/new-report-exposes-chinas-malign-influence-and-corrosion-democracy-worldwide>

Isaksson, A.S., and A. Kotsadam. (2018). Chinese Aid and Local Corruption. Journal of Public Economics 159: 146-159. Источник: http://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/wps33_chinese_aid_and_local_corruption.pdf

Ives, M. (2019). Maldives Election Results Empower a Critic of China. New York Times. 8 апреля 2019. Источник: <https://www.nytimes.com/2019/04/08/world/asia/maldives-election-ibrahim-solih.html>

J

Jain, B. M. (2017). China's Soft Power Diplomacy in South Asia: Myth Or Reality?. Lexington Books. Chicago.

Jha, H.B. (2019). Chinese Investment in Nepal in the Context of BRI. 11 октября 2019. Источник: <https://www.vifindia.org/article/2019/october/11/chinese-investments-in-nepal-in-the-context-of-bri>

Junayd, M. (2019). Maldives President Hoping for Election Majority to Probe China Deals. 4 апреля 2019. Reuters. Источник: <https://www.reuters.com/article/us-maldives-politics/maldives-president-hoping-for-election-majority-to-probe-china-deals-idUSKCN1RG2FG>

K

Kalathil, S. (2017). Beyond the Great Firewall: How China Became a Global Information Power. Center for International Media Assistance. National Endowment for Democracy. 7 марта 2017. Источник: <https://www.cima.ned.org/publication/beyond-great-firewall-china-became-global-information-power/>

Kamardeen, N. и Panditaratne, D. (2019). The Regulation of Foreign Investments in Sri Lanka: A Policy-Based Perspective, Lakshman Kadirgamar Institute, Январь 2019, стр. 15. (Данные, представленные в отчете, изначально были получены от Board of Investment, Шри Ланка.)

Kathmandu Post. (2019). Amid Nepal-US-China diplomatic kerfuffle, government says "no change to our stated position". 12 сентября 2019. Kathmandu Post. Источник: <https://kathmandupost.com/politics/2019/09/12/amid-nepal-us-china-diplomatic-kerfuffle-governments-says-no-change-in-our-stated-position>

Kathmandu Post. (2019). Proposed Media Bill Envisions a New Press Council with Increased Government Role in Nepal. Kathmandu Post. 10 мая 2019. Источник: <https://kathmandupost.com/national/2019/05/10/proposed-media-bill-envisions-a-new-press-council-with-increased-government-role-in-nepal>

Kathmandu Post. (2019). Progress in Two Key Projects Under BRI Unlikely During President's China Visit. Kathmandu Post. 17 ноября 2019. Источник: <https://kathmandupost.com/valley/2019/04/24/progress-in-projects-under-bri-unlikely-during-presidents-china-visit>

Kathmandu Today. (2018). China Awaits for Second Phase of Kathmandu Ringroad Expansion Project. Kathmandu Today. 19 декабря 2018. Источник: <https://www.ktm2day.com/2018/12/19/kathmandu-ringroad-expansion-project/>

Kaukenova, T. (2017). Учеба в Китае: чего хотят и что получают наши студенты (Studying in China: what do our students want and what do they get), Закон, 2 марта. Источник: www.zakon.kz/4846930-ucheba-v-kitae-chego-khotjat-i-chno.html

Khatun, M. (2018). LDC GRADUATION: What it means for Bangladesh, 20 марта. The Daily Star. Источник: <https://www.thedailystar.net/opinion/macro-mirror/ldc-graduation-what-it-means-bangladesh-1550542>

Kratz, A., Feng, A., и L. Wright. (2019). New Data on the “Debt Trap” Question. 29 апреля 2019. Источник: <https://rhg.com/research/new-data-on-the-debt-trap-question/>

Kugiel, P. (2012). India's Soft Power in South Asia, *International Studies* 49(3&4) 351–376.

Kuo, L. (2019). China's Envoys Experiment with Trump Style Twitter Diplomacy. *The Guardian*. 16 июля 2019. Источник: <https://www.theguardian.com/world/2019/jul/17/truth-hurts-chinas-envoys-experiment-with-trump-style-twitter-diplomacy>

Kuo, L. & Kommenda, N. (2018). What is China's Belt and Road Initiative. *The Guardian*. Источник: <https://www.theguardian.com/cities/ng-interactive/2018/jul/30/what-china-belt-road-initiative-silk-road-explainer>

Kurlantzick, J. (2007). *Charm offensive: How China's soft power is transforming the world*. New Haven, CT: Yale University Press.

Kynge, J. and G. Wildau. (2015). China: With friends like these. 17 марта 2015. Источник: <https://www.ft.com/content/2bb4028a-cbf0-11e4-aeb5-00144feab7de>

L

LankaNewsPapers.com (2018). Chinese Media Invasion in Sri Lanka,” *LankaNewsPapers.com*, 12 марта. Источник: <https://www.lankanewspapers.com/2018/03/12/eyes-wide-open-chinese-media-invasion-sri-lanka/>

Latief, R. & Lefen, L. (2018). Analysis of Chinese Government Scholarship for International Students Using Analytical Hierarchy Process (AHP), Sustainability, MDPI, Open Access Journal, vol. 10(7), стр. 1-13, Июнь. Источник: <https://ideas.repec.org/a/gam/jsusta/v10y2018i7p2112-d153596.html>

Laruelle, M. (2018). China's Belt and Road initiative and its Impact on Central Asia. (eds.). Источник: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2017/12/OBOR_Book_.pdf

Le Corre, P. (2018). China's Rise as a Geoeconomic Influencer: Four European Case Studies, Working Paper, Carnegie Endowment for International Peace. Источник: https://carnegieendowment.org/files/WP_LeCorre_China_formatted_FINAL_WEB.PDF

Lee, J. (2018). Why are China and India so interested in the Maldives? 25 сентября 2018. Источник: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2165597/why-are-china-and-india-so-interested-maldives>

Lemon, E. (2018). As Uzbekistan Opens Up, the Goal is Economic Modernization, Not Liberalization. 25 октября 2018. Источник: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/26585/as-uzbekistan-opens-up-the-goal-is-economic-modernization-not-liberalization>

Li, C. and Yang, C. (2018). Forget Stanford, Tsinghua beckons. Order from Chaos, 3 октября. Источник: https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/10/03/forget-stanford-tsinghua-beckons/?utm_campaign=John%20L.%20Thornton%20China%20Center&utm_source=hs_email&utm_medium=email&utm_content=67136006

Li, J. (2019). Sister city relations promote cooperation. *China Daily.com* 26 апреля 2019. Источник: http://www.chinadaily.com.cn/global/2019-04/26/content_37462677.htm

Li, X. и Zheng, Y. (2016). Blueprint for China's neighborhood diplomacy, *The Diplomat*, 30 марта. Источник: <https://thediplomat.com/2016/03/a-blueprint-for-chinas-neighborhood-diplomacy/>

Lillis, J. (2017). Tashkent City: is progress worth the price being paid in Uzbekistan?, *The Guardian*, 18 октября. Источник: <https://www.theguardian.com/cities/2017/oct/18/people-paying-tashkent-gentrification-mahallas>

Lim, L. and Bergin, J. (2018). Inside China's audacious global propaganda campaign, *The Guardian*, 7 декабря. Источник: <https://www.theguardian.com/news/2018/dec/07/china-plan-for-global-media-dominance-propaganda-xi-jinping>

Lim, D. and R. Mukherjee. (2018). Does Debt Pay? China and the Politics of Investment in Sri Lanka. What are the sources and impact of China's economic leverage over Sri Lanka. 20 января 2018. *The Diplomat*. Источник: <https://thediplomat.com/2018/01/does-debt-pay-china-and-the-politics-of-investment-in-sri-lanka/>

Lin, Z. (2018). With New Airport, Pokhara Waits for Take Off. *Nepali Times*. 12-18 января 2018. #892. Источник: <https://archive.nepalitimes.com/article/nation/Pokhara-waits-for-take-off,4136>

Lindberg, K. и T. Lahiri. (2018). How China's Debt Trap Diplomacy Came Under Siege in 2018. *Quartz*. 28 декабря 2018. Источник: <https://qz.com/1497584/how-chinas-debt-trap-diplomacy-came-under-siege-in-2018/>

Lindborg, N. (2015). Rebuilding Nepal from the Government Up. Foreign Policy. 7 мая 2015. Источник: <https://foreignpolicy.com/2015/05/07/rebuilding-nepal-from-the-government-up-earthquake/>

Linn, J. F. (2013, September 17). China's and Russia's interests in Central Asia: Connecting the dots in Kazakhstan. Brookings Institution. Дата доступа 23 сентября 2015 from: <https://www.brookings.edu/opinions/chinas-and-russias-interests-in-central-asia-connecting-the-dots-in-kazakhstan/>

Liu X. (2019). Growing trend of learning Chinese strengthens China-Kyrgyzstan ties, Global Times, 19 июня. Источник: <http://www.globaltimes.cn/content/1154828.shtml>

Liu, X. (2017). Look beyond and beneath the soft power: An alternative analytical framework for China's cultural diplomacy. Cambridge Journal of China Studies, 12(4).

Lo, K. (2018). A Chinese Flag Flies Over Sri Lanka as China Extends Its Reach Into India's Backyard, South China Morning Post, 5 января. Источник: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2126897/chinese-flag-flies-over-sri-lanka-china-extends-its>

М

Madiyev, O. (2017). Why have China and Russia become Uzbekistan's biggest energy partners? Exploring the role of exogenous and endogenous factors. Cambridge Journal of Eurasian Studies. 1. QYJ7IT. 10.22261/QYJ7IT.

Mahmud, F. (2018a). Bangladesh Enacts New Law That Could Silence Dissenters, 10 октября. The Diplomat. Источник: <https://thediplomat.com/2018/10/bangladesh-enacts-new-law-that-could-silence-dissenters/>

Maldives Independent. (2019). China to Help Develop Business Sector. 15 мая 2019. Источник: <https://maldivesindependent.com/business/china-to-help-develop-business-sector-145290>

Maldives Ministry of Finance (2018). International sovereign bond issuance for the Maldives. Ministry of Finance. Источник: <https://www.finance.gov.mv/media/news/international-sovereign-bond-issuance-for-the-maldives>

Maldives Times (2018). The Maldives will benefit if it avoids 'meaningless gift' from India, says Chinese media. 24 декабря 2018. Maldives Times. Источник: <https://maldivetimes.com/maldives-will-benefit-if-it-avoids-meaningless-gift-from-india-says-chinese-media>

Malsa, M. (2019). President Solih reaffirms India-first policy. The Edition. 8 июня 2019. Источник: <https://edition.mv/news/10924>

Mahmud, F (2018b). Bangladesh editors protest 'chilling' Digital Security Act, 15 октября. Al Jazeera. Источник: <https://www.aljazeera.com/news/2018/10/bangladesh-editors-protest-chilling-digital-security-law-181015122440417.html>

Marlow, I. (2019). India Slips Further Behind China During First Five Years of Modi. Bloomberg, 27 апреля. Источник: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-04-27/india-slips-further-behind-china-during-first-five-years-of-modi>

McCarthy, S. (2018). Why foreign students along the belt and road are jostling to enrol in China's universities. South China Morning Post, 27 сентября. Источник: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/2165892/why-foreign-students-along-belt-and-road-are-jostling-enrol>

McClory, J. (2018). The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power, USC Center on Public Diplomacy. Источник: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf>

McKenzie, B. (2019). EU Revokes Sanctions Framework Against the Maldives. Blog. Lexology.com. Источник: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=fb5c006f-f29a-414c-9f35-45e23e644654>

Miglani, S. (2018). India's Modi gives \$1.4 billion aid to Maldives amid worry over its China debt. Reuters. 17 декабря 2018. Источник: <https://www.reuters.com/article/us-india-maldives/indias-modi-announces-14-billion-financial-aid-to-maldives-idUSKBN1OGORO>

Miglani, S. and M. Junayd. (2018). After Building Spree, Just How Much Does the Maldives Owe China. Reuters. 23 ноября 2018. Источник: <https://www.reuters.com/article/us-maldives-politics-china/after-building-spree-just-how-much-does-the-maldives-owe-china-idUSKCN1NS1J2>

Mitra, D. (2019). India's Strategy on Maldives Delivered Results Says Ex-President Nasheed. The Wire. 20 февраля 2019. Источник: <https://thewire.in/south-asia/indias-strategy-on-maldives-delivered-results-says-ex-president-nasheed>

MoFA Nepal. (2019). Nepal-China Relations. Февраль 2019. Источник: <https://mofa.gov.np/nepal-china-relations/>

Mohan, G. (2018). Nepal-China transit agreement ends sole dependence on India. 9 сентября 2018. Источник: <https://www.indiatoday.in/world/story/nepal-china-transit-agreement-ends-sole-dependence-on-india-1335863-2018-09-09>

Mourdoukoutas, P. (2019). India Not China is Still the Dominant Power in South Asia. Forbes, 30 мая. Источник: <https://www.forbes.com/sites/panosmourdoukoutas/2019/05/30/india-not-china-is-still-the-dominant-power-in-south-asia/#7d4c90f146c9>

Mundy, S. и K. Hille. (2019). The Maldives counts the cost of its debts to China. The Financial Times. FT.com. 10 февраля 2019. Источник: <https://www.ft.com/content/c8da1c8a-2a19-11e9-88a4-c32129756dd8>

MyRepublica. (2019). Time for correction: amendments on media council bill. MyRepublica. 4 сентября 2019. Источник: <https://myrepublica.nagariknetwork.com/news/time-for-correction/>

MyRepublica. (2019). Nepal, China Agree to Expedite BRI Projects. 14 октября 2019. Источник: <https://myrepublica.nagariknetwork.com/news/nepal-china-agree-to-expedite-bri-projects/>

MyRepublica. (2018). Docs Trained in China, Russia, Philippines Fail Licensing Exam More Often. MyRepublica. 7 сентября 2018. Источник: <https://myrepublica.nagariknetwork.com/news/docs-trained-in-china-russia-philippines-fail-licensing-exam-more-often/>

N

Najibullah, F. (2014). Putin Downplays Kazakh Independence, Sparks Angry Reaction. Radio Free Europe Radio Liberty. 3 сентября 2014. Источник: <https://www.rferl.org/a/kazakhstan-putin-history-reaction-nation/26565141.html>

Nayak, N. (2018). Nepal-China Transit Agreement Depth Analysis. 3 октября 2018. Источник: <https://www.spotlightnepal.com/2018/10/03/nepal-china-transit-agreement-depth-analysis/>

Nepali Times. (2017). The rise of the red. Nepali Times. 9 декабря 2017. Источник: <http://archive.nepalitimes.com/blogs/thebrief/2017/12/09/the-rise-of-the-red/>

Nepali Times. (2019). Trilateral Trains. Nepali Times. 5 июля 2019. Источник: <https://www.nepalitimes.com/editorial/trilateral-trains/>

News in Asia (2018). China-funded Confucius Institutes meet in Colombo with an eye on the future, News in Asia, 28 июня. Источник: <https://newsin.asia/chinas-confucius-institutes-meet-in-colombo-with-an-eye-on-the-future/>

Nie, W. (2016). Xi Jinping's foreign policy dilemma: One belt, one road or the South China Sea?. Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs, 38(3), 422-444.

Niquet, V. (2006): China and Central Asia, China Perspectives [Online], 67 | Сентябрь-октябрь 2006, Онлайн с 1 июня 2007. Источник: <http://journals.openedition.org/chinaperspectives/1045>

Nogayeva, A. (2015). Limitations of Chinese "Soft Power" in Its Population and Language Policies in Central Asia, Geopolitics, 20:3, 583-605, DOI: 10.1080/14650045.2015.1034272.

Nye, J.S. (2014). The Information Revolution and Soft Power. Current History 113(759): 19-22. Источник: <https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/11738398/Nye-InformationRevolution.pdf>

O

O'Neill, D. C. (2014). Risky business: The political economy of Chinese investment in Kazakhstan. Journal of Eurasian Studies, 5(2), 145-156.

P

Panda, J. (2018). Xi Jinping's Extended Presidency and India-China Relations, IDSA Issue Briefs, 27 марта.

Panda, A. (2019). What does the Maldives owe China? 12 февраля 2019. The Diplomat. Источник: <https://thediplomat.com/2019/02/just-how-much-does-the-maldives-owe-china/>

Panda, A. (2018). Don't Count on the Maldives Sharply Swinging Away from China. The Diplomat. 2 октября 2018. Источник: <https://thediplomat.com/2018/10/dont-count-on-the-maldives-sharply-swinging-away-from-china/>

- Pannier, B. (2017). Majlis Podcast: Kazakhstan Protests, One Year Later. 30 апреля 2017. Источник: <https://www.rferl.org/a/qishloq-ovozi-kazakhstan-protests-one-year/28460322.html>
- Pant, B. (2018). Socio-Economic Impact of Undeclared Blockade of India on Nepal. NepJol.info. Источник: <https://www.nepjol.info/index.php/rnjds/article/view/21270/17411>
- Pant, H. V. (2018). Pakistan's growing reliance on China, Observer Research Foundation, 10 августа. Источник: <https://www.orfonline.org/research/pakistans-growing-reliance-on-china/>
- Pant, H. V. (2018). China's Clout Grows in South Asia, But Can India Raise Its Game. South China Morning Post, 19 января. Источник: <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/2129480/chinas-clout-grows-south-asia-can-india-raise-its-game>
- Paradise, J. (2017). Book Review of China's Soft Power Diplomacy in South Asia: Myth or Reality? By V.M. Jain. Book Reviews, China and Inner Asia. The University of British Columbia Vancouver Campus. Vol. 91: No.4. Источник: <https://pacificaffairs.ubc.ca/book-reviews/chinas-soft-power-diplomacy-in-south-asia-myth-or-reality-by-b-m-jain/>
- Paramonov, V. (2014). China's Economic Presence in Uzbekistan: Realities and Potentials. Uzbekistan Initiative Papers. No. 5. George Washington University. Февраль 2014.
- Parashar, S. (2018). China's Ocean Observatory in Maldives sparks fresh security concerns. 25 февраля, 2018. Times of India. Источник: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/chinas-ocean-observatory-in-maldives-sparks-fresh-security-fear/articleshow/63072040.cms>
- Patel, B.N., Malik, A.K., and W. Nunes. (2017). Indian Ocean and Maritime Security: Competition, Cooperation, and Threat. Center for Foreign Policy and Security Studies, Gujarat National Law University. Routledge: New York, NY.
- Pathfinder Foundation. (2012). Great Leap Forward in Sino-Lankan Relations: A way forward. Источник: <http://pathfinderfoundation.org/component/content/article/41-china-watch/183-china-watch-1>
- People's Voice. (2017). Nepal's Communist Parties to Merge Ahead of Elections. 26 октября. Источник: <https://www.peoplesworld.org/article/nepals-communist-parties-to-merge-ahead-of-elections/>
- Pettifer, J. (2005). Maldives reform hope after tsunami. 9 февраля 2019. Источник: http://news.bbc.co.uk/2/hi/programmes/crossing_continents/4248085.stm
- Peyrouse, S. (2016). Caught Between Two Big Powers? Central Asia Under the Weight of Russian and Chinese Influence, Open Forum, 16 декабря. Источник: <http://www.theasanforum.org/caught-between-two-big-powers-central-asia-under-the-weight-of-russian-and-chinese-influence/>
- Plesch, V. (2015). Crisis on Nepal-India border as blockade continues. 24 декабря 2015. Al Jazeera. Источник: <https://www.aljazeera.com/indepth/inpictures/2015/12/crisis-nepal-india-border-blockade-continues-151223082533785.html>
- Pluijm, R. & J. Melissen. (2007). City diplomacy: The expanding role of cities in international politics. Clingendael Diplomacy Papers No. 10. The Hague, Netherlands Institute of International Relations, Clingendael.
- Pokharel, J.R. (2019). Outer Ring Road: Heading for a Limbo. The Himalayan Times. 2 мая 2019. Источник: <https://thehimalayantimes.com/opinion/outer-ring-road-heading-for-a-limbo/>
- Pokharel, K. (2015). The Two-Month Blockade of Nepal Explained. 26 ноября 2015. Источник: <https://blogs.wsj.com/indiarealtime/2015/11/26/the-two-month-blockade-of-nepal-explained/>
- Popham, P. (2010). How Beijing Won Sri Lanka's Civil War, The Independent, 23 мая. Источник: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/how-beijing-won-sri-lankas-civil-war-1980492.html>
- PSM. (2019). China Says More Collaboration with Maldives in the Pipeline. 1 мая 2019. PSM News. Источник: <https://psmnews.mv/en/50063>

Q

- Quadir, S. (2018). China to develop Bangladesh industrial zone as part of South Asia push, 4 апреля. Reuters. Источник: <https://www.reuters.com/article/us-bangladesh-china/china-to-develop-bangladesh-industrial-zone-as-part-of-south-asia-push-idUSKCN1HB1M2>

R

Rana, P.B. and B. Karmacharya. (2014). A Connectivity-Driven Development Strategy for Nepal: From a Landlocked to a Land-Linked State. Asian Development Bank. Сентябрь 2014. Источник: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156353/adb-wp498.pdf>

Rasheed, Z. (2018). Outrage at Corruption, Rights Abuses Tipped Maldives Election. Al Jazeera. 26 сентября 2018. Источник: <https://www.aljazeera.com/news/2018/09/outrage-corruption-rights-abuses-tipped-maldives-election-180925194132476.html>

Rauhalla, E. (2015). China Rushes Aid to Nepal After Deadly Earthquake; Taiwan Is Turned Away. 27 апреля 2015. Time Magazine. Источник: <https://time.com/3836182/china-nepal-earthquake-taiwan-geopolitics/>

Reid, K. (2018). 2015 Nepal Earthquake Facts. World Vision. 3 апреля 2018. Источник: <https://www.worldvision.org/disaster-relief-news-stories/2015-nepal-earthquake-facts>

Reuters. (2016). China's August forex reserves rise to 3.1072 trillion. 6 сентября 2019. Источник: <https://www.reuters.com/article/us-china-economy-forex-reserves/chinas-august-forex-reserves-rise-to-3-1072-trillion-idUSKCN1V502L>

Reuters (2018a). China's Xi Offers Fresh \$295 Million Grant to Sri Lanka, Reuters, 22 июля. Источник: <https://www.reuters.com/article/us-sri-lanka-china-grant/chinas-xi-offers-fresh-295-million-grant-to-sri-lanka-idUSKBN1KC0D8>

Reuters. (2019). Dozens Protest Against Chinese Influence in Kazakhstan. Reuters. 4 сентября 2019. Источник: <https://www.reuters.com/article/us-kazakhstan-china-protests/dozens-protest-against-chinese-influence-in-kazakhstan-idUSKCN1VP1B0>

Reuters. (2018b). European Union Warns of Sanctions Against Maldives Rights Violators. 16 июля. Источник: <https://www.reuters.com/article/us-eu-maldives/european-union-warns-of-sanctions-against-maldives-rights-violators-idUSKBN1K61KA>

Riedel, B. (2018). Maldives: A Crisis in Paradise. Brookings Institution. 13 августа 2018. Источник: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/08/13/maldives-a-crisis-in-paradise/>

Robinson, J.J. (2012). Maldives Cancels GMR's \$511 million airport project. Reuters. 28 ноября 2012. Источник: <https://www.reuters.com/article/maldives-india-gmr/maldives-cancels-gmrs-511-million-airport-project-idINDEE8AR01Z20121128>

Ruta, M. (2018). "Three Opportunities and Three Risks of the Belt and Road Initiative". World Bank Blog. 4 мая 2018. Источник: <https://blogs.worldbank.org/trade/three-opportunities-and-three-risks-belt-and-road-initiative>

S

Saberin, Z. (2018). What's Behind Saudi-UAE Aid to the Maldives? Al Jazeera. 1 марта 2018. Источник: <https://www.aljazeera.com/indepth/features/saudi-uae-aid-maldives-180228130657644.html>

Sadovskaya, Y. (2015). The Mythology of Chinese Migration in Kazakhstan, 16 января. The Central Asia-Caucasus Analyst. Источник: <https://astanatimes.com/2019/04/central-asia-has-potential-to-attract-170-billion-in-fdi-in-10-years/>

Safi, M. и Perera, A. (2018). The Biggest Game Changer in 100 Years: Chinese Money Gushes Into Sri Lanka, The Guardian, 25 марта. Источник: <https://www.theguardian.com/world/2018/mar/26/the-biggest-game-changer-in-100-years-chinese-money-gushes-into-sri-lanka>

Samaranayake, N. (2019). China's Engagement with Smaller South Asian Countries. United States Institute for Peace. Источник: <https://www.usip.org/publications/2019/04/chinas-engagement-smaller-south-asian-countries>

SASAC. (2018). CRTG completes Central Asia's longest railway tunnel. 18 июля 2019. State-Owned Assets and Administration Commission State Council. Источник: http://en.sasac.gov.cn/2018/07/18/c_63.htm

Satyal, U. (2018). Over 71 percent medical students fail licensing examination. The Himalayan Times. 13 августа 2018. Источник: <https://thehimalayantimes.com/nepal/over-71-per-cent-medical-students-fail-licensing-examination/>

Sautman, B. (2019). "The Truth About Sri Lanka's Hambantota Port, Chinese 'Debt Traps' and 'Asset Seizures,'" South China Morning Post, 6 мая 2019. Источник: <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/3008799/truth-about-sri-lankas-hambantota-port-chinese-debt-traps>

- Sawe, B.E. (2019). What Are The Major Natural Resources Of Kazakhstan? 3 июля. World Atlas. Источник: <https://www.worldatlas.com/articles/what-are-the-major-natural-resources-of-kazakhstan.html>
- Scobell, A., Ratner, E. & Beckley, M. (2014). China's Strategy Toward South and Central Asia: An Empty Fortress. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
- Schultz, K. (2017). Sri Lanka, Struggling with Debt, Hands a Major Port to China. New York Times. Источник: <https://www.nytimes.com/2017/12/12/world/asia/sri-lanka-china-port.html>
- Shah, K. (2018). Debt Trap Diplomacy Faultlines in China's Belt and Road Initiative. Observer Research Foundation. 28 ноября 2018. Источник: <https://www.orfonline.org/expert-speak/debt-trap-diplomacy-faultlines-in-chinas-belt-and-road-initiative-45802/>
- Shambaugh, D. (2018). China's Soft-Power Push. The Search for Respect. In: Sieckmann, I., & Triebel, O. (Eds.). (2018). A New Responsible Power China? China's Public Diplomacy for Global Public Goods (ifa Edition Culture and Foreign Policy). Stuttgart: ifa (Institut für Auslandsbeziehungen). Источник: <https://nbnresolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoa-59038-7>
- Shambaugh, D., & Yahuda, M. (2008). International relations of Asia. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.
- Sharma, G. (2019). China to give \$21 million to Nepal army to help future disaster relief. Human Rights Watch. 21 октября 2019. Источник: <https://www.hrw.org/news/2019/10/11/fears-over-nepal-china-extradition-treaty>
- Sharma, B. и K. Schultz. (2019). Xi Jinping Comes to Nepal Bearing Investments, and India Is Watching. 12 октября 2019. Источник: <https://www.nytimes.com/2019/10/12/world/asia/xi-jinping-nepal-india.html>
- Sharma, R.D. (2019). Use of Chinese Digital Wallets Banned in Nepal. The Himalayan Times. 21 мая 2019. Источник: <https://thehimalayantimes.com/business/use-of-chinese-digital-wallets-banned-in-nepal/>
- Sharma, G. Nepal Says Bans WeChatPay, Alipay. Reuters. 22 мая 2019. Источник: <https://www.reuters.com/article/us-china-nepal-digitalpayments/nepal-says-bans-wechat-pay-alipay-idUSKCN15S19N>
- Shayakhmedtova, Z. (2019). Kazakhstan Seeks High-Tech Agricultural Cooperation with China Says Tokayev During Beijing Business Council Meeting. 11 сентября 2019. Источник: <https://astanatimes.com/2019/09/kazakhstan-seeks-high-tech-agricultural-cooperation-with-china-says-tokayev-during-beijing-business-council-meeting/>
- Shen, X. (2015). Private Chinese Investment in Africa: Myths and Realities. Development Policy Review, 2015, 33 (1): 83-106.
- Shepard, W. (2016). Bangladesh's Deep Sea Port Problem, 7 июня. The Diplomat. Источник: <https://thediplomat.com/2016/06/bangladeshs-deep-sea-port-problem/>
- SIPRI (Stockholm International Peace Research Institute). (2017). Trade Registers. Источник: http://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php
- Smith, J. M. (2016). China's Investments in Sri Lanka, Foreign Affairs, 23 мая. Источник: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-05-23/chinas-investments-sri-lanka>
- Smith, J. (2016). China and Sri Lanka: Between a Dream and a Nightmare, The Diplomat, 18 ноября 2016. Источник: <https://thediplomat.com/2016/11/china-and-sri-lanka-between-a-dream-and-a-nightmare/>
- Starr, S. (2018). China moves to bring Nepal into its sphere of influence. The Irish Times. 13 октября 2018. Источник: <https://www.irishtimes.com/business/economy/china-moves-to-bring-nepal-into-its-sphere-of-influence-1.3661636>
- Stein, M. (2012). Uzbekistan's View of Security in Afghanistan after 2014. Источник: https://www.armyupress.army.mil/Portals/7/military-review/Archives/English/MilitaryReview_20120630_art012.pdf
- Stratfor. (2012). Re-examining the Collective Security Treaty Organization. 6 августа 2012. Источник: <https://worldview.stratfor.com/article/re-examining-collective-security-treaty-organization>
- Stratfor. (2013). China's String of Pearls? Stratfor. 13 февраля 2013. Источник: <https://worldview.stratfor.com/article/chinas-string-pearls>
- Stratfor. (2016). Competing Interests on the Mighty Amur River. Stratfor. 10 августа 2016. Источник: <https://worldview.stratfor.com/article/competing-interests-mighty-amur-river>

Stronski, P. и NG, N. (2018). Cooperation and Competition: Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic, Working Paper, Carnegie Endowment for International Peace, February. Источник: <https://carnegieendowment.org/2018/02/28/cooperation-and-competition-russia-and-china-in-central-asia-russian-far-east-and-arctic-pub-75673>

Strüver, G. (2012). What friends are made of: Bilateral linkages and domestic drivers of foreign policy alignment with China. Hamburg, Germany: German Institute of Global and Area Studies, Рабочий документ 209.

Swaine, M (2014). Chinese Views and Commentary on Periphery Diplomacy, China Leadership Monitor, No. 44. Источник: <https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/clm44ms.pdf>

Sullivan, K. (2015). Why the Sri Lanka Election Upset is a Blow to China, The Week, 13 января 2015.

Synovitz, R. (2017). Bulldozing History: Ancient Uzbek City's UNESCO Status At Risk, Radio Free Europe, 26 марта. Источник: <https://www.rferl.org/a/bulldozing-history-ancient-uzbek-city-unesco-status-at-risk/28392139.html>

Сыроежкин, К. (2009). Социальное восприятие Китая и его народа: перспектива Казахстана (Social perceptions of China and the Chinese: A view from Kazakhstan). Вестник Евразийской науки, 7(1), 29-46.

T

Tan, W. (2019). China's loans to other countries are causing 'hidden' debt. That may be a problem, 11 июня. CNBC. Источник: <https://www.cnbc.com/2019/06/12/chinas-loans-causing-hidden-debt-risk-to-economies.html>.

Tashkent Times. (2019). Uzbekistan Announces 7-day Visa-Free Travel for Chinese Nationals. 12 сентября 2019. Источник: <https://tashkenttimes.uz/national/4322-uzbek-stan-announces-7-day-visa-free-travel-for-chinese-nationals>

Tiezzi, S. (2014). The Maritime Silk Road Vs. The String of Pearls, 13 февраля. The Diplomat. Источник: <https://thediplomat.com/2014/02/the-maritime-silk-road-vs-the-string-of-pearls/>

Tiezzi, S. (2015). After Devasating Earthquake, China Rushes Aid to Nepal. 28 апреля 2015. The Diplomat. Источник: <https://thediplomat.com/2015/04/after-devastating-earthquake-china-rushes-aid-to-nepal/>

TellerReport. (2019). Nazarbayev meets with Jackie Chan, 28 апреля. Teller Report. Источник: <https://www.tellerreport.com/news/nazarbayev-meets-with-jackie-chan-BJ9irJQoV.html>

Toppa, S. (2018). Why Young Pakistanis Are Learning Chinese, The Atlantic. Источник: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/11/pakistan-china-cooperation-cpec/568750/>

Transparency International. (2018). Corruption Perceptions Index 2018. Источник: <https://www.transparency.org/cpi2018>

Turton, S. (2019). China's Belt and Road Ports Raise Red Flags Over Military Plans, Nikkei Asian Review, 23 июля. Источник: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Asia-Insight/China-s-Belt-and-Road-ports-raise-red-flags-over-military-plans>

Tusher, H.J., & P.B. Chowdhury. (2016). AL plays China card right, 16 октября. The Daily Star. Источник: <https://www.thedailystar.net/supplements/al-plays-china-card-right-1298572>

U

Uatkhonov, Y. (2017). Khorgos saves money, unites people from Kazakhstan and China, 2 октября. The Astana Times. Источник: <https://astanatimes.com/2017/10/khorgos-saves-money-unites-people-from-kazakhstan-and-china/>

Uddin, J. (2017). Why border killing has not stopped, 6 января. Dhaka Tribune. Источник: <https://www.dhakatribune.com/bangladesh/2017/12/27/border-killing-not-stopped>

ООН (2011). Report of the Secretary General's Panel of Expert on Accountability in Sri Lanka, Организация Объединенных Наций, 31 марта. Источник: https://www.un.org/News/dh/infocus/Sri_Lanka/POE_Report_Full.pdf

V

Vakulchuk, R., & I. Overland. (2019). China's Belt and Road Initiative through the lens of Central Asia, Январь. Routledge, pp.115–133.

Vater, T. и L. Siegel. (2019). Belt and Road Reaches Nepal's Wild North, Winning China Influence. 9 марта 2019. Источник: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Belt-and-Road/Belt-and-Road-reaches-Nepal-s-wild-north-winning-China-influence>

Voices on Central Asia. (2017). A Year of Economic Reforms with President Mirziyoyev. 28 декабря 2017. Источник: <https://voicesoncentralasia.org/a-year-of-economic-reforms-with-president-mirziyoyev/>

W

Wagner, C. (2016). The Role of India and China in South Asia. *Strategic Analysis*, 40(4), 307-320.

Weerakoon, D. and S. Jayasuriya. (2019). Commentary: Sri Lanka's Debt Problem Wasn't Made in China. 15 марта 2019. Источник: <https://www.channelnewsasia.com/news/commentary/sri-lanka-debt-port-borrowing-problem-not-made-in-china-11309738>

Wilson, E. (2019). Uzbekistan: Coming in from the Cold. Special Report: Uzbekistan. *Global Capital.com*. 9 мая 2019.

Всемирный банк. (2019). The World Bank in South Asia: Overview. Источник: <https://www.worldbank.org/en/region/sar>

Показатели мирового развития, Всемирный банк. Источник: <https://bit.ly/2G6NXPo>

Wuthnow, J. (2019). "China's Belt and Road: One Initiative, Three Strategies," In: *Strategic Asia 2019: China's Expanding Ambitions*, by Ashley J. Tellis, Alison Szalwinski, and Michael Wills, eds. (Национальное бюро азиатских исследований: Вашингтон, округ Колумбия).

X

Xinhua (2019). Xi meets Nepali Congress Party chief. 13 октября 2019. Источник: http://www.xinhuanet.com/english/2019-10/13/c_138467293.htm

Y

Yan, X. (2014). From keeping a low profile to striving for achievement. *The Chinese Journal of International Politics*, 7(2), 153-184.

Yergaliyeva, A. (2019). Central Asia has potential to attract \$170 billion in FDI in 10 years, 8 апреля. *The Astana Times*. Источник: <https://astanatimes.com/2019/04/central-asia-has-potential-to-attract-170-billion-in-fdi-in-10-years/>

Yi, X. (2005): Chinese Foreign Policy in Transition: Understanding China's "Peaceful Development", *The Journal of East Asian Affairs*, Vol. 19, No. 1 (Spring/Summer 2005), pp. 74- 112, Institute for National Security Strategy.

Z

Zalif, Z. (2018). China to renovate Maldives' foreign ministry building. 29 декабря 2018. Источник: <https://raajje.mv/47453>

Zhang, Y. (2018). Feature: China-aided bridges open in Fijian capital, cementing bilateral friendship, 11 января. *Xinhua*.

Zhang, H. (2019). Beyond Debt Trap Diplomacy: The Dissemination of PRC State Capitalism. *Jamestown Foundation*. 5 января 2019. Источник: <https://jamestown.org/program/beyond-debt-trap-diplomacy-the-dissemination-of-prc-state-capitalism/>

Zhao, K. (2015): The Motivation behind China's Public Diplomacy, *The Chinese Journal of International Politics*, 2015, 167–196.

Zhen, L. (2017). "Pakistan Pulls Plug On Dam Deal Over China's Too Strict Conditions in Latest Blow to Belt and Road Plans". 16 ноября 2017. Источник: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2120261/pakistan-pulls-plug-dam-deal-over-chinas-too-strict>

Zhou, Y. и Luk, S. (2016). Establishing Confucius Institutes: a tool for promoting China's soft power? *Journal of Contemporary China*, 2016 VOL . 25, NO . 100, 628–642.

Zhou, L. (2019). Chinese Officials Have Finally Discovered Twitter. What Could Possibly Go Wrong? *South China Morning Post*. 4 августа 2019. Источник: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3021310/chinese-officials-have-finally-discovered-twitter-what-could>

Zhussupova, D. (2019). Kazakhstan attracts \$330 billion FDI since 1991. *The Astana Times*. 11 сентября 2019. Источник: <https://astanatimes.com/2019/09/kazakhstan-attracts-330-billion-fdi-since-1991/>

Информация о лаборатории AidData

AidData — исследовательская лаборатория глобального научно-исследовательского института Уильяма и Мэри. Мы предоставляем политическим деятелям и специалистам самые достоверные фактические данные для совершенствования определения целевого назначения, контроля и оценки вкладов в устойчивое развитие. Мы используем точные методы, современные средства и подробные данные, чтобы получить ответы на следующие вопросы: кто делает что, где, для кого и для достижения какого результата?

AidData

Глобальный научно-исследовательский институт Уильяма и Мэри
Адрес: 427 Scotland St.
Williamsburg, VA 23185 (USA)

WILLIAM & MARY

CHARTERED 1693